

ЖУРНАЛ
НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

№6

Проблемы
экономической теории

Исследование
российской экономики

Вопросы
экономической политики

Горячая тема

Научная жизнь

2010

Москва

Главные редакторы

В.М. Полтерович, А.Я. Рубинштейн

Редакционная коллегия

Ф.Т. Алескеров <i>(зам. главного редактора)</i>	Л.М. Григорьев	В.Д. Матвеев	В.Л. Тамбовцев
В.И. Аркин	Е.Т. Гурвич <i>(зам. главного редактора)</i>	Я.Ш. Паппэ	Л.А. Фридман
Е.В. Балацкий	С.М. Гуриев	А.А. Пересецкий	Т.В. Чубарова
Л.Б. Вардомский	В.И. Данилов	В.В. Попов	К.В. Юдаева
А.А. Васин	В.Е. Дементьев	В.В. Радаев	О.А. Эйсмонт
В.Е. Гимпельсон	И.А. Денисова	А.В. Савватеев	А.А. Яковлев
Е.Ш. Гонтмахер	Л.Н. Лыкова	С.А. Смоляк	
		О.Ю. Старков <i>(ответственный секретарь)</i>	

Редакционный совет

Л.И. Абалкин	А.А. Дынкин	В.Л. Макаров	А.И. Татаркин
А.Г. Аганбегян	И.И. Елисеева	П.А. Минакир	А.Ю. Шевяков
А.А. Аузан	В.В. Ивантер	А.Д. Некипелов	Н.П. Шмелев
А.Г. Гранберг	О.В. Иншаков	Н.Я. Петраков	М.А. Эскиндаров
Р.С. Гринберг	Г.Б. Клейнер	С.М. Рогов	И.Ю. Юргенс
В.И. Гришин	Я.И. Кузьминов		

© Журнал Новой экономической ассоциации, 2010

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-37276 от 19 августа 2009 г.

ISBN 978-5-9940-0104-2

От редакционной коллегии

В январе 2009 года создана Новая экономическая ассоциация и зарегистрирован ее печатный орган – Журнал Новой экономической ассоциации. Главная цель и ассоциации, и журнала – объединить усилия всех российских экономистов, работающих в Российской академии наук, в высших учебных заведениях, в аналитических центрах, для повышения качества российских экономических исследований и образования.

Журнал публикует статьи как теоретического, так и эмпирического характера по всем направлениям экономической науки. Приветствуются междисциплинарные разработки и экономические исследования, использующие методы других наук – физики, социологии, политологии, психологии и т.п. Особое внимание предполагается уделять анализу процессов, происходящих в российской экономике.

Журнал будет реагировать на самые острые проблемы, возникающие в мировой и российской экономике. В связи с этим создана специальная рубрика – «Горячая тема», где будут, в частности, помещаться материалы круглых столов, организованных журналом.

Планируется также публикация рецензий и новостных материалов, посвященных научной жизни в России и за рубежом.

Все рассматриваемые статьи подвергаются «двойному анонимному» рецензированию. При принятии решения о публикации единственным критерием является качество работы – оригинальность, важность и обоснованность результатов, ясность изложения. Принадлежность автора к тому или иному общественному движению, защита в статье тезисов, характерных для того или иного политического течения, не должны влиять на решение о публикации или отвержении статьи.

Журнал будет выходить ежеквартально на русском и английском языках. Английская версия журнала будет публиковаться на сайте журнала, а русская версия – и в бумажном, и в электронном форматах.

Журнал включен ВАК Минобрнауки России в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Содержание

Проблемы экономической теории

- 10 А.М. Либман**
Эмпирические исследования факторов децентрализации: обзор литературы
- 30 Ф.Л. Зак**
Налогообложение в вальрасовской экономике

Исследование российской экономики

- 62 Е.А. Артемьева,
М.С. Баландина,
П.В. Воробьев,
С.М. Кадочников,
М.А. Коновалова,
О.В. Никитина,
И.В. Останин**
Корзина роста: потенциальные экспортные отрасли Свердловской области
- 82 А.В. Мишура**
Ресурсозависимость и качество институтов в регионах России

Вопросы экономической политики

- 98 Е.Т. Гурвич**
Реформа 2010 г.: решены ли долгосрочные проблемы пенсионной системы?
- 120 К. Шпренгер**
Государственная собственность в российской экономике. Часть 1. Масштаб и распределение по секторам

Горячая тема

Круглый стол:
Экономический кризис
и социальная политика

- 142 Е.Ш. Гонтмахер**
Социальная проекция экономического кризиса
- 144 К.И. Микульский**
Российская общественная система как главное препятствие для проведения эффективной социальной политики

- 146 Р.И. Капелюшников**
Рынок труда: почему не сбылись катастрофические прогнозы?
- 148 И.В. Соболева**
Реакция на кризис и стратегические риски в сфере труда
- 149 С.В. Калашников**
Урок социальной сфере
- 151 Т.В. Чубарова**
Кризис и инвестиции в здоровье
- 153 Л.С. Ржаницына**
Кризисные явления, социальная политика и социальная наука
- 155 Л.С. Дегтярь**
Социальное измерение кризиса: мировой опыт
- 156 М.И. Воейков**
Есть ли системность в социальной политике
- 158 А.Ю. Шевяков**
Экономическое неравенство как результат кризиса
- 160 Ю.Г. Павленко**
Социальная политика в условиях модернизации
- 161 Л.И. Якобсон**
Слабость социальной политики: недоработка начальства или симптом состояния общества?
- 163 А.Я. Рубинштейн**
Вместо заключения

Научная жизнь

- 166 Р.Т. Сульtimiова**
Национальная премия по прикладной экономике
- 167 И.И. Прохорова**
XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества
- 171 К.П. Юрченко**
VII Международная научно-практическая конференция по проблемам экономического развития «Устойчивое развитие российских регионов: инновации, институты и технологические заимствования»
- 173 В.Ю. Музычук**
Международный форум по партнерству Северного измерения в сфере культуры

Contents

Problems of Economic Theory

- 10 A.M. Libman**
Empirical Studies
on Determinants of Decentralization:
A Literature Survey
- 30 F.L. Zak**
Taxation in Walrasian Economy

Studies of the Russian Economy

- 62 E.A. Artemyeva,
M.S. Balandina,
P.V. Vorobyev,
S.M. Kadochnikov,
M.A. Konovalova,
O.V. Nikitina,
I.V. Ostanin**
Basket of Growth:
Prospective Export Industries
in Sverdlovsk Region
- 82 A.V. Mishura**
Resource Dependence and Quality
of Institutions in Russian Regions

Issues of Economic Policy

- 98 E.T. Gurvich**
Reform of 2010:
Are the Long-Term Problems
of the Pension System Properly
Settled?
- 120 C. Sprenger**
State Ownership in the Russian
Economy (Part 1):
Its Scale And Sectoral Distribution.

Hot Topic

Rountable Discussion:
Economic Crisis and Social Policy

- 142 E.Sh. Gontmakher**
The Social Projection
of the Economic Crisis.
- 144 K.I. Mikulsky**
Russia's Societal System
As Main Barrier
for Efficient Social Policy.

- 146 R.I. Kapelyushnikov**
The Labor Market:
Why Have Catastrophic Forecasts
Not Come True?
- 148 I.V. Soboleva**
The Reaction on the Crisis and
Strategic Risks in the Labor's Sphere.
- 149 S.V. Kalashnikov**
A Lesson for the Social Sphere.
- 151 T.V. Chubarova**
The Crisis and Investment
into Healthcare.
- 153 L.S. Rzhantsina**
Crisis Effects, Social Policy
and Social Science.
- 155 L.S. Degtyar**
The Social Dimension
of the Crisis: World Experience.
- 156 M.I. Voeykov**
Is There a System in Social Policy?
- 158 A.Yu. Shevyakov**
Economic Inequality
As a Result of the Crisis.
- 160 Yu.G. Pavlenko**
Social Policy under Modernization.

- 161 L.I. Yakobson**
The Weakness of Social Policy: The
Fault of Authorities Or Symptom of
Society's State?

- 163 A.Ya. Rubinshtein**
Instead of a Conclusion

Academic affairs

- 166 R.T. Sultimova**
The National Prize
in Applied Economics.
- 167 I.I. Prokhorova**
The XI-th International Academic
Conference on Economic
and Societal Development Problems
- 171 K.P. Yurchenko**
The VII-th International Academic-
Practical Conference on Problems
of Economic Development
“Sustainable Development of Russian
Regions: Innovations, Institutes
and Technology Transfer”.
- 173 V.Yu. Muzychuk**
International Forum
on the Northern Dimension
Partnership in Culture.

Проблемы экономической теории

А.М. Либман

Эмпирические исследования
факторов децентрализации:
обзор литературы

Ф.Л. Зак

Налогообложение
в вальрасовской экономике

А.М. Либман

Франкфуртская школа финансов и менеджмента,

Институт экономики РАН

Эмпирические исследования факторов децентрализации: обзор литературы*

Эмпирические исследования децентрализации играют сегодня важную роль в экономике общественного сектора. В настоящей статье представлена попытка обзора литературы по данному направлению исследований. В ней рассматриваются позитивные¹ исследования децентрализации как эндогенной характеристики. Анализируются направления поиска основных факторов, определяющих степень децентрализации в отдельных странах.

Ключевые слова: децентрализация; федерализм; эмпирические исследования.

Классификация JEL: H71, H72, H77.

1. Введение

Проблематика децентрализации общественного сектора находится в центре внимания экономической науки, как минимум, на протяжении последних шестидесяти лет. Интенсивные эконометрические исследования в экономической науке в последние десятилетия затронули и эту область, породив обширную литературу. В исследованиях децентрализации в последние годы особенно четко проявляется смещение предмета изучения. Доминирующий подход к изучению данной проблематики до последнего времени был сосредоточен на анализе нормативов: исследования концентрировались на поиске оптимальной децентрализации в зависимости от параметров внешней среды (разнообразности предпочтений или доступа к информации). Мы не отрицаем значимости данного подхода, но децентрализация в реальном мире может серьезно отклоняться от оптимального уровня (и, более того, как правило, не будет соответствовать последнему). Например, это может быть вызвано политико-экономическими факторами, определяющими особенность агрегировать противоречивые интересы в процессе принятия решений по поводу децентрализации. Все сказанное означает, что более точным был бы анализ децентрализации как эндогенной переменной, зависящей от некоторых внешних условий (и, в свою очередь, воздействующей на них), а не чисто экзогенной характеристики. Хотя первые работы, посвященные подобному позитивному анализу децентрализации, имели место еще в 1970-е годы, динамичное развитие теории эндогенной децентрализации началось примерно 15 лет назад. В настоящей статье мы предлагаем обзор литературы, посвященной эмпирическим

---

* Автор выражает глубокую признательность рецензенту за ценные замечания, позволившие существенно улучшить качество работы.

¹ Термин «позитивный анализ» в данной работе используется в противовес «нормативному» для описания исследований, концентрирующихся на выявлении взаимосвязей между фактами социальной реальности, а не формулировке рекомендаций и поиске оптимальных моделей и организаций взаимодействия в обществе.

исследованиям эндогенной децентрализации. Насколько нам известно, речь идет о первой попытке провести специализированный обзор *эмпирической* литературы в области эндогенной децентрализации.

2. Децентрализация: о чем идет речь?

Подробное обсуждение определения концепции децентрализации и проблемы измерений, по-видимому, потребовало бы самостоятельного исследования. Поэтому здесь мы лишь коротко остановимся на основных подходах к оценке децентрализации, используемых в литературе и представляющих интерес для настоящего обзора. Можно выделить три основных концепции децентрализации.

Во-первых, в теоретической литературе основное внимание уделяется так называемой *конституционной*, или *политической*, децентрализации. Последняя связана с *автономией региональных органов власти* в сфере формирования экономической политики. Иными словами, политическая децентрализация включает три составляющих: автономию принятия решений; автономию формирования территориальных органов власти (на основе выборов или переговоров элит) и способность региональных органов власти влиять на решения, принимаемые в центре (Hutchcroft, 2001; Ali, 2002; Schneider, 2003; Treisman, 2007). В реальных политико-экономических системах все эти три явления смешаны в различной пропорции; однако первая характеристика является все же более значимой. В то же время дать количественную оценку конституционной децентрализации, необходимую для эмпирического исследования, крайне сложно (а часто вообще невозможно): как правило, в литературе используются разнообразные по составу индексы децентрализации и федерализма, порой сильно отличающиеся друг от друга (Marks et al., 2008; Blume, Voigt, 2008).

Во-вторых, самостоятельной концепцией выступает *постконституционная децентрализация*. Если конституционная децентрализация связана с механизмами принятия решений (формальными и неформальными), то постконституционная децентрализация отражает результаты политического процесса. Наверное, проще понять это разграничение на примере фискальных вопросов: конституционная фискальная децентрализация описывает автономию региональных органов власти в терминах налога и бюджета, постконституционная фискальная децентрализация сводится исключительно к распределению финансовых потоков между центром и регионами. Несколько сложнее ситуация в сфере регулирования: конституционная децентрализация описывает автономию регионов в сфере формирования правовых норм и стандартов, а постконституционная – характеризует «сравнительную значимость» регионального и центрального регулирования для экономических игроков.

В-третьих, наблюдения, касающиеся структуры и направлений развития постконституционной децентрализации, дают лишь

опосредованную информацию о достоверности выводов теоретических концепций (концентрирующихся, как правило, на конституционном уровне), поскольку распределение финансовых потоков и «сравнительная значимость» федерального и регионального законодательства формируются под влиянием массы факторов, порой сильно различающихся между собой для отдельных государств. Однако данная концепция децентрализации имеет огромное преимущество для эмпирических работ: ее параметры достаточно просто измерить. При этом, однако, необходимо различать отдельные *аспекты постконституционной децентрализации*: прежде всего фискальную децентрализацию и децентрализацию в сфере регулирования.

Для *фискальной децентрализации*, к которой и сводится процесс децентрализации в подавляющем большинстве работ, преимущества постконституционного уровня для эмпирического анализа выражены наиболее ярко. Ее простейшей количественной характеристикой является доля региональных бюджетов в совокупных расходах или доходах бюджетной системы. Как правило, этот показатель рассчитывается для страны в целом. Впрочем, децентрализацию можно исследовать и на региональном уровне: однако в этом случае различают два подхода к ее изучению. Первый концентрирует внимание на распределении доходов и расходов между регионами и муниципалитетами, – тот же подход, что и для страны, он просто спускается на уровень ниже (Feld et al., 2008). В рамках второго подхода, который применяется заметно реже, исследователи пользуются асимметрией процесса децентрализации для оценки влияния отдельных факторов. В этом случае основной количественной характеристикой выступает доля регионального бюджета в совокупном (налоговом) доходе с территории региона (*retention gate*); аналогичный показатель для расходов, как правило, невозможно вычислить из-за отсутствия данных о распределении центральных расходов бюджета по территории страны.

Следует также заметить, что в некоторых случаях характеристика постконституционной децентрализации «корректируется» для учета «реальной» автономии регионов. Например, Д. Стегареску предлагает использовать «долю автономных расходов» и «автономных доходов» регионов в бюджетных системах стран ОЭСР как более адекватный показатель фискальной децентрализации (Stegarescu, 2005).

Оценить *децентрализацию в сфере регулирования* значительно сложнее в силу разнородности различных сфер управления, которые часто сложно сравнивать между собой. Поэтому исследования концентрируются, как правило, на конкретных примерах государственной политики: например, регулировании торговли алкоголем штатами и муниципалитетами в США (Strumpf, Oberholzer-Gee, 2002) или «добровольной децентрализации» в сфере норм безопасности в США (Traub, Sigman, 2007). Очевидной проблемой такого подхода является генерализация результатов: в конечном счете, речь идет

о модифицированном анализе конкретных случаев (case studies). У стран с переходной экономикой, впрочем, существует еще одна альтернатива: нередко регионы принимают законодательные акты, противоречащие законам центрального правительства; долю таких актов в общем числе нормативных актов региона или абсолютную величину числа таких актов можно применять как показатель децентрализации в сфере регулирования. Подобные исследования проводились для России, где указанный показатель может быть определен на основе Федерального реестра законодательных актов Министерства юстиции (Libman, 2009), и для Вьетнама на основе анализа данных СМИ (Malesky, 2004).

3. Эмпирические исследования: основные результаты

3.1. Стандартная форма регрессии

Практически все модели, используемые в эмпирических исследованиях эндогенной децентрализации, строятся по одной и той же схеме. Стандартная регрессия (для панельных данных), которая часто встречается в литературе (здесь приводится форма, сформулированная в Arzaghi, Henderson, 2005), имеет вид:

$$S_{it} = \beta X_{it} + \delta_t + u_i + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где S_{it} соответствует показателю децентрализации в год t в регионе или стране i ; X соответствует используемым в данной регрессии объясняющим переменным; δ_t соответствует фиктивной переменной года или периода (временному фиксированному эффекту), а два компонента остатков – u_i и ε_{it} – показывают, соответственно, специфический для страны или региона эффект и случайное возмущение. В большинстве регрессий используются следующие переменные: демократизация, этнолингвистическая разнородность (ELF), религиозная разнородность, формальный статус федеративного государства (иначе говоря, один из аспектов децентрализации используется как переменная, объясняющая уровень другого аспекта децентрализации), население, территория, доход на душу населения, уровень урбанизации, неравенство доходов.

В то же время отдельные исследования могут модифицировать список переменных, как правило, добавляя те или иные характеристики, представляющие интерес для конкретного исследования (особенно часто речь идет о характеристиках политической системы) или связанные с особенностями выборки. Например, в работе (Feld et al., 2008) при изучении децентрализации в швейцарских кантонах, в число переменных X включены:

- 1) переменные «прямой демократии» (в основном фиктивные переменные для обязательных референдумов или установленный законодательством размер бюджетных расходов, требующий утверждения на референдуме)²;

² В отличие от России, где бюджетные вопросы исключены из состава потенциальных тем референдумов, в Швейцарии, напротив, во многих случаях предусмотрен обязательный референдум при принятии решений в отношении определенного круга бюджетных проблем.

- 2) характеристики фискального федерализма (неравенство доходов в регионе, доля городского населения, федеральные гранты, интенсивность налоговой конкуренции);
- 3) вектор экономических, демографических и политических контрольных переменных.

В (Stegarescu, 2007) для исследования децентрализации в выборке стран составляющими X являются:

- 1) экономия от масштаба в производстве общественных благ (население, урбанизация);
- 2) внутренняя разнородность населения страны;
- 3) открытость экономики страны (доля внешнеторгового оборота в ВВП, либерализация финансовых потоков);
- 4) интеграция с ЕС (индекс политической интеграции, фиктивная переменная для членства в ЕС);
- 5) произведение переменных (3) и (4).

Естественно, существует и ряд других модификаций.

3.2. Постконституционная фискальная децентрализация

Как и отмечалось ранее, именно постконституционная децентрализация наиболее детально изучена в литературе, посвященной эндогенной децентрализации. В качестве основы для эмпирических исследований, как правило, используется выборка стран или регионов одной страны (в данном случае литература почти исключительно ограничивает внимание США и Швейцарией, а также Россией, для которой изучается как децентрализация *внутри* отдельных регионов (регион – муниципалитеты), так и асимметричная децентрализация на основе показателя доли налогового дохода бюджета региона в совокупном налоговом доходе с его территории). Обзор основных результатов исследований приводится в таблице.

Исследования приходят к схожим результатам в отношении некоторых факторов: большие территория и население и более высокий уровень среднедушевого дохода (отражающий уровень экономического развития) содействуют росту децентрализации. Знак урбанизации различается в зависимости от выборки и спецификации регрессий. Точно так же децентрализация нарастает при наличии соответствующих формальных институтов (федеративное устройство государства, независимый конституционный суд). Мощной децентрализующей силой являются мероприятия прямой демократии: референдум, насколько можно судить, способствует, скорее, росту децентрализации (наиболее ярким в этом отношении является пример Швейцарии). Независимый сильный конституционный (или верховный) суд, напротив, является силой, способствующей централизации.

Если в отношении прямой демократии ситуация ясна, то в отношении демократии в целом результаты нуждаются в уточнении. В принципе, в большинстве регрессий демократия связана с более высоким

Таблица

Эмпирические исследования эндогенной централизации
(постконституционный уровень)³

Автор	Выборка	Зависимая переменная	Результат
<i>Межстрановые сопоставления</i>			
(Wasylenko, 1987)	57 промышленно развитых и развивающихся стран, 1980 г.	Доля субнациональных доходов и расходов ⁴	(+) доход на душу населения, статус федерации (федерализм)
(Vaubel, 1996)	50 стран и 23 промышленно развитые страны, 1989–1991 гг.	Доля субнациональных расходов	(+) размер страны, доход на душу населения, федерализм, контроль провинций над процессом формирования конституции. Учет специфических переменных политики повышает объясняющую силу регрессий.
(Panizza, 1999)	Около 60 развитых и развивающихся стран в 1975, 1980, 1985 г.	Доля субнациональных доходов и расходов	(+) площадь, доход на душу населения, ELF, уровень демократии
(Cerniglia, 2003)	Страны ОЭСР, 1977–1994 гг.	Доля субнациональных расходов (в том числе по отдельным направлениям деятельности)	(+) территория, население, уровень урбанизации, доход на душу населения, ELF
(Garret, Rodden, 2003)	40 стран, 1982–1989 гг. и 1990–1997 гг.	Доля субнациональных доходов и расходов	(+): ВВП на душу населения, площадь, демократия (1982–1989 гг.), федерализм (1990–1997 гг.)
(Diaz-Cayeros, 2004)	36 стран: централизация доходов в 1935 г. и в середине 1990-х годов	Доля субнациональных доходов	1935 г.: (+) федерализм, демократическая консолидация; изменения в середине 1990-х годов по сравнению с 1935 г.: (-) экономическая открытость; (+) федерализм
(Stegarescu, 2007)	23 страны ОЭСР, 1970–2001 гг.	Доля субнациональных доходов и расходов (а также модифицированные показатели автономных доходов и расходов, обсуждавшиеся ранее)	(+) доля внешней торговли в ВВП, членство в ЕС и уровень политической интеграции в ЕС (последние два результата неустойчивы при исключении выдающихся значений)
(Arzaghi, Henderson, 2005)	48 стран с населением больше 100 млн чел. 1990, 1975, 1985, 1995 г.	Доля субнациональных доходов и расходов	(+) доход на душу населения, площадь, население, демократизация и наличие федеральной конституции. (-) размер крупнейшей агломерации (крупнейшего города), ELF, французское право как основа правовой системы

³ Сведения о некоторой более старой литературе по данной тематике приводится в (Stegarescu, 2007).

⁴ В случае если не указано иное, имеется в виду доля в совокупных бюджетных доходах (и/или, соответственно, расходах).

Автор	Выборка	Зависимая переменная	Результат
(Letelier, 2005)	64 страны, 1973–1997 гг.	Доля субнациональных доходов и расходов (в том числе по отдельным направлениям деятельности)	(+) (децентрализация в целом) доход на душу населения (особенно в странах с высоким уровнем дохода). (-) урбанизация. (-) (децентрализация расходов на здравоохранение) доход на душу населения
(Treisman, 2006)	66 стран, 1993–1995 гг.	Доля субнациональных доходов и расходов	(+) большая площадь (но не население), принадлежность к бывшим советским республикам, британским и французским колониям, федеральная конституция, доход на душу населения. Демократия не оказывала существенного влияния на децентрализацию после учета экономического развития и колониального прошлого (регрессии панельных данных для уровня демократии дают небольшой, но значимый позитивный эффект для децентрализации расходов, но не для децентрализации доходов). ELF не влияет на децентрализацию
(Vaubel, 2009)	42 страны, 2001–2004 гг.	Доля субнациональных расходов	(-) независимость конституционного суда
<i>США</i>			
(Pryor, 1967)	Штаты США, 1962 г.	Доля расходов муниципалитетов в совокупных расходах штата и муниципалитетов	(+) доход на душу населения (аналогичный результат получен для межстрановой выборки)
(Giertz, 1976)	Штаты США, 1969 г.	Доля расходов и доходов муниципалитетов в совокупных расходах и доходах штата и муниципалитетов	(+) население, плотность населения, площадь, вариация плотности распределения. (-) больший коэффициент Джини и средний доход семьи. Политические переменные оказывают существенное влияние на результат децентрализации
(Baker, 2000)	Штаты США, 1986–1987 фискальный год	Доля расходов муниципалитетов в совокупных расходах штата и муниципалитетов	(-) власть вето губернатора в штате
<i>Швейцария</i>			
(Feld et al., 2008)	Кантоны, 1980–1998 гг.	Доля расходов и доходов кантона в совокупных расходах и доходах кантона и муниципалитетов	(+) фискальный референдум. (-) число членов кабинета министров кантона

Автор	Выборка	Зависимая переменная	Результат
<i>Россия</i>			
(Treisman, 1999)	Субъекты федерации (центр–регионы), 1991–1992 гг. и 1994 г.	Доля регионально-го бюджета в совокупных налоговых доходах с его территории	1991–1992: (+) низкая поддержка президента на выборах. 1991 г., декларация суверенитета, большая численность населения и ВВП на душу населения. (–) более частые визиты президента, доля сельскохозяйственного населения и сырьевого сектора. 1994: (+) оппозиция губернаторов Ельцину в сентябре 1993 г., республиканский статус и ВВП на душу населения. (–) прибыль предприятий на душу населения и качество налогового администрирования
(Libman, Feld, 2009)	Субъекты федерации (центр–регионы), 1995–2006 гг.	Доля регионально-го бюджета в совокупных налоговых доходах с его территории	(+) площадь, дистанция от центра, приграничное расположение, доля этнического (русского) населения, статус республики. Стратегический сбор налогов как фактор децентрализации в ельцинский период, неопределенный эффект в путинский период.
(Freinkman, Yossifov, 1999)	Субъекты федерации (регионы–муниципалитеты), 1994–1996 гг.	Доля муниципальных образований в доходах и расходах консолидированного регионального бюджета	(+) низкая инфляция, исторически более высокий уровень развития
(Timofeev, 2003)	Субъекты федерации (регионы–муниципалитеты), 1996 и 2001 г.	Доля муниципальных образований в доходах и расходах консолидированного регионального бюджета	(+) добыча газа. 1996 г.: (–) ELF, урбанизация. 2001 г.: (–) уровень безработицы. Первоначальная децентрализация влияет на децентрализацию в 1996 г., но не в 2001 г.
(Либман, 2008)	Субъекты федерации (регионы–муниципалитеты), 1995–1996 гг. и 1998–2003 гг.	Доля муниципальных образований в налоговых доходах консолидированного регионального бюджета	(+) демократия, территория, близость к Москве. (–) индекс власти региональных губернаторов
(Freinkman, Plekhanov, 2009)	Субъекты федерации (регионы–муниципалитеты), 1996–2001 гг.	Доля муниципальных образований в расходах консолидированного регионального бюджета	(+) население, демократизация, площадь. (–) ВВП на душу населения, ELF, урбанизация

уровнем децентрализации. Однако при этом возникает ряд вопросов. Во-первых, в работах о посткоммунистических странах (Treisman, 2006), где в регрессию включаются контрольные переменные и демократия утрачивает значимость. Между тем в посткоммунистическом мире сложно отделить отдельные составляющие трансформации, в том числе преобразование как экономической, так и политической системы; поэтому эффект собственно демократии в отсутствие соответствующей контрольной переменной может быть завышен. Во-вторых, само понятие «демократия» в условиях политической децентрализации является неоднозначным: прежде всего хорошо известно, что политические режимы могут различаться в отдельных регионах и на различных уровнях государственной власти (Gibson, 2008). Анклавы субнационального авторитаризма существовали в демократических Мексике и Аргентине (Gibson, 2005; Gervasoni, 2010), Индии (Beer, Mitchell, 2007), Бразилии (Montero, 2007), России и даже США (Гельман, 2008). Поэтому синтетический индекс «демократии в целом» (подобный используемым в большинстве регрессий) сложно интерпретировать.

Этнолингвистическая разнородность, экономическая открытость (в большинстве случаев) и региональная интеграция (в ЕС) сопровождаются в большинстве регрессий децентрализацией⁵. То же касается урбанизации, хотя в отношении данного фактора имеется несколько важных исключений (например, (Letelier, 2005)). Некоторые авторы выделяют также роль исторического наследия (французские или британские колонии, постсоветские республики) как фактора децентрализации, тем самым подчеркивая зависимость данного процесса от пути развития.

Следует отметить, что с рассматриваемой литературой тесно связано еще одно направление исследований: влияние институциональных факторов на *объем расходов* различных уровней федеральной системы. Такой подход позволяет *косвенно* оценить процесс постконституционной децентрализации (например, если центр сокращает расходы, а регион их наращивает, то происходит де-факто децентрализация). Например, Дж. Матсусака (Matsusaka, 1995) показывает, что в штатах США право инициации референдумов (*voter initiative*) ведет к большому объему расходов на местном уровне и меньшему – на уровне штатов. Иначе говоря, децентрализация происходит не за счет *перераспределения* финансовых потоков, а попросту в результате независимого *изменения* числителя и знаменателя дроби. В работе (Funk, Gathmann, 2008) аналогичным образом рассматриваются расходы кантонов и местных органов власти в Швейцарии и выявляются схожие результаты.

3.3. Прочие аспекты децентрализации

По сравнению с фискальной децентрализацией на постконституционном уровне объем литературы, посвященной всем прочим аспектам децентрализации, является незначительным. Поэтому здесь

⁵ Впрочем, как показывает опыт Испании, речь может идти просто о совпадении по времени не связанных друг с другом причинно-следственной связью событий (Garcia-Mila, 2003).

следует лишь выделить некоторые наиболее значимые результаты. Прежде всего следует сказать несколько слов о постконституционной децентрализации в сфере регулирования. Наибольший интерес представляют выводы влиятельного исследования (Strumpf, Oberholzer-Gee, 2002), в котором анализируется контроль над продажей алкоголя в 1934–1970 гг. в штатах США (постконституционная децентрализация регулирования). В нем авторы напрямую тестируют и подтверждают один из важнейших выводов теории эндогенной децентрализации: разнородность предпочтений действительно ведет к делегированию полномочий на более низкий уровень. Другое исследование, которое следует упомянуть в рассматриваемом контексте, – анализ де-факто автономии в сфере регулирования во Вьетнаме (Malesky, 2008). В данном исследовании показано, что интеграция провинций в мировую экономику (выражающаяся в росте прямых иностранных инвестиций) ведет к большей децентрализации, – это подтверждает уже обсуждавшийся вывод в отношении фискальной децентрализации.

Конституционную децентрализацию исследуют в ряде работ, лишь частично подтверждающих выводы, полученные на постконституционном уровне. Если для таких переменных, как территория, население, уровень дохода и урбанизация, результаты использования конституционных и постконституционных показателей практически не различаются, то для других переменных ситуация является более сложной. Прежде всего это касается показателя ELF, торговой интеграции и прямой демократии. Для первых двух величин, насколько можно судить по ряду исследований, речь идет о соотношении «спроса» и «предложения» децентрализации. С одной стороны, большая разнородность предпочтений (если допустить, что этническая структура действительно является ее адекватной характеристикой) действительно может подтолкнуть регионы к стремлению получить большую самостоятельность. Аналогичным образом экономическая открытость и международная интеграция увеличивают спрос на децентрализацию, поскольку регионы в меньшей степени заинтересованы в усилиях центра по поддержанию единства экономического пространства. С другой стороны, те же самые факторы снижают предложение децентрализации со стороны центра: разнородность может заставить центральное правительство стремиться к установлению более жесткого контроля над потенциальными «сепаратистами», а рост торговли увеличивают потоки ренты, генерируемой торговлей, что делает контроль над ней более привлекательным.

В анализе постконституционной фискальной децентрализации однозначно доминирует фактор спроса на децентрализацию, но более точный учет автономии субнациональных органов власти меняет картину. В исследовании (Arzaghi, Henderson, 2005), где для измерения конституционной децентрализации используется как фиктивная переменная для федерализма, так и индекс федерализма,

показатель ELF утрачивает значимость (по сравнению с регрессиями в той же работе для постконституционной децентрализации). Еще более ярким является пример работы (Sheng, 2007), посвященной влиянию торговли на неформальную централизацию в КНР. Автор использует в качестве зависимой переменной степень *интеграции секретарей провинциальных партийных организаций в централизованную структуру партии*: речь идет о прокси-переменной, измеряемой по шкале от 1 до 3 в зависимости от биографии секретарей. В результате автор получает выводы, по сути противоречащие описанным выше: рост интеграции в мировую экономику (и, соответственно, доходов от торговли) ведет к росту бюрократического контроля над администрацией провинции.

Наконец, в работе (Stegarescu, 2007), оперирующей уже указанным модифицированным показателем «доли автономного дохода», под сомнение ставится однозначное децентрализующее воздействие прямой демократии: последняя ведет к большей централизации на национальном уровне и большей децентрализации на субнациональном уровне. В данном случае, насколько можно судить, речь идет о дифференцированном поведении электората при принятии решений по субнациональным и общегосударственным проблемам: возможно, референдумы в отношении первых в меньшей степени подвержены эмоциям и «экспрессивному» голосованию. В этой связи интерес представляет группа исследований, смежных с рассматриваемыми в настоящей статье: непосредственная оценка спроса на децентрализацию со стороны элит и населения на основе данных опросов. Например, в работе (de Vries, 2000) изучается отношение элит некоторых европейских стран к децентрализации⁶. Помимо общих факторов (роли размера страны как фактора спроса на децентрализацию), важную роль играет также оценка качества государственного управления и общий характер политической дискуссии.

3.4. Эндогенная децентрализация и российский федерализм

Россия является одним из наиболее часто используемых «полигонов» для тестирования теории децентрализации, причем ее различных концепций. Ранние работы (обобщением которых является монография (Treisman, 1999)) во многом фокусируются на специфических параметрах политической ситуации в России и российского федерализма, более поздние исследования (Freinkman, Yossifov, 1999; Timofeev, 2003; Freinkman, Plekhanov, 2009) периода более стабильной федеративной структуры в России уже представляют общий интерес. Во всех этих трех работах главной зависимой переменной выступает доля муниципалитетов в бюджетных доходах и расходах в субъектах Российской Федерации (речь идет о постконституционной фискальной децентрализации). Особый интерес представляют результаты работы (Freinkman, Plekhanov, 2009), частично противоречащие мно-

⁶ В работе (Molero, Rodríguez-Tejedo, 2008) аналогичная проблема анализируется при формировании политических предпочтений испанских партий.

гим обсуждавшимся нами выводам о международных сопоставлениях. Регионы с более высоким ВРП на душу населения и ELF являются более централизованными⁷. В отношении ELF речь, возможно, идет о предельном случае доминирования предложения децентрализации, особенно если вспомнить, что именно в полиэтнических регионах России нередко существуют политические режимы со сравнительно более низким уровнем демократии. Анализируя ВРП на душу населения, авторы связывают полученный эффект со структурой доходов: богатые регионы со значительными доходами от природных ресурсов в меньшей степени готовы делиться ими с муниципалитетами. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении доходов от федеральных трансфертов. Таким образом, наличие «дешевых» доходов от природной ренты может серьезно исказить структуру децентрализации (опять же влияя прежде всего на сторону предложения).

Асимметричный федерализм в России представляет значительный интерес и для изучения постконституционной децентрализации в сфере регулирования и конституционной децентрализации. Последняя может оцениваться, например, с использованием соглашений о распределении полномочий (Dusseault et al., 2005; Söderlund, 2006; Obydenkova, 2008). В уже упоминавшейся работе (Libman, 2009) сопоставляются три измерения децентрализации в России в 1995–1999 гг.: доля региональных бюджетов в совокупном налоговом доходе с их территории; данные децентрализации в сфере регулирования на основе Федерального реестра законодательных актов и индекс автономии региональных конституций республик в составе Российской Федерации. В работе показано, что детерминанты трех измерений децентрализации пересекаются лишь частично: если рост фискальной децентрализации связан с ростом расстояния между столицей региона и Москвой, а также ростом его территории, децентрализация в сфере регулирования позитивно коррелирована с расстоянием от Москвы и статусом республики. Для конституционной децентрализации выводы являются крайне неустойчивыми в силу небольшой выборки. На уровень фискальной децентрализации (центр-регионы) в России в период президентства Б. Ельцина позитивно влиял также объем налоговой задолженности, что может быть связано с манипулированием интенсивностью налоговых проверок со стороны территориальных налоговых органов (Mokhtari, Grafova, 2007; Libman, Feld, 2009).

3.5. Эконометрические проблемы

Результаты посвященных эндогенной децентрализации исследований, впрочем, следует интерпретировать с известной долей осторожности. Это связано с существованием ряда чисто эконометрических проблем. Доминирующим подходом к оценке децентрализации является использование продольных или панельных данных

⁷ Последний вывод также присутствует в (Timofeev, 2003).

для выборки стран или регионов, стандартных техник оценки (метод наименьших квадратов, фиксированные и случайные эффекты). В некоторых работах (Panizza, 1999) учитывается существование стран с «нулевым» уровнем децентрализации (речь идет об унитарных государствах); здесь применяются тобит-регрессии, а также полупараметрические методы. Тем не менее, как представляется, подавляющее большинство исследований сталкивается, как минимум, с тремя проблемами.

Во-первых, само название данного направления в литературе («эндогенная децентрализация») указывает на сложную структуру причинно-следственных взаимосвязей между децентрализацией и обсуждавшимися ранее параметрами «внешней среды». В этой ситуации большинство регрессий, рассматривающих децентрализацию как зависимую переменную, сталкивается с проблемой «обратной причинности» (reverse causality), ведущей, как известно, к смещенным оценкам. Классический способ справиться с данной проблемой связан с поиском инструментальных переменных; однако эта задача в принципе является крайне сложной, особенно в анализе эндогенной децентрализации, где число переменных, представляющих интерес с теоретической точки зрения, достаточно велико. Наиболее очевидной является «обратная причинность» в соотношении децентрализации и уровня ВВП на душу населения, который, как известно, также зависит от способа организации общественного сектора. В то же время при изучении постконституционной децентрализации проблема эндогенности в отношении институциональных переменных (скажем, формального статуса федерации) является заметно менее значимой в силу стабильности переменных в правой части регрессии во времени. В то же время при анализе конституционной децентрализации ситуация сильно усложняется.

В литературе присутствует несколько подходов к решению проблемы эндогенности. В (Arzaghi, Henderson, 2004), например, инструментальными переменными для экономических, географических и демографических переменных выступают лаговые значения этих переменных (так, в качестве инструментов для наблюдений за 1975, 1985 и 1995 г. используются значения переменных за 1965 г.), за исключением показателя демократии, характеризующегося (как и все институциональные переменные) значительной стабильностью. В (Treisman, 2006) в качестве инструмента уровня экономического развития используется расстояние по широте (latitudinal distance) от экватора (что является стандартным подходом в литературе). Для демократизации инструментом выступает ее лаговое значение. Тот же самый подход использует для решения проблемы эндогенности демократии (Panizza, 1999). В работе (Diaz-Cayeros, 2004) решается проблема эндогенности переменной «федеративный статус страны», которая используется для объяснения уровня фискальной де-

централизации: в качестве инструментов применяются число регионов в стране и ее площадь. В работе (Feld et al., 2008) используются «эмпирические инструменты», подобранные среди переменных, не значимых в основных регрессиях, но значимых для объяснения потенциальной эндогенной переменной (однако не основанных на теоретических соображениях, как это предполагается для «идеальных» инструментов). Так, для переменной «число членов кабинета министров кантона» (позитивно коррелированной с централизацией) инструментами выступают время, прошедшее после предоставления права голоса женщинам, и фиктивная переменная «наличие в кантоне университета».

Легко заметить, что в подавляющем большинстве случаев решение проблемы инструментальных переменных не является идеальным, особенно если речь идет о лаговых переменных (даже со значительным лагом). Доказательство строгой экзогенности инструментов также привести довольно сложно. Эта ситуация, однако, типична, наверное, для всех областей современной эмпирической политической экономики.

Во-вторых, проблемы связаны с соотношением анализа децентрализации на выборке регионов одной страны (США, Россия, Индия или Швейцария) и совокупности стран мира. В какой-то степени можно говорить о соотношении внешней и внутренней валидности (*external and internal validity*) моделей. Исследования регионов обычно не страдают от проблемы смещения выборки (*selection bias*), возникающей, когда не включенные в анализ наблюдения обладают некоторым общим систематическим свойством; для международного анализа смещение выборки является практически неизбежным. Во внутригосударственном анализе могут использоваться специфические стратегии идентификации, основанные на знании конкретной страны; однако при этом неизбежно возникает вопрос, в какой степени происходящее в той или иной стране может быть перенесено на другие государства.

В-третьих, нельзя не заметить, что проблемы измерения, аналогичные существующим (как мы показали в первой части работы) для зависимой переменной (уровня децентрализации), свойственны также многим независимым переменным регрессий. Например, оценка уровня демократизации является нетривиальной задачей, для которой в экономике и политической науке пока не предложено удовлетворительного решения (Munck, Verkuilen, 2002). Точно так же оценка ELF во многих случаях является спорной из-за проблем агрегирования и доступности новейших данных (Posner, 2004). Даже измерение уровня доходов в международном сопоставлении является непростой задачей; теневая экономика способна серьезно исказить имеющиеся результаты, как это происходит, например, в исследованиях взаимосвязи между доходами и институтами (Dreher et al., 2007).

Описываемые проблемы не являются уникальными для данной области исследований, они присутствуют в большом числе отраслей эмпирической экономики. Однако это не делает их менее значимыми; поэтому поиск стратегий идентификации, позволяющих устранить «обратную причинность», и сравнительный анализ выборок регионов в большом числе стран, которые позволили бы сделать выводы о возможности обобщения результатов, остаются в повестке дня исследователей.

4. Горизонтальная децентрализация

В завершение следует отметить, что, наряду с вертикальной децентрализацией (так или иначе связанной с соотношением центра и регионов), некоторые исследования предлагают рассматривать и горизонтальную децентрализацию (размер отдельных регионов в сопоставлении со страной) (Kalamova, Kessing, 2006). Очевидно, что в данном случае взаимосвязь между этими двумя характеристиками может быть неоднозначной; для понимания процессов децентрализации требуется учитывать обе. Естественно, как и вертикальная, горизонтальная децентрализация может быть конституционной и постконституционной, а также фискальной и относиться к сфере регулирования и т.д. В эмпирической литературе горизонтальная децентрализация исследуется, как правило, на конституционном уровне. В этом случае авторы апеллируют к специфическим ситуациям «слияния» или «разделения» регионов. Обширный материал для исследований дает опыт фрагментации и формирования разного рода юрисдикций (городов, муниципалитетов, школьных округов) на местном уровне в США, где структура часто является результатом референдумов; аналогичные исследования имеются для Швеции (муниципалитеты) и Индии (штаты)⁸. Как ни странно, нам неизвестны исследования, авторы которых пытались определить детерминанты, например, средней величины региона в выборке государств. Такая работа представляла бы значительный интерес.

Изучение горизонтальной децентрализации еще в большей степени, чем децентрализации, сталкивается с проблемой генерализации результатов: речь идет, как правило, о взаимодействии на уровне муниципалитетов. Очевидно, в данном случае огромную роль играет механизм принятия решений в государственном аппарате: достаточно сопоставить формально схожие ситуации слияния юрисдикций в США и объединения регионов в России во второй половине 2000-х годов. Но, несмотря на это, данное направление в литературе представляет значительный интерес, причем не только в отношении горизонтальной, но и вертикальной децентрализации: в конце концов, слияния юрисдикций можно трактовать как предельный случай централизации полномочий. При этом обсуждающиеся результаты представляют общетеоретический интерес. Так, в работе (Alesina et al., 2004) иссле-

⁸ Более подробно данная тематика обсуждается в (Либман, 2009).

дуются формирование школьных округов, муниципалитетов и специальных округов в США в зависимости от разнородности предпочтений. Результаты подтверждают негативное воздействие последней на централизацию (значимыми являются показатели расы и доходов, а не этнической принадлежности и религии).

5. Заключение

В статье предпринята попытка дать обзор некоторых проблем и исследовательских направлений в эмпирическом анализе децентрализации общественного сектора. С одной стороны, в литературе описано множество разнообразных показателей децентрализации, лишь частично отражающих содержание этого процесса. Было бы неверно сводить децентрализацию к какому-то одному аспекту децентрализации, считая все прочие малозначимыми (или даже «искаженными характеристиками»). Скорее, речь идет о различных гранях одного процесса, причем каждая (а также связи между ними) заслуживает внимательного изучения. В то же время политические рекомендации также должны четко учитывать конкретный аспект децентрализации, а их авторы – осознавать всю сложность возможных каналов воздействия децентрализации на экономические результаты.

В то же время децентрализация представляет собой не столько заданный экзогенно фактор, сколько результат воздействия многочисленных параметров. Эмпирические исследования позволяют утверждать, что такие характеристики, как размер и население страны, уровень ее экономического развития и демократический политический режим содействуют децентрализации. Ситуация заметно сложнее с интеграцией страны во внешнеэкономические связи и этнической разнородностью населения, где воздействие на «спрос» и «предложение» децентрализации во многом противоположны. В то же время общий объем эмпирических исследований все еще остается небольшим, что не позволяет уточнить ряд параметров. Прежде всего, интерес представляют эффекты институциональных переменных организации общественного сектора и политической системы. Наконец, существует ряд эконометрических проблем, решение которых крайне важно для развития этой дисциплины.

Литература

- Гельман В.Я.** (2008): Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе. Препринт Центра исследований модернизаций ЕУСПб М-01/08.
- Либман А.М.** (2008): Эндогенная децентрализация и российский федерализм // *Прикладная эконометрика*. № 1. С. 23–57.
- Либман А.М.** (2009): Эндогенные границы и распределение власти в федерациях и международных сообществах. М.: ИЭ РАН.

- Alesina A., Baqir R., Hoxby C.** (2004): Political Jurisdictions in Heterogeneous Communities // *Journal of Political Econ.* № 112. P. 348–396.
- Ali A.K.** (2002): Understanding Decentralization: Local Power over Decision-Making for Comprehensive Planning in Florida. PhD Thesis. Florida: Florida State University.
- Arzaghi M., Henderson J.V.** (2005): Why Countries Are Fiscally Decentralizing // *Journal of Public Economics.* № 89. P. 1157–1189.
- Baker S.H.** (2000): Does Enhanced Veto Authority Centralize Government? // *Public Choice.* № 104. P. 63–79.
- Beer C., Mitchell N.J.** (2006): Comparing Nations and States: Human Rights and Democracy in India // *Comparative Political Studies.* Vol. 39. № 8. P. 996–1018.
- Blume L., Voigt S.** (2008): Federalism and Decentralization – A Critical Survey of Frequently Used Indicators. MAGKS Working Paper № 21. Marburg: University of Marburg.
- Cerniglia F.** (2003): Decentralization in the Public Sector: Quantitative Aspects in Federal and Unitary Countries // *Journal of Policy Modelling.* № 25. P. 749–776.
- De Vries M.S.** (2000): The Rise and Fall of Decentralization: A Comparative Analysis of Arguments and Practices in European Countries // *European Journal of Political Res.* Vol. 38(6). P. 193–232.
- Diaz-Cayeros A.** (2004): The Centralization of Fiscal Authority: An Empirical Investigation of Popitz's Law. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p59516_index.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 5.05.2010).
- Dreher A., Meon P.-G., Schneider F.** (2007): The Devil Is in the Shadow: Do Institutions Affect Income and Productivity or Only Official Income and Official Productivity? KOF Working Paper № 179. Zuerich: ETH Zuerich.
- Dusseault D., Hansen M.E., Mijhailov S.** (2005): The Significance of Economy in the Russian Bi-Lateral Treaty Process // *Communist and Post-Communist Studies.* Vol. 38 (1). P. 121–130.
- Feld L.P., Schaltegger C., Schnellenbach J.** (2008): On Government Centralization and Fiscal Referendums // *European Economic Rev.* Vol. 52 (4). P. 611–645.
- Freinkman L., Plekhanov A.** (2009): Fiscal Decentralization in Rentier Regions: Evidence from Russia // *World Development.* Vol. 37 (2). P. 503–512.
- Freinkman L., Yossifov P.** (1999): Decentralization in Regional Fiscal Systems in Russia: Trends and Links to Economic Performance. World Bank. Policy Research Working Paper № 2100.
- Funk P., Gathmann Ch.** (2008): Explaining the Effect of Direct Democracy on Policy Outcomes: Preferences Matter! Stanford Centre for International Development Working Paper № 248. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.econ.upf.edu/~funk/papers/DDMarch08.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 5.05.2010).
- Garcia-Mila T.** (2003): Fiscal Federalism and Regional Integration: Lessons from Spain. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.crei.cat/people/gmila/papers/book1-july03.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 05.05.2010).

- Garret G., Rodden J.** (2003): Globalization and Fiscal Decentralization. In: «*Governance in a Global Economy*» Kahler M., Lake D.A. (eds.). Princeton: Princeton University Press.
- Gervasoni C.** (2010): A Rentier Theory of Subnational Regimes: Fiscal Federalism, Democracy, and Authoritarianism in the Argentine Provinces // *World Politics*. Vol. 62. № 2. P. 302–340.
- Gibson E.L.** (2005): Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries // *World Politics*. Vol. 58. P. 101–132.
- Gibson E.L.** (2008): Subnational Authoritarianism and Territorial Politics: Charting the Theoretical Landscape. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p278578_index.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 05.05.2010).
- Giertz J.F.** (1976): Decentralization at the State and Local Level: An Empirical Analysis // *National Tax Journal*. Vol. 29 (2). P. 201–209.
- Hutchcroft P.D.** (2001): Decentralization in Administration and Politics: Assessing Territorial Dimension of Authority and Power // *Governance*. Vol. 14 (1). P. 23–53.
- Kalamova M., Kessing S.G.** (2006): Decentralization and International Trade. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.socialpolitik.de/tagungshps/2007/paper/Kalamova.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 05.05.2010).
- Letelier L.** (2005): Explaining Fiscal Decentralization // *Public Finance Rev.* № 33. P. 155–183.
- Libman A.** (2009): Constitutions, Regulations, and Taxes: Contradictions of Different Aspects of Decentralization. CDSE Discussion Paper № 58. Mannheim: University of Mannheim.
- Libman A., Feld L.P.** (2009): Strategic Tax Collection and Fiscal Decentralization: The Case of Russia. CDSE Discussion Paper № 59. Mannheim: University of Mannheim.
- Malesky E.J.** (2004): Legal Mountains and Broken Fences: Measuring and Analysing De Facto Decentralization in Vietnam // *European Journal of East Asian Studies*. Vol. 3 (2). P. 307–336.
- Malesky E.J.** (2008): Straight Ahead on Red: How Foreign Direct Investment Empowers Subnational Leaders // *Journal of Politics*. Vol. 70 (1). P. 97–119.
- Marks G., Hooghe L., Schakel A.H.** (2008): Regional Authority in 42 Countries, 1956-2006: A Measure and Five Hypotheses // *Regional and Federal Studies*. Vol. 18(2–3). Special Issue.
- Matsusaka J.G.** (1995): Fiscal Effects of the Voter Initiative: Evidence from the Last 30 Years // *Journal of Political Econ.* № 103. P. 587–623.
- Mokhtari M., Grafova I.** (2007): Corruption: Theory and Evidence from the Russian Federation // *Econ Systems*. № 31. P. 412–422.
- Molero J.C., Rodreiguez-Tejedo I.** (2008): An Index of Political Support for Decentralization: The Spanish Case. Universidad de Navarra Working Paper № 05/08. Navarra: Universidad de Navarra.
- Montero A.P.** (2007): Uneven Democracy? Subnational Authoritarianism in Democratic Brazil. Mimeo. Carleton: Carleton College.

- Munck G.L., Verkuilen J.** (2002): Conceptualizing and Measuring Democracy // *Comparative Political Studies*. Vol. 35(1). P. 5–34.
- Obydenkova A.** (2008): Democratization, Regionalization and Europeanization in Russia: Interplay of National and Transnational Factors. Saarbrücken: VDM Verlag.
- Panizza U.** (1999): On the Determinants of Fiscal Centralization: Theory or Evidence // *Journal of Public Econ.* № 74. P. 93–139.
- Posner D.N.** (2004): Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*. Vol. 48 (4). P. 849–863.
- Pryor F.** (1976): Elements of a Positive Theory of Public Expenditures // *Finanzarchiv*. Vol. 26 (3). P. 405–430.
- Schneider A.** (2003): Decentralization: Conceptualization and Measurement // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 38 (3). P. 32–56.
- Sheng Y.** (2007): Global Market Integration and Central Political Control: Foreign Trade and Intergovernmental Relations in China // *Comparative Political Studies*. № 40(4). P. 405–434.
- Söderlund P.** (2006): The Dynamics of Federalism in Russia: A Study of Formal and Informal Power Resources of the Regional Chief Executives in Russian Centre–Region Relations. Abo: Abo University Press.
- Stegarescu D.** (2005): Public Sector Decentralization: Measurement Concepts and Recent International Trends // *Fiscal Studies*. Vol. 26 (3). P. 301–333.
- Stegarescu D.** (2007): Decentralizing Government in an Integrating World. Heidelberg: Physica.
- Strumpf K.S., Oberholzer-Gee F.** (2002): Endogenous Policy Decentralization: Testing the Central Tenet of Economic Federalism // *Journal of Political Economy*. № 110. P. 1–36.
- Timofeev A.** (2003): Determinants of Decentralization within Russian Regions. OSI Local Government and Public Service Reform Initiative Discussion Paper № 23. Budapest: Open Society Institute.
- Traub L.G., Sigman H.** (2007): “Cooperative Federalism” as a Strategic Interaction: Voluntary Decentralization in Environmental Policy. NBER Working Paper № 13238. Cambridge: National Bureau of Economic Research.
- Treisman D.S.** (1999): After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Treisman D.S.** (2006): Explaining Fiscal Decentralization: Geography, Colonial History, Economic Development and Political Institutions // *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*. Vol. 44 (3). P. 289–325.
- Treisman D.S.** (2007): The Architecture of Government: Rethinking Policy Decentralization. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vaubel R.** (1996): Constitutional Safeguards against Centralization in Federal States: An International Cross-Section Analysis // *Constitutional Political Economy*. № 7 (2). P. 79–102.
- Vaubel R.** (2009): Constitutional Courts as Promoters of Political Centralization: Lessons for the European Court of Justice // *European Journal of Law and Economics*. Vol. 28 (3). P. 203–222.
- Wasylenko M.** (1987): Fiscal Decentralization and Economic Development // *Public Budgeting and Finance*. Vol. 7 (4). P. 57–71.

Поступила в редакцию 2 июля 2009 г.

A. Libman

Frankfurt School of Finance & Management
and Institute of Economics of the Russian
Academy of Sciences, Frankfurt/Main and
Moscow

**Empirical Research
on Determinants
of Decentralization:
A Literature Survey**

Empirical research on decentralization plays a crucial role in the modern public economics. This paper surveys the literature, discussing the emergence of positive studies of decentralization as an endogenous parameter, which hence attempt to find out the main factors determining the degree of decentralization in individual countries.

Keywords: **decentralization, federalism, empirical research.**

JEL classification: H71, H72, H77.

Ф.Л. Зак

ЦЭМИ РАН, Москва

Налогообложение в вальрасовской экономике*

Рассматриваются две модели налогообложения в экономике чистого обмена, в которых государство облагает налогом экономических агентов, характеризующихся функциями спроса и начальными запасами (или оказывает им финансовую помощь). В первой модели государство имеет свои предпочтения и выходит на рынок с собранными средствами, максимизируя свою функцию полезности, а во второй – тратит собранные налоги на закупку фиксированных ресурсов, необходимых для своего функционирования. Исследуются существование и структура равновесий в экономиках общего положения, возможность использования налогообложения для реализации распределений, оптимальных по Парето, и роль налогообложения в качестве одной из возможных причин инфляции. Особое внимание уделяется экономикам с валовой заменимостью.

Ключевые слова: **паушальный налог, равновесие, экономика чистого обмена, регулярная экономика, ценообразование.**

Классификация JEL: C65, D31, D51, D61, D63, H21, H24, H31.

Введение

Классическая модель Эрроу–Дебре является образцовой как с точки зрения естественности экономических постановок, так и с точки зрения математического изящества. Тем не менее, в последние годы большое внимание уделяется исследованию различных модификаций модели Эрроу–Дебре, в которых учитываются манипулирование, рacionamento, социальная политика и другие обстоятельства, остававшиеся ранее за рамками моделей рыночной экономики. В современной экономической обстановке представляются слишком ограниченными предположения неоклассиков о том, что государство не играет роли в экономике либо играет пассивную роль. Все более осознается необходимость построения моделей *смешанной экономики*, в которой действуют законы рынка, но активная роль отводится и государству. В настоящей работе рассматриваются две простые модели такого типа, в которых государство осуществляет финансовое регулирование в вальрасовской экономике без производства, распределяя налоговое бремя в виде *паушального* (подушевого, вмененный) налога между участниками.

Налоговое регулирование и государственный спрос на продукты и услуги являются основными инструментами воздействия государства на рыночную экономику, однако предположение, что государство индивидуально устанавливает размер налога для участников, может показаться довольно экзотическим. Действительно, в современной практике паушальный налог, как правило, уплачивают мелкие предприниматели, результаты деятельности которых с трудом поддаются учету.

¹ Автор благодарен В. М. Полтеровичу за полезные обсуждения и анонимному рецензенту за ценные замечания.

Однако при условии достаточного агрегирования гипотеза паушалности представляется правдоподобной и в более широком контексте. Государство изменяет систему налогообложения, варьируя веса разных видов налогов, вводя налоговые льготы и т.п., но при этом создается впечатление, что нередко происходит подгонка суммарного налога на отрасли или крупные компании под заранее определенную величину, установленную исходя из потребностей бюджета, активности различных лоббистских групп и т.д. Некоторые виды налогов на собственность, оборот которой ограничен (например, недвижимость), также близки к паушалным.

Еще более уместной гипотеза паушалности представляется в случае отрицательных налогов, т.е. финансовой помощи, причем речь идет не только о помощи малообеспеченным слоям населения (и о пенсионных выплатах, которые зачастую на самом деле осуществляются государством), но, как показал последний финансовый кризис, и об адресной помощи промышленным и финансовым группам.

Предположение о паушалности системы налогообложения позволяет на уровне простых и красивых моделей исследовать некоторые эффекты, связанные с вмешательством государства в рыночную экономику, избегая при этом сложного и запутанного моделирования динамики производства и тонких современных механизмов налогообложения.

Различные варианты подушевого налога на домохозяйства были весьма распространены, начиная с глубокой древности. Часто подушевой налог был равномерным (не зависел от домохозяйства), но нередко, как, например, в Англии XVII в., он был дифференцирован (Hahn, 1973). В период с конца XIX до середины XX в. подушевой налог в ряде штатов США фактически играл роль избирательного ценса. Введение правительством М. Тэтчер паушалного налогообложения домохозяйств в 1989 г. привело к массовым протестам и отставке правительства в 1990 г. (Mankiw, Weinzierl, Yagan, 2009). В настоящее время наиболее известен (неравномерный) паушалный налог на домохозяйства состоятельных иностранцев (в том числе и российских миллиардеров) в ряде кантонов Швейцарии. За последние годы паушалное налогообложение было также введено в Словакии, Румынии и Грузии. Что касается паушалных субсидий (т.е. налогов со знаком минус, или государственных выплат), то они в разных видах распространены повсеместно (Mirrlees, 2005).

К достоинствам паушалной системы налогообложения обычно относят ее Парето-эффективность (впервые на это обратил внимание Эрроу в так называемой второй теореме экономики благосостояния (см. (Hahn, 1973; Harford, 2006; Mankiw, Weinzierl, Yagan, 2009), а также теоремы 2, 3 и 9 настоящей статьи). В отличие от других видов налогов паушалный не изменяет поведения экономических агентов

и, таким образом, позволяет добиться более «справедливого» распределения благ, не жертвуя экономической эффективностью (эти соображения лежат в основе многочисленных политических решений типа «монетизации льгот»).

Такие видные экономисты, как П. Самуэльсон и Ф. Хан (Hahn, 1973), указывали, что паушальный налог является оптимальным с точки зрения совмещения эффективности и социальной справедливости. Дж. Мирлиз (Mirrlees, 2005), напротив, делал упор на нежелание экономических агентов предоставлять информацию, необходимую для разумного распределения налогового бремени, и считал это непреодолимым препятствием для применения сложных паушальных схем с неравномерными налогами. Следует, впрочем, отметить, что в последнее время стало ясно, что приблизиться к оптимальному налогообложению доходов можно только принимая во внимание дополнительные характеристики экономических агентов, такие как образование, пол, возраст, рост и другие физические данные и, что еще важнее, национальные и культурные особенности (Mankiw, Weinzierl, Yagan, 2009). Но такая индивидуализация налога по сути означает его приближение к паушальному (что и объясняет повышение эффективности).

Ряд авторов рассматривал эффекты лоббирования, в том числе и в экономиках с паушальным налогообложением. В (Besharov, 2003) показано, что паушальное налогообложение с неравномерными налогами оптимально только в случае если государство придает достаточно большой вес общественному благосостоянию.

Исследование паушального налогообложения с точки зрения общей теории экономического равновесия было предпринято в цикле работ И. Баласко и К. Шелла (Balasko, Shell, 1985, 1993), но предположения в этих работах носят весьма ограничительный характер (в частности, считается, что государственное потребление отсутствует, а роль государства (чисто социальная) сводится к перераспределению доходов между участниками (см. замечание в начале разд. 2 настоящей работы)).

Перейдем к краткому изложению результатов статьи.

В разд. 1 исследуется модель, в которой государство облагает участника k , обладающего начальными запасами x_k , $k = 1, \dots, m$, налогом α_k и выходит со своими налоговыми поступлениями $\alpha = \sum_{k=1}^m \alpha_k$ на рынок, участвуя, таким образом, в распределении ресурсов $x = \sum_{k=1}^m x_k$ между $m + 1$ участником. Оказывается (теорема 1), что в такой экономике всегда существует состояние равновесия и почти всегда множество равновесных цен одномерно. Варьируя сумму налогов α , перераспределяя налоговое бремя между участниками и рассматривая всевозможные состояния равновесия, можно получить произвольные Парето-оптимальные распределения ресурсов x между $m + 1$ участником (теоремы 2 и 3). Однако при выборе наиболее благоприятной

равновесной цены интересы различных экономических агентов приходят в противоречие друг с другом, причем при достаточно больших ценах государству и участникам, которые получают дотации, выгодно снижение цен, а некоторые другие участники заинтересованы в инфляции (теорема 4).

Подробно исследуются экономики с валовой заменимостью. Множество состояний равновесия в такой экономике диффеоморфно лучу, вдоль которого цены на все продукты монотонно возрастают (теорема 5), причем все состояния равновесия устойчивы по отношению к вальрасовскому процессу ценообразования (теорема 6). Государство и получатели дотаций заинтересованы в установлении минимальных равновесных цен, но существуют и сторонники повышения цен (теоремы 4 и 7).

Таким образом, эта модель имеет ряд важных отличий от стандартной модели чистого обмена (модели Эрроу–Дебре), множество состояний равновесия в которой, как правило, конечно. Более того, цикличность цен может возникнуть уже на уровне ценообразования (множества равновесных цен в экономике общего положения могут содержать кривые, гомеоморфные окружности), но при достаточно высоких ценах этот эффект исчезает, и возникает конфликт интересов: государство и ряд других участников заинтересованы в ограничении инфляции (которая, в частности, обесценивает налоговые поступления), но всегда имеются и экономические агенты, которым выгодна инфляция (она приводит к снижению реального налогового бремени).

В разд. 2 рассматривается модель налогообложения, отличающаяся от модели из разд. 1 тем, что государство заранее фиксирует ресурсы y , необходимые для его функционирования, а изъятые в виде налогов деньги полностью идут на закупку этих ресурсов. В этом случае цель налогообложения – уменьшение покупательной способности экономических агентов до такого уровня, чтобы по завершении торговли часть продуктов в количестве y осталась нераспроданной и отошла государству. В отличие от модели из разд. 1 равновесие в модели из разд. 2 не обязательно существует. Тем не менее удается получить разумные достаточные условия существования равновесия (теорема 8).

Еще одно отличие от модели из разд. 1 состоит в том, что почти для всех распределений начальных запасов существует лишь конечное число равновесных цен. Как и в предыдущей модели, государство может добиться произвольного Парето-оптимального распределения ресурсов $x - y$ между m участниками с помощью различных вариантов налогообложения (теорема 9). В случае валовой заменимости состояние равновесия единственно, но не устойчиво по отношению к вальрасовскому процессу ценообразования (теорема 10 и замечание после ее доказательства).

Таким образом, описанная модель (с фиксированными ресурсами, необходимыми для функционирования государства) имеет как

сходство со стандартной моделью чистого обмена (конечность состояний равновесия для экономики общего положения, реализуемость Парето-оптимальных состояний как состояний равновесия, единственность состояния равновесия в случае валовой заменимости), так и ряд существенных отличий. В частности, для существования равновесия приходится накладывать дополнительные условия, а (при условии положительности ресурсов, потребляемых государством) вальрасовский процесс ценообразования не является (ни локально, ни глобально) устойчивым даже в случае валовой заменимости. В отличие от экономики чистого обмена матрица маргинального избыточного спроса $\partial E / \partial p$ в этом случае имеет положительное собственное значение; подробно этот феномен обсуждается в замечании после теоремы 10.

В то время как в модели чистого обмена (ненормированные) равновесные цены в экономике общего положения образуют конечное число лучей, в первой модели эти лучи «искривляются», преобразуясь в некоторое одномерное многообразие с краем, а во второй модели существует уже конечное множество ненормированных равновесных цен. Это обстоятельство и приводит, с одной стороны, к появлению новых механизмов управления равновесием, а с другой – к сбоям привычных механизмов ценообразования.

Изложенный в статье подход к исследованию состояний равновесия в экономике с паушальным налогообложением основан на использовании методов дифференциальной топологии, введенных в арсенал математической экономики Ж. Дебре (Debreu, 1970, 1972), И. Баласко (Balasko, 1975, 1979) и др. Существование равновесий можно вывести и в рамках общей теории, развитой в (Полтерович, 1990, гл. 2), но дифференциально-топологический подход представляется особенно удобным для исследования структуры состояний равновесия и их зависимости от параметров (таких как начальные запасы, налоги и общественное потребление).

В статье использованы стандартные обозначения, принятые при дифференциально-топологическом подходе (Balasko, 1975, 1979). В частности, $\mathbb{R}_+^l$ обозначает (строго) положительный (вещественный) ортант; $\overline{\mathbb{R}_+^l}$ – его замыкание (неотрицательный ортант); $p \in \mathbb{R}_+^l$ – вектор цен; $u_i: \overline{\mathbb{R}_+^l} \rightarrow \mathbb{R}$ и w_i – соответственно функцию полезности и доход участника i ; $f_i: \mathbb{R}_+^l \times \overline{\mathbb{R}_+^l} \rightarrow \overline{\mathbb{R}_+^l}$ – соответствующую функцию спроса (здесь l – число товаров).

1. Налоговое регулирование при фиксированных налоговых поступлениях

В модели имеется l продуктов и m экономических агентов, причем агент k располагает начальным запасом продуктов в размере $x_k \geq 0$, и государство, не располагающее продуктами. Государство распреде-

ляет налоговое бремя ($\alpha \geq 0$) между m участниками, так что участник k облагается налогом α_k , $\sum_{k=1}^m \alpha_k = \alpha$ (заметим, что мы не предполагаем, что все налоги α_k неотрицательны: $\alpha_k < 0$, если, исходя из каких-либо соображений, государство оказывает экономическому агенту k финансовую помощь $-\alpha_k$ за счет части налоговых поступлений от остальных агентов). В результате на рынок выходят m участников, доходы которых определяются стоимостью их начальных запасов за вычетом налогов, и государство, не предлагающее никаких товаров, но желающее закупить их на сумму налоговых поступлений α .

Пусть $f_k(p, w_k)$, $k = 1, \dots, m$, – функции спроса участников; $f_0(p, w_0)$ – функция спроса государства при ценах p и доходах w_r , $0 \leq r \leq m$. Будем считать, что $f_r: \mathbb{R}_+^l \times \mathbb{R}_+ \rightarrow \mathbb{R}_+^l$, $f_r(\mathbb{R}_+^l \times 0) = 0$ и функции f_r порождены строго монотонными строго вогнутыми трижды непрерывно дифференцируемыми функциями полезности $u_r: \overline{\mathbb{R}}_+^l \rightarrow \mathbb{R}$, т.е. $f_r(p, w_r) = \arg \max u_r(z)$, $z \in \overline{\mathbb{R}}_+^l$, $\langle p, z \rangle \leq w_r$, $r = 0, \dots, m$. Согласно (Debreu, 1972), в этом случае функции спроса дважды непрерывно дифференцируемы.

Как обычно, для получения содержательных результатов приходится ввести некоторое граничное условие. Будем предполагать, что функция совокупного спроса $f(p; w_0, \dots, w_m) = \sum_{r=0}^m f_r(p, w_r)$ удовлетворяет следующему условию желательности (Balasko, 1975; Debreu, 1970; Зак, 1981).

Пусть $p_n \rightarrow \bar{p}$, $p_n \in \mathbb{R}_+^l$, $\bar{p}^j = 0 \exists j$, $1 \leq j \leq l$, и пусть

$$\underline{\lim} w_n > 0, \quad w_n = (w_0)_n + \dots + (w_m)_n. \quad (\text{DES})$$

Тогда $\|f(p_n; (w_0)_n, \dots, (w_m)_n)\| \rightarrow \infty$ (здесь, как обычно, $\underline{\lim}$ обозначает нижний предел).

Условие (DES) означает, что при ненулевом совокупном доходе безудержное падение цен на некоторые товары приводит к неограниченному росту совокупного спроса. Это условие можно было бы несколько ослабить, но и в таком виде оно представляется достаточно реалистичным для больших экономик, допускающих многоцелевое использование ресурсов.

Равновесные цены в нашей модели описываются решениями системы уравнений

$$f_0(p, \alpha) + \sum_{k=1}^m f_k(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) = x, \quad (1)$$

где $x = \sum_{k=1}^m x_k > 0$, p – положительный вектор цен, $w_k = \langle p, x_k \rangle - \alpha_k \geq 0$, $k = 1, \dots, m$. Удобно считать, что экономика задается точкой

$$\omega \in \Omega = \left\{ (x_k^j, \alpha_k) \mid x_k^j \geq 0, x^j = \sum_{k=1}^m x_k^j > 0, \alpha = \sum_{k=1}^m \alpha_k \geq 0, \right. \\ \left. k = 1, \dots, m, j = 1, \dots, l \right\} \subset \overline{\mathbb{R}_+^{lm+m}}.$$

Изучение состояний равновесия естественно интерпретируется как исследование многообразия (с краем) $W \subset \mathbb{R}^{lm+l+m}$,

$$W = \left\{ (\omega, p) \in \Omega \times \mathbb{R}_+^l \mid \langle p, x_k \rangle \geq \alpha_k, \right. \\ \left. f_0(p, \alpha_1 + \dots + \alpha_m) + \sum_{k=1}^m [f_k(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) - x_k] = 0 \right\}.$$

Многообразию W называется *соответствием Вальраса*. Пусть $\pi: W \rightarrow \Omega$ – ограничение на W отображения проектирования $\Omega \times \mathbb{R}_+^l$ на первый сомножитель. Тогда точки слоя $\pi^{-1}(\omega)$ соответствуют равновесным ценам в экономике ω .

Если $\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0$, то наша модель сводится к модели чистого обмена. В этом случае множество равновесных цен выдерживает умножение на $\mathbb{R}_+$ и для экономики общего положения состоит из конечного (и даже нечетного) числа лучей, исходящих из начала координат (Balasko, 1975). В общем случае это не так.

Лемма 1. *Предположим, что $\alpha_k \neq 0$ для некоторого участника k , $1 \leq k \leq m$. Тогда в некоторой окрестности U точки $\omega \in \Omega$ равновесные цены отделены от нуля, т.е. существует константа $C > 0$ такая, что для всякой экономики $\omega' \in U$ и всякого равновесного вектора цен p в ω' выполнено неравенство $p^j > C$, $j = 1, \dots, l$.*

Доказательство. Предположим противное. Тогда существуют последовательность экономик $\omega_n \rightarrow \omega$ и последовательность векторов p_n равновесных цен в ω_n такие, что $p_n^j \rightarrow 0$ для некоторого j , $1 \leq j \leq l$. Если $\alpha_k < 0$ для некоторого k , $1 \leq k \leq m$, то $w_k = \langle p, x_k \rangle - \alpha_k > -\alpha_k > 0$, а если все α_i неотрицательны, то $w_0 = \alpha = \sum_{k=1}^m \alpha_k > 0$. В обоих случаях из условия (DES) вытекает, что $\|f(p_n, \omega_n)\| \rightarrow \infty$ вопреки тому, что по условию $f(p, \omega_n) = x(\omega_n) \rightarrow x(\omega)$, где $f(p_n, \omega_n) = f_0(p_n, \sum_{k=1}^m (\alpha_k)_n) + \sum_{k=1}^m f_k(p_n, \langle p_n, x_k \rangle - (\alpha_k)_n)$. ■

Следствие. Пусть $W^n = W \cap \left\{ \sum_{j=1}^l \gamma_j p^j = P \right\}$, $\gamma = \sum_{j=1}^l \gamma_j > 0$, $P > 0$

(т.е. цены нормированы произвольным линейным – хотя это и непринципиально – способом). Тогда $\pi^n = \pi|_{W^n}$ – собственное отображение (т.е. прообраз любого компакта компактен).

Лемма 2. Пусть $\omega, \omega_n \in \Omega$, $\omega_n \rightarrow \omega$, и пусть p_n – последовательность равновесных векторов цен в ω_n . Тогда для всех t, s , $1 \leq t, s \leq l$, выполнено соотношение $p^t = O(p^s)$, т.е. существуют константы $0 < c_{t,s} < C_{t,s} < \infty$ такие, что для всех n имеем $c_{t,s} < p_n^t / p_n^s < C_{t,s}$.

Доказательство. Предположим противное. Переходя к подпоследовательности, без ущерба для общности можно считать,

что $p_n^t / p_n^s \rightarrow 0$. Поскольку функции f_k порождены отношениями предпочтения, они однородны степени нуль, так что

$$f(p_n, \omega_n) = f_0 \left(\frac{p_n}{p_n^s}, \frac{(\alpha_1)_n + \dots + (\alpha_m)_n}{p_n^s} \right) + \sum_{k=1}^m f_k \left(\frac{p_n}{p_n^s}, \left\langle \frac{p_n}{p_n^s}, (x_k)_n \right\rangle - \frac{(\alpha_k)_n}{p_n^s} \right) = x_n.$$

Из закона Вальраса и условия (DES) вытекает, что $\langle p_n / p_n^s, x_n \rangle \rightarrow 0$. С другой стороны, $\langle p_n / p_n^s, x_n \rangle \geq x_n^s$, и, поскольку $x^s > 0$, мы приходим к противоречию. ■

Перейдем к более подробному исследованию соответствия Вальраса W . В качестве координат в Ω возьмем x_k^j , α_k , $k = 1, \dots, m$, $j = 1, \dots, l$, а в качестве координат в W — x_k^j , $k = 1, \dots, \hat{l}, \dots, m$, $j = 1, \dots, l$; $p^1, \dots, p^l$; $w_1, \dots, w_m$, α , где $\alpha = \sum_{k=1}^m \alpha_k$, а $w_k = \langle p, x_k \rangle - \alpha_k$ — чистый доход участника k (здесь i , $1 \leq i \leq m$ — произвольный наперед выбранный экономический агент). Уравнения

$$x_i^j = f_0^j(p, \alpha) + \sum_{k=1}^m f_k^j(p, w_k) - \sum_{k \neq i} x_k^j, \quad \alpha_k = \langle p, x_k \rangle - w_k, \quad k \neq i, \quad \alpha_i = \alpha - \sum_{k \neq i} \alpha_k$$

показывают, что указанные функции всюду в W образуют систему координат, так что $\dim W = ml + m + 1 = \dim \Omega + 1$ и для произвольного открытого подмножества $U \subset \Omega$ прообраз $\pi^{-1}(U)$ — топологическое многообразие с краем $\pi^{-1}(U) \cap (\{w_1 = 0\} \cup \dots \cup \{w_m = 0\})$. Другими словами, $\partial_\Omega W = \{w_1 = 0\} \cup \dots \cup \{w_m = 0\}$ — (относительный) край многообразия W над Ω , причем гладкая структура на W индуцирует гладкую структуру на $\partial_\Omega W \setminus \partial_b W$, где $\partial_b W = \bigcup_{k_1, k_2=1, k_1 \neq k_2}^m \{w_{k_1} = w_{k_2} = 0\}$.

Ясно, что $\pi(\partial_\Omega W) \subset \Omega \setminus \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$. При этом имеет место следующая лемма.

Лемма 3. *Отображение $\pi: \partial_\Omega W \rightarrow \Omega$ собственно над $\Omega \setminus \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$.*

Доказательство. Пусть $\omega \in \Omega \setminus \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$ — произвольная экономика. Из леммы 1 вытекает, что в достаточно малой окрестности ω равновесные цены отделены от нуля. Если какая-то равновесная цена p^j не ограничена в окрестности ω , то из леммы 2 следует, что и все цены p^t , $t = 1, \dots, l$ также не ограничены, и если $w_i = 0$, т.е. $\alpha_i = \langle p, x_i \rangle$, то $x_i = 0$ вопреки определению Ω . ■

Замечание. Аналогично доказывается, что для всякого i $1 \leq i \leq m$ и $C > 0$ отображение $\pi|_{\{(\omega, p) \in W | w_i = C\}}$ собственно.

Предложение 1. *Отображение $\pi|_{\partial_\Omega W}: \partial_\Omega W \rightarrow \Omega \setminus \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$ сюръективно, т.е. $\pi(\partial_\Omega W) = \Omega \setminus \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$. Другими словами, если государство проводит активную финансовую политику (т.е. $\alpha_k \neq 0$ для некоторого k , $1 \leq k \leq m$), то существует состояние равновесия, при котором (хотя бы) у одного из участников в качестве налога изымаются все доходы, получен-*

ные от продажи его начальных запасов. Более того, почти для всех (т.е. всех за исключением подмножества меры нуль) экономик $\omega \in \Omega \setminus \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$ прообраз $(\pi|_{\partial_{\Omega}W})^{-1}(\omega)$ состоит из нечетного числа точек.

Доказательство. Рассмотрим точку из $\partial_{\Omega}W \setminus \partial_bW$, лежащую на «границе» $w_i = 0$, и вычислим дифференциал $\pi|_{\partial_{\Omega}W}$ в этой точке. Сделать это удобно в системе координат $x_k^j; \alpha_1, \dots, \alpha_m; p^j$, $k = 1, \dots, j, \dots, m$, $j = 1, \dots, l$ (поскольку $\alpha = \sum_{k=1}^m \alpha_k$, $w_k = \langle p, x_k \rangle - \alpha_k$, $k \neq i$, эти функции вместе с w_i образуют систему координат на W). Ясно, что в этой системе координат матрица Якоби имеет вид

$$d\pi|_{\partial_{\Omega}W} = \begin{pmatrix} \text{Id}_{(m-1)l} & 0 & \\ 0 & \text{Id}_m & * \\ 0 & 0 & J \end{pmatrix}, \quad (2)$$

где Id – единичная матрица, $*$ – некоторая матрица порядка $(lm - l + m) \times l$, а J – $l \times l$ -матрица с элементами

$$J_{ij} = \frac{\partial f_0^j}{\partial p^i}(p, \alpha) + \sum_{k \neq i} \frac{Df_k^j}{Dp^i}(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k).$$

Пусть теперь $\omega \in \Omega$ – экономика, для которой $x_k(\omega) = x_k$, $k = 1, \dots, m$, $\alpha_k(\omega) = 0$, $k \neq i$, $\alpha_i = \alpha$. Тогда

$$J_{ij} = \frac{\partial g^j}{\partial p^i}(p; w_1, \dots, w_m) + \sum_{k \neq i} \frac{\partial g_k^j}{\partial w_k}(p, w_k) x_k^i,$$

где

$$g_k(p, w_k) = \begin{cases} f_k(p, w_k), & k \neq i, \\ f_0(p, w_0), & k = i, \end{cases} \quad w_k = \begin{cases} \langle p, x_k \rangle, & k \neq i, \\ \alpha, & k = i, \end{cases} \quad 1 \leq k \leq m, \quad g = \sum_{k=1}^m g_k.$$

Поскольку $w_i = 0$, $\alpha = \alpha_i = \langle p, x_i \rangle$ и, следовательно,

$$J_{ij} = \frac{\partial E^j}{\partial p^i} - \frac{\partial g_i^j}{\partial w_i} x_i^i, \quad \text{где } E(p) = \sum_{k=1}^m [g_k(p, \langle p, x_k \rangle) - x_k] - \text{функция избыточного спроса в экономике чистого обмена с } m \text{ экономическими агентами, где агент } k \text{ имеет функцию спроса } g_k \text{ и начальные запасы } x_k.$$

При условии (1), множество равновесных цен p в экономике ω , для которых $(\omega, p) \in \partial_{\Omega}W$, совпадает с множеством равновесных цен p в экономике чистого обмена с функциями спроса g_k и начальными запасами x_k , $k = 1, \dots, m$, удовлетворяющих нормировочному условию $\langle p, x_i \rangle = \alpha$. Более того, из (2) вытекает, что $\det(d\pi|_{\partial_{\Omega}W}) = \det J = \det(\partial E^j / \partial p^i - x_i^i \partial g_i^j / \partial p^i)$, и, опираясь на (Зак, 1981, предложение 1.8), имеем, что якобиан $\det(d\pi|_{\partial_{\Omega}W})$ отличен от нуля тогда и только тогда, когда соответствующая экономика чистого обмена регулярна.

Предположим теперь, что распределение $\{x_k\}$ оптимально по Парето для функций спроса g_k . Известно (см. например, (Balasko, 1975)), что соответствующая экономика чистого обмена регулярна и для нее существует единственный равновесный вектор цен p , удовлет-

воряющий условию $\langle p, x_i \rangle = \alpha$. Поэтому $\text{card}(\pi^{-1}(\omega) \cap \partial_\Omega W) = 1$ и отображение $\pi|_{\partial_\Omega W}$ гладко обратимо в окрестности ω . Поскольку, в силу леммы 3, отображение $\pi|_{\partial_\Omega W}: \partial_\Omega W \rightarrow \Omega \setminus \{\alpha = 0\}$ собственно, из элементарной дифференциальной топологии вытекает, что $\text{deg}(\pi|_{\partial_\Omega W}) = \pm 1$ (см. например, (Рохлин, Фукс, 1977, гл. 4, § 6, п. 5)), откуда и следуют утверждения предложения. ■

Теорема 1. $\pi(W) = \Omega$, т.е. для всякой экономики $\omega \in \Omega$ существует равновесный вектор цен. При этом для почти всех экономик $\omega \in \Omega$ множество состояний равновесия (или равновесных цен) $\pi^{-1}(\omega)$ диффеоморфно объединению нечетного числа лучей (замкнутых при $(\alpha_1, \dots, \alpha_m) \neq (0, \dots, 0)$ и открытых при $\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0$) и конечного числа дуг окружностей.

Доказательство. Если $\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0$, то ω – экономика чистого обмена и множество равновесных цен имеет вид $\cup \mathbb{R}_+ \times p$, где объединение берется по непустому множеству нормированных равновесных векторов цен, которое для почти всех $\omega \in \Omega \cap \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$ состоит из конечного (нечетного) числа элементов.

Предположим, что $\alpha_k \neq 0$ для некоторого k , $1 \leq k \leq m$. Из леммы Сарда (Хирш, 1979, гл. 3, § 1) следует, что для почти всех экономик $\omega \in \Omega \setminus \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$ прообраз $\pi^{-1}(\omega)$ – одномерное многообразие, край которого содержится в $\partial_\Omega W$. Из предложения 1 вытекает, что для почти всех ω число точек края этого одномерного многообразия нечетно. Теорема 1 следует теперь из классификации одномерных многообразий (Милнор, 1972). ■

Рассмотрим отображение

$$F: W \rightarrow (\mathbb{R}_+^l)^{m+1},$$

$$F(\omega, p) = (f_0(p, \alpha), f_1(p, \langle p, x_1 \rangle - \alpha_1), \dots, f_m(p, \langle p, x_m \rangle - \alpha_m)).$$

Нетрудно убедиться, что $F(W \setminus (\partial_\Omega W \cup \{\alpha = 0\})) \subseteq \mathbf{Pars}$, где

Pars – множество Парето-оптимальных распределений продуктов между $m+1$ участником с функциями полезности $u_0, \dots, u_m$:

$$\mathbf{Pars} = \{(y_0, \dots, y_m), y_r > 0 \mid \nexists (y'_0, \dots, y'_m), y'_r > 0, u_r(y'_r) \geq u_r(y_r),$$

$$r = 0, \dots, m, \sum_{r=0}^m y'_r = \sum_{r=0}^m y_r, \sum_{r=0}^m u_r(y'_r) > \sum_{r=0}^m u_r(y_r)\}.$$

Предложение 2. $F(W \setminus \partial_\Omega W) = \mathbf{Pars} \cup 0 \times \mathbf{Par}$, где

$$\mathbf{Par} = \{(y_1, \dots, y_m), y_k > 0 \mid \nexists (y'_1, \dots, y'_m), y'_k > 0, u_k(y'_k) \geq u_k(y_k),$$

$$k = 1, \dots, m, \sum_{k=1}^m y'_k = \sum_{k=1}^m y_k, \sum_{k=1}^m u_k(y'_k) > \sum_{k=1}^m u_k(y_k)\}.$$

Доказательство. Пусть $(y_0, \dots, y_m) \in \mathbf{Pars}$, $1 \leq i \leq m$, $p = (\partial u_i / \partial y_i^1, \dots, \partial u_i / \partial y_i^l) > 0$, $w_k = \langle p, y_k \rangle > 0$, $0 \leq k \leq m$, $\alpha = w_0 = \langle p, y_0 \rangle = \sum_{k=1}^m \alpha_k$ – разбиение α такое, что при $\alpha > 0$ все $\alpha_k > 0$, а при $\alpha = 0$ α_i – столь малое отрицательное число, что

$f_i(p, w_i) + \alpha_i f_0(p, 1) > 0$ (такое α_i существует, так как в этом случае $i > 0$, $w_i > 0$ и $f_i(p, w_i) = y_i > 0$), $\alpha_k > 0$, $k \neq i$, $\sum_{k \neq i} \alpha_k = -\alpha_i$. Как известно, $f_r(p, w_r) = y_r$, $r = 0, \dots, m$. Положим $\omega = (x_1, \dots, x_m; \alpha_1, \dots, \alpha_m)$, где

$$x_k = \begin{cases} f_k(p, w_k) + \frac{\alpha_k}{\alpha} f_0(p, \alpha) & \text{при } \alpha = \sum_{k=1}^m \alpha_k > 0; \\ f_k(p, w_k) + \alpha_k f_0(p, 1) & \text{при } \alpha = 0; \end{cases} \quad k = 1, \dots, m.$$

Из определения α_k вытекает, что $x_k > 0$, $k = 1, \dots, m$, так что $\omega \in \Omega$. В силу закона Вальраса, $w_k(\omega, p) = \langle p, x_k \rangle - \alpha_k = w_k$, и из определения x_k следует, что $f(p, \omega) = f_0(p, \alpha) + \sum_{k=1}^m f_k(p, w_k) = x = y$, так что p -равновесный вектор цен в экономике ω и $\{y_r\} = F(\omega, p)$. ■

Предложение 2 показывает, что каждое Парето-оптимальное распределение реализуется как состояние равновесия в некоторой экономике $\omega \in \Omega$ (при этом одно и то же распределение является равновесным для многих экономик). Более интересным представляется следующий вопрос, в какой мере финансовые рычаги управления (в данной модели налоги) позволяют государству при фиксированных начальных запасах участников добиться желательного для него оптимального распределения ресурсов. Ответ на этот вопрос дает следующая теорема.

Теорема 2. *Фиксируем распределение начальных запасов $\{x_k\}$, $x_k \geq 0$, $k = 1, \dots, m$, $x = \sum_{k=1}^m x_k > 0$ и суммарные налоговые поступления $\alpha > 0$. Тогда, перераспределяя налоговое бремя между участниками и рассматривая всевозможные состояния равновесия, можно получить произвольные Парето-оптимальные распределения ресурсов x между $m + 1$ экономическими агентами с функциями полезности u_r , $r = 0, \dots, m$. Точнее говоря, пусть*

$$W_{\{x_k\}}^\alpha = \pi^{-1} \left(\left\{ \omega \mid x_k(\omega) = x_k, \quad k = 1, \dots, m, \quad \sum_{k=1}^m \alpha_k(\omega) = \alpha \right\} \right) \setminus \partial_\Omega W,$$

$$F_{\{x_k\}}^\alpha = F \Big|_{W_{\{x_k\}}^\alpha} : W_{\{x_k\}}^\alpha \rightarrow \mathbf{Pars}_x,$$

где $\mathbf{Pars}_x = \left\{ (y_0, \dots, y_m) \in \mathbf{Pars} \mid \sum_{r=0}^m y_r = x \right\}$. Тогда $F_{\{x_k\}}^\alpha$ – диффеоморфизм (и, в частности, $F_{\{x_k\}}^\alpha(W_{\{x_k\}}^\alpha) = \mathbf{Pars}_x$).

Доказательство. Обозначим через $B_x^\alpha \subset \mathbb{R}_+^l \times (\mathbb{R}_+)^{m+1}$ множество бюджетных распределений, соответствующих ресурсам x :

$$B_x^\alpha = \left\{ (p; w_0, \dots, w_m) \mid p > 0, w_0 = \alpha, w_k > 0, k = 1, \dots, m, \sum_{r=0}^m f_r(p, w_r) = x \right\}$$

и рассмотрим отображение

$$\phi_x^\alpha : \mathbf{Pars}_x \rightarrow \mathbb{R}_+^l \times (\mathbb{R}_+)^{m+1}, \quad \phi(y_0, \dots, y_m) = (p; w_0, \dots, w_m),$$

$$p = \alpha \left(\frac{\partial u_0}{\partial y_0^1}, \dots, \frac{\partial u_0}{\partial y_0^l} \right) / \left(\sum_{j=1}^l \frac{\partial u_0}{\partial y_0^j} y_0^j \right), \quad w_r = \langle p, y_r \rangle, \quad r = 0, \dots, m.$$

Известно (см. например, (Balasko, 1979, Appendix)), что $\phi_x^\alpha(\mathbf{Pars}_x) = B_x^\alpha$, причем B_x^α и $\mathbf{Pars}_x$ – гладкие многообразия, диффеоморфные $\mathbb{R}^m$, а $\phi_x^\alpha: \mathbf{Pars}_x \rightarrow B_x^\alpha$ – диффеоморфизм. Рассмотрим коммутативную диаграмму

$$\begin{array}{ccc} W_{\{x_k\}}^\alpha & \xrightarrow{F_{\{x_k\}}^\alpha} & \mathbf{Pars}_x \\ & \searrow & \swarrow \phi_x^\alpha \\ & & B_x^\alpha \end{array},$$

где

$$\Psi_{\{x_k\}}^\alpha(x_1, \dots, x_m; \alpha_1, \dots, \alpha_m; p^1, \dots, p^l) = (p^1, \dots, p^l; \alpha, \langle p, x_1 \rangle - \alpha_1, \dots, \langle p, x_m \rangle - \alpha_m).$$

Мы уже отметили, что ϕ_x^α – диффеоморфизм. Утверждение теоремы следует теперь из того, что $\Psi_{\{x_k\}}^\alpha$ также является диффеоморфизмом; при этом

$$(\Psi_{\{x_k\}}^\alpha)^{-1}(p^1, \dots, p^l; \alpha, w_1, \dots, w_m) = (x_1, \dots, x_m; p^1, \dots, p^l; \langle p, x_1 \rangle - w_1, \dots, \langle p, x_m \rangle - w_m). \blacksquare$$

При $\alpha = 0$, т.е. в случае, когда налоговая политика государства сводится к перераспределению доходов, имеет место следующий аналог теоремы 2.

Теорема 3. *В условиях теоремы 2, варьируя налоги (выплаты) α_k так, что $\sum_{k=1}^m \alpha_k = 0$, и рассматривая всевозможные состояния равновесия, можно получить произвольные Парето-оптимальные распределения ресурсов x между t экономическими агентами с функциями полезности u_k , $k = 1, \dots, t$. Точнее говоря, пусть*

$$\mathbf{Par}_x = \{(y_1, \dots, y_m) \in \mathbf{Par} \mid \sum_{k=1}^m y_k = x\}.$$

Тогда, в обозначениях теоремы 2, $F_{\{x_k\}}^0(W_{\{x_k\}}^0) = \mathbf{Par}_x$, причем для всякого $P > 0$ ограничение

$$F_{\{x_k\}}^0 \Big|_{W_{\{x_k\}}^0 \cap \left\{ \sum_{j=1}^l p^j = P \right\}} : W_{\{x_k\}}^0 \cap \left\{ \sum_{j=1}^l p^j = P \right\} \rightarrow \mathbf{Par}_x$$

является диффеоморфизмом.

Доказательство аналогично доказательству теоремы 2, причем нормировочное условие $w_0 = \alpha$ заменяется нормировочным условием $\sum_{j=1}^l p^j = P$. $\blacksquare$

Объединяя теоремы 2 и 3, получаем следствие.

Следствие. *Фиксируем распределение начальных запасов $\{x_k\}$, $x_k \geq 0$, $x = \sum_{k=1}^m x_k > 0$. Варируя сумму налоговых сборов $\alpha \geq 0$, перераспределяя налоговое бремя между участниками и рассматривая всевозможные состояния равновесия, можно получить произвольные распределения из $\mathbf{Pars}$. Точнее говоря, пусть*

$$\bar{W}_{\{x_k\}} = \pi^{-1}(\{\omega \mid x_k(\omega) = x_k, \quad k = 1, \dots, m, \quad \alpha = \sum_{k=0}^m \alpha_k(\omega) \geq 0\}).$$

Тогда $\bar{F}_{\{x_k\}} = \bar{F}|_{\bar{W}_{\{x_k\}}} : \bar{W}_{\{x_k\}} \rightarrow \widetilde{\mathbf{Pars}}_x$ – расщепление со слоем $\mathbb{R}_+$ над

$$\widetilde{\mathbf{Pars}}_x = \{(y_0, \dots, y_m) \in \overline{\mathbf{Pars}}_x \mid \{y_k\} \in \mathbf{Par}'_x, k \notin I\},$$

где

$$\mathbf{Par}'_x = \{z_k\}, z_k > 0, k \in \{0, \dots, m\} \setminus I \mid \# \{z_k\}, z'_k > 0, \\ \sum_k z'_k = \sum_k z_k = \sum_k y_k = x, u_k(z'_k) \geq u_k(z_k), \sum_k u_k(z'_k) > \sum_k u_k(z_k).$$

Д о к а з а т е л ь с т в о. Следствие немедленно вытекает из теорем 2 и 3 и того факта, что функции спроса однородны степени ноль. ■

Казалось бы, результаты теорем 2 и 3 и их следствия должны удовлетворить государство: подходящее налогообложение позволяет добиться желательного для государства распределения продуктов. Однако в нашей модели государство осуществляет лишь налоговое регулирование и лишено возможности воздействовать на выбор равновесных цен. Согласно теореме 1, для экономики общего положения ω равновесные цены образуют одномерное многообразие, и важнейшее значение приобретает процесс ценообразования, в котором цели различных экономических агентов и государства вступают в противоречие друг с другом. При этом, если держатели продуктов договорятся между собой о выборе равновесных цен, то государству не останется ничего иного, как осуществлять закупки по этим ценам.

В экономике ω разным участникам выгодны разные элементы множества равновесных цен. Чтобы подробнее разобраться в этом, рассмотрим не прямые функции полезности v_r на W : $v_0(\omega, p) = u_0(f_0(p, \alpha))$, $v_k(\omega, p) = u_k(f_k(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k))$, где $x_k = x_k(\omega)$, $\alpha_r = \alpha_r(\omega)$, $k = 1, \dots, m$, $r = 0, \dots, m$, $\alpha = \alpha_0$. Нас интересует поведение функций v_r вдоль слоев отображения π . Фиксируем $\alpha_1, \dots, \alpha_m$, x_k , $k \neq i$, и положим

$$\Omega_i = \{\omega \in \Omega \mid \alpha_k(\omega) = \alpha_k, k = 1, \dots, m, x_k(\omega) = x_k, k \neq i\},$$

$$W_i = \pi^{-1}(\Omega_i), \pi_i = \pi|_{W_i} : W_i \rightarrow \Omega_i.$$

Ядро оператора $d\pi$ определяется ядром оператора $d\pi_i$. При доказательстве предложения 1 было показано, что функции p^j , $j = 1, \dots, l$ и w_i образуют систему координат на W_i , причем матрица Якоби π_i имеет вид

$$d\pi_i = S^{l \times (l+1)}, S_{jt} = \frac{\partial f_0^j}{\partial p^t} + \frac{\partial f_i^j}{\partial p^t} + \sum_{k \neq i} \frac{Df_k^j}{Dp^t}, j, t = 1, \dots, l, \\ \frac{Df_k^j}{Dp^t} = \frac{\partial f_k^j}{\partial p^t} + \frac{\partial f_k^j}{\partial w_k} x_k^t, k \neq i, S_{j, l+1} = \frac{\partial f_i^j}{\partial w_i}. \quad (3)$$

Другими словами,

$$S = \left(\left(\frac{\partial E}{\partial p} \right)^{l \times l} - \left(\frac{\partial f_i}{\partial w_i} \right)^{l \times l} x_i^{l \times l}, \frac{\partial f_i}{\partial w_i} \right),$$

где $E(p, \omega) = f_0(p, \alpha) + \sum_{k=1}^m f_k(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) - x$ – функция совокупного избыточного спроса.

Поскольку $\text{grad} u_r = \lambda_r p$, $r = 0, \dots, m$, где λ_r – положительный скаляр, на W_i имеем:

$$\begin{aligned} dv_0 &= \lambda_0 \sum_{j=1}^l \left\langle p, \frac{\partial f_0}{\partial p^j}(p, \alpha) \right\rangle dp^j, \\ dv_i &= \lambda_i \sum_{j=1}^l \left\langle p, \frac{\partial f_i}{\partial p^j}(p, w_i) \right\rangle dp^j + \lambda_i \left\langle p, \frac{\partial f_i}{\partial w_i} \right\rangle dw_i, \\ dv_k &= \lambda_k \sum_{j=1}^l \left\langle p, \frac{\partial f_k}{\partial p^j}(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) \right\rangle dp^j + \\ &+ \lambda_k \sum_{j=1}^l \left\langle p, \frac{\partial f_k}{\partial w_k}(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) \right\rangle x_k^j dp^j, \quad 1 \leq k \leq m, \quad k \neq i. \end{aligned}$$

Согласно формуле агрегации Курно, $\left\langle p, \frac{\partial f_r}{\partial p} \right\rangle + f_r = 0$, $r = 0, \dots, m$, а по формуле агрегации Энгеля $\left\langle p, \frac{\partial f_k}{\partial w_k} \right\rangle = 1$, $k = 1, \dots, m$. Подставляя эти значения в приведенные выше формулы, получаем:

$$\begin{aligned} dv_0 &= -\lambda_0 \sum_{j=1}^l f_0^j dp^j, \\ dv_i &= -\lambda_i \sum_{j=1}^l f_i^j dp^j + \lambda_i dw_i, \\ dv_k &= -\lambda_k \sum_{j=1}^l E_k^j dp^j, \quad 1 \leq k \leq m, \quad k \neq i, \end{aligned} \tag{4}$$

где $E_k(\omega, p) = f_k(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) - x_k$ – функция избыточного спроса экономического агента k .

Лемма 4. $\text{rk} S = \text{rk} \frac{\partial E}{\partial p} + 1$, где, как обычно, rk обозначает ранг матрицы. При этом ядра матрицы S и $\frac{\partial E}{\partial p}$ естественно изоморфны друг другу.

Доказательство. В системе координат $(dp^1, \dots, dp^l; dw_i)$ выберем вектор $e^{(l+1) \times 1} = (e', \varepsilon)$, где e' – вектор из подпространства, натянутого на $\frac{\partial}{\partial p^1}, \dots, \frac{\partial}{\partial p^l}$, а ε – скаляр (так что $e = e' + \varepsilon \frac{\partial}{\partial w_i}$). Тогда

$$Se = \frac{\partial E}{\partial p} e' + (\varepsilon - \langle x_i, e' \rangle) \frac{\partial f_i}{\partial w_i},$$

так что, варьируя e' и полагая $\varepsilon = \langle x_i, e' \rangle$, мы видим, что $\text{Im} S \supset \text{Im} \frac{\partial E}{\partial p}$.

Из условия агрегации Курно следует, что в состоянии равновесия $p \frac{\partial E}{\partial p} = E(p) = 0$. Таким образом, $pSe = \varepsilon - \langle x_i, e' \rangle$ в то время как $p \frac{\partial E}{\partial p} e' = 0$. Поэтому $\text{Im} \frac{\partial E}{\partial p} \subsetneq \text{Im} S \subset \left\langle \text{Im} \frac{\partial E}{\partial p}, \frac{\partial f_i}{\partial w_i} \right\rangle$ и, следовательно,

$$\text{rk} S = \dim \text{Im} S = \dim \text{Im} \frac{\partial E}{\partial p} + 1 = \text{rk} \frac{\partial E}{\partial p} + 1.$$

Пусть $e' \in \text{Ker} \frac{\partial E}{\partial p}$, где, как обычно, Ker обозначает ядро оператора. Тогда $S(e', \varepsilon) = (\varepsilon - \langle x_i, e' \rangle) \frac{\partial f_i}{\partial w_i}$ и при $\varepsilon = \langle x_i, e' \rangle$ получаем $(e', \varepsilon) \in \text{Ker} S$. Но, как только что было доказано,

$$(l+1) - \dim \text{Ker} S = \dim \text{Im} S = \dim \text{Im} \frac{\partial E}{\partial p} + 1 = l - \dim \text{Ker} \frac{\partial E}{\partial p} + 1,$$

следовательно, $\dim \text{Ker} S = \dim \text{Ker} \frac{\partial E}{\partial p}$, и эти ядра естественно изоморфны. ■

Как обычно, экономические соображения позволяют нам ограничиться исследованием экономик общего положения.

Определение. Экономика ω называется *регулярной*, если для всех $p \in \pi^{-1}(\omega)$ отображение $d_{(\omega, p)} \pi$ сюръективно, т.е. $\text{rk} S(\omega, p) = l$.

Из доказательства теоремы 1 вытекает, что почти все экономики $\omega \in \Omega$ регулярны, а состояния равновесия в регулярной экономике образуют одномерное многообразие (с краем при $(\alpha_1, \dots, \alpha_m) \neq (0, \dots, 0)$ и без него при $\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0$). Из леммы 4 следует, что для регулярной экономики ω и равновесной цены p в ω имеем $\text{rk}(\partial E / \partial p) = l - 1$, причем если $\text{Ker}(\partial E / \partial p)$ порождается вектором e' , то $\text{Ker} d\pi$ – одномерное векторное пространство с базисом $e = (e', \langle x_i, e' \rangle)$.

Заметим, что если $\alpha_1(\omega) = \dots = \alpha_m(\omega) = 0$, то из леммы 4 и предложения 1.8 из (Зак, 1981) вытекает, что ω регулярна тогда и только тогда, когда регулярна экономика чистого обмена с m участниками, обладающими функциями полезности u_k и начальными запасами x_k , $k = 1, \dots, m$.

Проведенные выше вычисления дифференциала отображения π и не прямых функций полезности (см. (3) и (4)) позволяют оценить сравнительную выгодность различных состояний равновесия в регулярной экономике ω для экономических агентов и государства. Оказывается, что результат существенно зависит от свойств функции совокупного спроса. Тем не менее существуют и общие закономерности.

Теорема 4. Пусть $\omega \in \Omega$ – регулярная экономика.

А. Если при равновесных ценах p в экономике ω некоторые из экономических агентов (или государство) заинтересованы в повышении (соответственно, снижении) цен, то найдутся также экономические агенты (или государство), заинтересованные в их снижении (соответственно, повышении).

Б. Предположим, что $x_1, \dots, x_m$, $x_k = x_k(\omega)$, $k = 1, \dots, m$ – регулярная экономика чистого обмена, $\alpha = \alpha(\omega) > 0$. Пусть $(\omega, p) \in \pi^{-1}(\omega)$, причем цены p достаточно велики, т.е. $\|p\| > C$, где $C = C(\omega)$ – подходящая константа (в этом случае мы будем сокращенно писать $\|p\| \gg 0$). Тогда государство и все участники, получающие дотации и имеющие нормальный спрос (т.е. участники n , для которых $\alpha_n < 0$ и $\partial f_n / \partial w_n \geq 0$), заинтересованы в снижении цен на все товары (в то время как из А следует, что существуют и участники, заинтересованные в их повышении).

Доказательство.

А. Согласно лемме 4, касательный вектор к $\pi^{-1}(\omega)$ в точке (ω, p) имеет вид $e = (e', \langle x_i, e' \rangle)$. Положим $v = \sum_{r=0}^m (v_r / \lambda_r)$. Из наших вычислений следует, что

$$\langle dv, e \rangle = \sum_{r=0}^m \frac{\langle dv_r, e' \rangle}{\lambda_r} = -\langle f_0, e' \rangle - \langle f_i, e' \rangle + \langle x_i, e' \rangle - \sum_{k \neq 0, i} \langle E_k, e' \rangle = -\langle E(\omega, p), e' \rangle = 0.$$

Поэтому если $\langle dv_r, e \rangle > 0$ (соответственно, $\langle dv_r, e \rangle < 0$), то существует r' , $0 \leq r' \leq m$, для которого $\langle dv_{r'}, e \rangle < 0$ (соответственно, $\langle dv_{r'}, e \rangle > 0$).

Б. Как и при доказательстве утверждения А, мы видим, что $\langle dv_0, e \rangle = -\lambda_0 \langle f_0, e' \rangle$, $\langle dv_k, e \rangle = -\lambda_k \langle E_k, e' \rangle$, $k = 1, \dots, m$. Поэтому достаточно проверить, что если $p \gg 0$ (т.е. норма вектора p достаточно велика), $\alpha_n < 0$, $\partial f_n / \partial w_n \geq 0$, то $\langle f_0, e' \rangle > 0$, $\langle E_n, e' \rangle > 0$. Имеем

$$\mathbb{R}e' = \text{Ker} \frac{\partial E}{\partial p}(\omega, p) = \text{Ker} \left(\frac{\partial f_0}{\partial p} \left(\frac{p}{\|p\|}, \frac{\alpha}{\|p\|} \right) + \sum_{k=1}^m \frac{\partial f_k}{\partial p} \left(\frac{p}{\|p\|}, \left\langle \frac{p}{\|p\|}, x_k \right\rangle - \frac{\alpha_k}{\|p\|} \right) + \sum_{k=1}^m \frac{\partial f_k}{\partial w_k} \left(\frac{p}{\|p\|}, \left\langle \frac{p}{\|p\|}, x_k \right\rangle - \frac{\alpha_k}{\|p\|} \right) x_k \right).$$

Ясно, что когда p стремится к бесконечности вдоль одного из лучей равновесных цен в ω , $p / \|p\|$ стремится к одному из равновесных векторов цен в экономике чистого обмена с начальными запасами $x_1, \dots, x_m$. Из условия теоремы 4Б следует, что ранг матрицы $\partial E / \partial p$ в этой экономике чистого обмена равен $l-1$, а формула Эйлера показывает, что ядро матрицы $\partial E / \partial p$ в соответствующей точке порождено равновесным вектором цен. Поэтому при $\|p\| \gg 0$ ядро матрицы $\partial E / \partial p$ в состоянии равновесия (ω, p) порождено *положительным* вектором e' (так что при $\|p\| \gg 0$ цены на все продукты возрастают вдоль всех лучей равновесных цен в ω). Поскольку при наших условиях $f_0(p, \alpha) > 0$ и $E_n(\omega, p) > 0$, отсюда вытекает, что $\langle f_0, e' \rangle > 0$ и $\langle E_n, e' \rangle > 0$. ■

Теорема 4 показывает, что для экономик общего положения интересы участников, проявляющиеся в оценке различных состояний равновесия, вступают в противоречие друг с другом, причем если цены достаточно велики, то, как и подсказывает здравый смысл, государству, получающему фиксированный доход, невыгодна инфляция. При малых ценах это уже не так, и хотелось бы выделить функции спроса, для которых это свойство сохраняется при всех равновесных ценах. В классической теории экономического равновесия хорошо известен класс *экономик с валовой заменимостью*, равновесные (нормированные) векторы цен в которых единственны, устойчивы по отношению к вальрасовскому процессу ценообразования и обладают рядом других важных свойств. Представляет интерес исследовать свойства состояний равновесия в нашей модели в этом наиболее благоприятном случае. В гладком случае удобно использовать следующий вариант определения валовой заменимости.

Определение. Функция совокупного спроса $f(p; w_0, \dots, w_m) = \sum_{r=0}^m f_r(p, w_r)$ обладает свойством *валовой заменимости* (соответственно, *сильной валовой заменимости*), если $\partial f^j / \partial p^t \geq 0$ (соответственно, $\partial f^j / \partial p^t > 0$) для всех $j \neq t, 1 \leq j, t \leq l$.

Теорема 5. *Предположим, что все экономические агенты имеют нормальный спрос (т.е. $\partial f_k / \partial w_k \geq 0, k = 0, \dots, m$), совокупный спрос удовлетворяет условию валовой заменимости и выполнено одно из следующих условий:*

- 1) $x_i = x_i(\omega) > 0$ для некоторого $i, 1 \leq i \leq m$;
- 2) *спрос всех экономических агентов строго нормален (т.е. $\partial f_k / \partial w_k > 0, k = 1, \dots, m$);*
- 3) *совокупный спрос удовлетворяет условию сильной валовой заменимости.*

Тогда справедливы следующие утверждения.

А. Экономика ω регулярна.

Б. Множество состояний равновесия в экономике ω диффеоморфно лучу, вдоль которого цены на все продукты монотонно возрастают и стремятся к бесконечности.

Доказательство.

А. Очевидно, что отображение $d\pi$ сюръективно тогда и только тогда, когда сюръективно отображение $d\pi_i = (S_i, \frac{\partial f_i}{\partial w_i})$, где $S_i = \frac{\partial E}{\partial p} - \frac{\partial f_i}{\partial w_i} x_i$. Поэтому нам достаточно доказать, что матрица S_i невырождена. Из условия теоремы следует, что при $j \neq i$ имеем $(-S_i)_{ji} = -\frac{\partial f^j}{\partial p^i} - \sum_{k \neq i} x_k^j \frac{\partial f_k^j}{\partial w_k} \leq 0$. Согласно закону Вальраса, $p \frac{\partial E}{\partial p} = 0$, так что $p(-S_i) = \left\langle p, \frac{\partial f_i}{\partial w_i} \right\rangle x_i = x_i$. Поэтому в случае 1) матрица $-S_i$ имеет доминирующую диагональ (Никайдо, 1972, гл. II, § 21.1) и, следовательно, удовлетворяет условию Хокинса-Саймона (Никайдо, 1972, гл. II, § 6.2). В частности, $-S_i$ неотрицательно обратима и $\det(-S_i) > 0$, откуда и следует утверждение А.

Если выполнено условие 2), то, поскольку $x = \sum_{k=1}^m x_k > 0$, из теоремы Перрона-Фробениуса вытекает, что при $\lambda \gg 0$ матрица $\lambda \text{Id} + \partial E / \partial p$ имеет собственный вектор $e' > 0$, соответствующий максимальному собственному значению $\mu > 0$. Имеем

$$\frac{\partial E}{\partial p} e' = (\mu - \lambda) e', \quad 0 = \left(p \frac{\partial E}{\partial p} \right) e' = p \left(\frac{\partial E}{\partial p} e' \right) = (\mu - \lambda) \langle p, e' \rangle,$$

так что $\lambda = \mu$ и e' порождает $\text{Ker} \frac{\partial E}{\partial p}$. Пусть $\lambda \gg 0, T_i = \lambda \text{Id} + S_i \geq 0, e_i \geq 0$ – собственный вектор T_i , соответствующий максимальному собственному значению $\mu_i \geq 0$. Тогда

$$S_i e_i = (\mu - \lambda) e_i, \quad -\langle x_i, e_i \rangle = (p S_i) e_i = p (S_i e_i) = (\mu_i - \lambda) \langle p, e_i \rangle.$$

Поскольку $\langle p, e_i \rangle > 0$, а $-\langle x_i, e_i \rangle \leq 0$, отсюда следует, что $\mu_i \leq \lambda$. Если $\mu_i < \lambda$, то из теоремы Перрона-Фробениуса вытекает, что матри-

ца $-S_i$ неотрицательно обратима, так что $\det(-S_i) > 0$ и утверждение А доказано. Если же $\mu_i = \lambda$, то $S_i e_i = 0$, так что $\langle x_i, e_i \rangle = -p(S_i e) = 0$ и $\frac{\partial E}{\partial p} e_i = \langle x_i, e_i \rangle \frac{\partial f_i}{\partial w_i} = 0$, т.е. $e_i \in \text{Ker} \frac{\partial E}{\partial p}$. Но, как было только что показано, $\text{Ker} \frac{\partial E}{\partial p} = \mathbb{R}e'$, где $e' > 0$, и, следовательно, скалярное произведение $\langle x_i, e_i \rangle$ положительно. Полученное противоречие доказывает утверждение А в случае 2).

Наконец, если выполнено условие 3), то из теоремы Перрона–Фробениуса непосредственно вытекает, что, в обозначениях предыдущего раздела, $e_i > 0$, так что $\langle x_i, e_i \rangle > 0$, $\lambda > \mu_i$, матрица $-S_i$ неотрицательно обратима и $\det(-S_i) > 0$. Утверждение А полностью доказано.

Б. Рассмотрим отображение $w_i: \pi^{-1}(\omega) \rightarrow \overline{\mathbb{R}}_+$. Ясно, что w_i собственнo. Из утверждения А теоремы следует, что $\pi^{-1}(\omega)$ – одномерное многообразие с краем, а из леммы 4 – что касательный вектор к $\pi^{-1}(\omega)$ в точке (ω, p) в системе координат $dp^1, \dots, dp^m; dw_i$ имеет вид $e = (e', \langle x_i, e' \rangle)$, где вектор e' порождает одномерное векторное пространство $\text{Ker} \frac{\partial E}{\partial p}$.

Как уже было отмечено при доказательстве утверждения А, из теоремы Перрона–Фробениуса следует, что без ущерба для общности можно считать, что $e' \geq 0$, причем в случаях 2) и 3) $e' > 0$. Таким образом, во всех случаях 1)–3) имеем $\langle x_i, e' \rangle > 0$, так что $\partial w_i / \partial e > 0$ и w_i является локальной координатой всюду в $\pi^{-1}(\omega)$. Поэтому число элементов в слоях отображения $w_i: \pi^{-1}(\omega) \rightarrow w_i(\pi^{-1}(\omega)) \subset \overline{\mathbb{R}}_+$ постоянно, и $\pi^{-1}(\omega)$ является объединением нечетного числа лучей (дуги отсутствуют).

Из леммы 2 и неотрицательности вектора e' вытекает, что вдоль этих лучей цены на все продукты монотонно возрастают и стремятся к бесконечности. Наконец, при доказательстве утверждения А было показано, что $\det(-S_i) > 0$. Отсюда и из вычисления якобиана в доказательстве предложения 1 вытекает знакоопределенность $\det(d\pi|_{\omega_\Omega W})$ в случае, если $\alpha_k \neq 0$ для некоторого k , $1 \leq k \leq m$, а поскольку при доказательстве предложения 1 мы установили, что $\deg \pi|_{\omega_\Omega W} = \pm 1$, в этом случае край многообразия $\pi^{-1}(\omega)$ состоит из одной точки, что и доказывает утверждение Б. Если же $\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0$, то совершенно аналогичное рассуждение с якобианом проводится для нормированных цен (см. следствие леммы 1; впрочем, в этом случае ω – экономика чистого обмена, так что единственность нормированного равновесного вектора цен хорошо известна). ■

Стандартный вальрасовский процесс ценообразования (tâtonnement) состоит в том, чтобы повышать цены на дефицитные продукты и понижать – на продукты, имеющиеся в избытке. В нашей модели этот процесс описывается системой обыкновенных дифференциальных уравнений $\frac{dp}{dt} = E(p)$, где $E(p) = E(\omega, p) = f_0(p, \alpha) + \sum_{k=1}^m f_k(p, \langle p, x_k \rangle) - \alpha_k - x$, $\alpha = \alpha(\omega)$, $\alpha_k = \alpha_k(\omega)$, $x_k = x_k(\omega)$, $k = 1, \dots, m$ – функция сово-

купного избыточного спроса. Важным обстоятельством является то, что, согласно закону Вальраса, в этой модели, как и в модели чистого обмена, $\frac{d\|p\|^2}{dt} = 2\langle p, dp/dt \rangle = 2\langle p, E(p) \rangle = 0$, т.е. длина вектора цен постоянна вдоль траекторий.

Теорема 6. В условиях теоремы 5 равновесные цены устойчивы по отношению к вальрасовскому процессу ценообразования. Точнее говоря, если $p_0 \in \mathbb{R}_+^l$ – начальный вектор цен и длина p_0 достаточно велика (т.е. $\|p_0\| > C = C(\omega)$, где C – достаточно большое число), то при $t \rightarrow \infty$ имеем $p(t) \rightarrow p_0^e$, где p_0^e – единственный равновесный вектор цен в ω , для которого $\|p_0^e\| = \|p_0\|$.

Доказательство. Из леммы 2 нетрудно вывести, что для достаточно больших C при движении вдоль траектории имеем $w_k = \langle p, x_k \rangle - \alpha_k > 0$ для всех $k = 1, \dots, m$. Матрица $\lambda Id + \partial E / \partial p$ неотрицательна при $\lambda \gg 0$ и, согласно теореме Перрона–Фробениуса, имеет собственный вектор $e' \geq 0$, соответствующий максимальному собственному значению $\mu \geq 0$. Имеем

$$\frac{\partial E}{\partial p} e' = (\mu - \lambda) e', \quad 0 = \left(p \frac{\partial E}{\partial p} \right) e' = p \left(\frac{\partial E}{\partial p} e' \right) = (\mu - \lambda) \langle p, e' \rangle,$$

так что $\lambda = \mu$ и $e' \in \text{Ker}(\partial E / \partial p)$. Теперь из леммы 4 и теоремы 5 вытекает, что 0 – собственное значение $\partial E / \partial p$ кратности один, а вещественные части всех остальных собственных значений $\partial E / \partial p$ отрицательны. Поскольку, как мы только что показали, длина вектора p постоянна вдоль траекторий, а согласно утверждению Б теоремы 5 в ω существует единственный равновесный вектор цен заданной длины, этого достаточно для локальной устойчивости.

На самом деле имеет место и глобальная устойчивость. Доказать это можно, как и в случае модели чистого обмена, следующим образом. Пусть $\|p - p_0^e\|$ – расстояние от текущей до предполагаемой предельной точки нашей траектории. Тогда

$$\frac{d\|p - p_0^e\|^2}{dt} = \frac{d\|p\|^2}{dt} - 2 \frac{d\langle p, p_0^e \rangle}{dt} = -2 \langle p^e, E_0 \rangle,$$

и нам, по существу, достаточно проверить, что функция $\langle p_0, E(p) \rangle$ достигает минимума на многообразии $\{\|p\| = \|p_0\|\} \cap \mathbb{R}_+^l$ в точке $p = p_0^e$. Это делается так же, как в классической работе Эрроу и Гурвича (см. например, (Никайдо, 1972, гл. IV, § 18.3)). ■

Теорема 7. В условиях теоремы 5 предположим дополнительно, что $\alpha > 0$. Тогда полезность государства, а также всех экономических агентов, получающих дотацию, монотонно убывает вдоль (единственного) луча равновесных цен и достигает максимума в (единственном) состоянии равновесия $\pi^{-1}(\omega) \cap \partial_\Omega W$, в котором цены на все продукты минимальны.

Доказательство. Из леммы 4 следует, что касательный вектор к $\pi^{-1}(\omega)$ в точке (ω, p) в системе координат $dp^1, \dots, dp^l; dw_i$ имеет вид $e = (e', \langle x_i, e' \rangle)$, где $\mathbb{R}e' = \text{Ker}(\partial E / \partial p)$. Из вычисления

дифференциалов не прямых функций полезности следует, что $\partial v_0 / \partial e = -\lambda_0 \langle f_0(p, \alpha), e' \rangle$, $\partial v_k / \partial e = -\lambda_k \langle E_k(\omega, p), e' \rangle$, $k = 1, \dots, m$. Как уже было отмечено при доказательстве теоремы 5, $e' \geq 0$ (и даже $e' > 0$ в случаях 2) и 3)). Поскольку при $\alpha > 0$ имеем $f_0(p, \alpha) > 0$, а при $\alpha_n < 0$ выполнено неравенство $E_n > 0$, отсюда следует, что при наших предположениях $\partial v_0 / \partial e < 0$, $\partial v_n / \partial e < 0$ в каждой точке $\pi^{-1}(\omega)$. Это доказывает утверждение теоремы (заметим, что при $\alpha = 0$ государство индифферентно по отношению к выбору состояния равновесия). ■

Замечание. Из теоремы 4А следует, что среди агентов, уплачивающих налоги (т.е. для n агентов, для которых $\alpha_n \geq 0$), обязательно имеются как заинтересованные в повышении цен, так и заинтересованные в их снижении. Таким образом, в обществе всегда возникает конфликт интересов между государством, желающим предотвратить инфляцию, и некоторыми налогоплательщиками, которым выгодно повышение цен. Компромисс, позволяющий разрешить этот конфликт, заключается в максимизации *общественной функции полезности*, являющейся выпуклой комбинацией индивидуальных функций полезности экономических агентов и государства с весами, отражающими их общественную значимость.

Следует однако отметить, что целесообразность такого подхода ограничивается как тем, что при недостаточном весе государства и получателей дотаций цены могут уходить на бесконечность, так и отсутствием адекватного процесса ценообразования. Точнее говоря, если вес государства низок, то цены могут стремиться к бесконечности (при этом соответствующий нормированный вектор цен стремится к равновесному вектору цен в экономике чистого обмена с начальными запасами x_k), а если он очень высок, то общественная полезность достигает максимума, когда цены на все продукты минимальны. При этом трудно построить разумный процесс ценообразования, сходящийся к равновесию, оптимальному с точки зрения общественной полезности.

2. Налоговое регулирование при фиксированном государственном потреблении

Вторая модель налогообложения отличается от первой тем, что государство заранее фиксирует ресурсы u , необходимые для его функционирования, а изъятие в виде налогов деньги полностью идут на закупку этих ресурсов. В этом случае цель налогообложения – стерилизация избыточной денежной массы и уменьшение покупательной способности экономических агентов до такого уровня, чтобы по завершении обмена между участниками часть продуктов в количестве u осталась невостребованной и отошла государству.

Итак, в модели имеется l продуктов и m экономических агентов, причем агент k располагает начальным запасом продуктов $x_k \geq 0$. Государство распределяет между участниками налоговое бремя α , причем участник k облагается налогом α_k , $\sum_{k=1}^m \alpha_k = \alpha$. Заметим, что,

как и в первой модели, мы допускаем, что $\alpha_k < 0$, т.е. государство может оказывать финансовую помощь некоторым агентам. Более того, мы не исключаем *a priori* и случая $\alpha < 0$. Из общих товарных запасов $x = \sum_{k=1}^m x_k$ государство изымает необходимый для его функционирования вектор $y \leq x$, а оставшиеся продукты продаются на рынке по ценам p . Мы не исключаем также случай, когда $y^j \leq 0$ для некоторых j , $1 \leq j \leq l$, т.е. государство выбрасывает на рынок некоторые ресурсы (при необходимости одновременно выделяя средства на их приобретение). Как и в первой модели, участник k имеет функцию спроса $f_k(p, w_k)$, порожденную строго вогнутой трижды непрерывно дифференцируемой функцией полезности u_k , где $w_k = \langle p, x_k \rangle - \alpha_k$, $k = 1, \dots, m$, причем $f_k: \mathbb{R}_+^l \times \mathbb{R}_+ \rightarrow \mathbb{R}_+^l$, $f_k(\mathbb{R}_+^l \times 0) = 0$, а функция совокупного спроса $f(p; w_1, \dots, w_m) = \sum_{k=1}^m f_k(p, w_k)$ удовлетворяет условию (DES).

Ясно, что равновесные цены во второй модели описываются системой l уравнений $\sum_{k=1}^m f_k(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) = x - y$, где $x = \sum_{k=1}^m x_k > 0$, p – положительный вектор, $\langle p, x_k \rangle - \alpha_k \geq 0$, $k = 1, \dots, m$. Из закона Вальраса вытекает, что в состоянии равновесия $\langle p, y \rangle = \alpha$. Отсюда, в частности, следует, что в этой модели не всегда существует состояние равновесия. Например, если $\alpha = 0$, $y \geq 0$, то равновесия не существует. Если $y^j = x^j$ для некоторого j , $1 \leq j \leq l$, то из свойств функций спроса вытекает, что $\alpha_k = \langle p, x_k \rangle$, $k = 1, \dots, m$, а $y = x$. Но в последнем случае любой вектор цен p является равновесным. С другой стороны, равновесие в экономике *общего положения* не может существовать, если число участников достаточно велико. Этот случай не представляет особого интереса, и в дальнейшем мы будем предполагать, что $y < x$.

Замечание. Вырожденный случай нашей второй модели налогообложения, когда $y = 0$, был рассмотрен в статье (Balasko, Shell, 1985). Распределение налогов $\{\alpha_k\}$, для которого существует равновесный вектор цен, называется *добросовестным* (bona fide). Из закона Вальраса следует, что необходимым условием добросовестности является $\alpha = \sum_{k=1}^m \alpha_k = 0$. В (Balasko, Shell, 1985) показано, что при $y = 0$ и заданных начальных запасах $\{x_k\}$ для открытого плотного подмножества добросовестных распределений $\{\alpha_k\}$ существует лишь конечное число равновесных векторов цен, однако в отличие от модели чистого обмена это число не обязано быть нечетным; в частности, в предположениях статьи (Balasko, Shell, 1985) в модели может не быть равновесия. В (Balasko, Shell, 1993) исследуются взаимоотношения между Парето-оптимальными распределениями и состояниями равновесия все в том же вырожденном случае $y = 0$. Ниже мы увидим, что, при некоторых естественных условиях на налогообложение и государственное потребление, в рассматриваемой модели всегда существует равновесие (теорема 8) и что, варьируя налогообложение, государство может добиться произвольного Парето-оптимального распределения ресурсов x – y между m участниками (теорема 9).

Удобно считать, что экономика задается точкой

$$\omega \in \Omega = \{(x_1, \dots, x_m; y; \alpha_1, \dots, \alpha_m) \mid x_k^j \geq 0, \quad x^j = \sum_{k=1}^m x_k^j > 0, \quad y < x\} \subset \mathbb{R}^{lm+l+m}.$$

Изучение состояний равновесия естественно интерпретируется как исследование многообразия (с краем)

$$W = \{(\omega, p) \subset \Omega \times \mathbb{R}_+^l \mid \langle p, x_k \rangle \geq \alpha_k, \quad k = 1, \dots, m; \quad \sum_{k=1}^m f_k(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) = x - y\}.$$

Как и в первой модели, будем называть W *соответствием Вальраса* и обозначать через $\pi: W \rightarrow \Omega$ ограничение на W отображения проектирования $\Omega \times \mathbb{R}_+^l$ на первый сомножитель. При этом точки слоя $\pi^{-1}(\omega)$ взаимно однозначно соответствуют равновесным ценам в экономике ω .

Лемма 5. Пусть $\omega \in \Omega$ – экономика, для которой $\alpha_k(\omega) \neq 0$ при некотором k , $1 \leq k \leq m$. Тогда в некоторой окрестности U точки ω в Ω равновесные цены отделены от нуля, т.е. существует константа $C > 0$ такая, что при $\omega' \in U$ для всякого равновесного вектора цен p в ω' имеют место неравенства $p^j > C$, $j = 1, \dots, l$.

Доказательство. Предположим противное. Тогда существуют последовательность экономик $\omega_n \rightarrow \omega$ и последовательность равновесных векторов цен p_n в ω_n такие, что $p_n^j \rightarrow 0$ для некоторого j , $1 \leq j \leq l$. Из условия (DES) вытекает, что $(w_k)_n = \langle p_n, (x_k)_n \rangle - (\alpha_k)_n \rightarrow 0$, $k = 1, \dots, m$ (здесь $(x_k)_n = x_k(\omega_n)$, $(\alpha_k)_n = \alpha_k(\omega_n)$). Суммируя по k , мы видим, что $\langle p_n, x_n \rangle - \alpha_n = \langle p_n, x_n - y_n \rangle \rightarrow 0$ (здесь $x_n = \sum_{k=1}^m (x_k)_n$, $\alpha_n = \sum_{k=1}^m (\alpha_k)_n$, $y_n = y(\omega_n)$). Поскольку $x_n \rightarrow x = x(\omega)$, $y_n \rightarrow y = y(\omega)$, отсюда следует, что $p_n \rightarrow 0$ и, стало быть, $\langle p_n, (x_k)_n \rangle \rightarrow 0$ и $(\alpha_k)_n \rightarrow 0$, $k = 1, \dots, m$. Таким образом, $\alpha_k = \lim_n (\alpha_k)_n = 0$, $k = 1, \dots, m$, и приходим к противоречию. ■

Лемма 6. Пусть $\omega, \omega_n \in \Omega$, и пусть p_n – последовательность равновесных векторов цен в ω_n . Тогда для всех s, t , $1 \leq s, t \leq l$ выполнено соотношение $p^t = O(p^s)$, т.е. существуют константы c_{ts} и C_{ts} , $0 < c_{ts} < C_{ts} < \infty$ такие, что для всех n имеют место неравенства $c_{ts} < p_n^t / p_n^s < C_{ts}$.

Доказательство. Предположим противное. Переходя к подпоследовательности, без ущерба для общности можно считать, что p_n^t / p_n^s ограничены для всех j , $1 \leq j \leq l$, и для некоторого t , $1 \leq t \leq l$ имеем $p_n^t / p_n^s \rightarrow 0$. Тогда

$$f(p_n, \omega_n) = \sum_{k=1}^m f_k \left(\frac{p_n}{p_n^s}, \left\langle \frac{p_n}{p_n^s}, (x_k)_n \right\rangle - \frac{(\alpha_k)_n}{p_n^s} \right) = x_n - y_n.$$

Из условия (DES) следует, что $x_n^s - y_n^s - \frac{\alpha_n}{p_n^s} < \left\langle \frac{p_n}{p_n^s}, x_n \right\rangle - \frac{\alpha_n}{p_n^s} \rightarrow 0$.

Если $\alpha(\omega) = 0$, то отсюда следует, что $x_n^s - y_n^s \rightarrow 0$ и $y^s(\omega) = x^s(\omega)$ вопреки определению Ω . Если же $\alpha(\omega) \neq 0$, то $\alpha_k(\omega) \neq 0$ для некоторого k , $1 \leq k \leq m$, и из леммы 5 следует, что $p_n^s \rightarrow \infty$, так что и в этом случае $x_n^s - y_n^s \rightarrow 0$, и мы снова приходим к противоречию. ■

Лемма 7. *Существует гиперповерхность $\Omega_0 \subset \Omega$ такая, что отображение ϖ является собственным в точке $\omega \in \pi(W) \subset \Omega$, для которой хотя бы один из налогов α_k отличен от нуля, если и только если $\omega \notin \Omega_0$.*

Доказательство. Из леммы 5 вытекает, что в достаточно малой окрестности ω равновесные цены отделены от нуля. Если существуют последовательность экономик $\omega_n \rightarrow \omega$ и последовательность равновесных векторов цен p_n в ω_n такие, что $p_n^j \rightarrow \infty$ для некоторого j , $1 \leq j \leq l$, то

$$\sum_{k=1}^m f_k \left(\frac{p_n}{p_n^j}, \left\langle \frac{p_n}{p_n^j}, (x_k)_n \right\rangle - \frac{(\alpha_k)_n}{p_n^j} \right) = x_n - y_n.$$

Переходя к подпоследовательности и воспользовавшись леммой 6, мы видим, что $\sum_{k=1}^m f_k(\bar{p}, \langle \bar{p}, x_k(\omega) \rangle) = x(\omega) - y(\omega)$, где $\bar{p} = \lim_n (p_n / p_n^j)$. Подсчет дифференциалов показывает, что решения этой системы уравнений, когда p пробегает единичный симплекс цен, замечают гиперповерхность Ω_0 .

Обратно, пусть $\omega \in \pi(W) \cap \Omega_0$. Тогда ϖ не является собственным в окрестности ω . Действительно, пусть $\bar{p}$ – равновесный вектор цен в экономике чистого обмена, соответствующей ω (т.е. в экономике с $\alpha_k = 0$, $k = 1, \dots, m$, $x_k = x_k(\omega)$), и пусть ω_n – последовательность экономик такая, что $\alpha_k(\omega_n) = \alpha_k(\omega)$, $x_k(\omega_n) = (1 + \varepsilon_{kn})x_k(\omega)$, $k = 1, \dots, m$, $y(\omega_n) = y(\omega)$, где $\varepsilon_{kn} = \frac{\alpha_k}{n \langle \bar{p}, x_k \rangle}$. Тогда нетрудно увидеть, что $\omega_n \rightarrow \omega$, $p_n = n\bar{p}$ – равновесный вектор цен в экономике ω_n и $p_n \rightarrow \infty$, что и доказывает несобственность ϖ в ω . ■

Следствие. *Отображение $\pi: W \rightarrow \Omega$ собственено над областями $\{y \geq 0\} \setminus \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$ и $\{y \leq 0\} \setminus \{\alpha_1 = \dots = \alpha_m = 0\}$.*

Доказательство. Из закона Вальраса следует, что, в обозначениях доказательства леммы 7, $\langle \bar{p}, y(\omega) \rangle = 0$ при $\omega \in \Omega_0$. Поскольку $\bar{p} > 0$, в наших областях это невозможно, так что следствие вытекает из леммы 7. ■

Замечание. В отличие от первой модели равновесие во второй модели не обязательно существует, даже если экономика ω такова, что $0 < y = y(\omega) < x = x(\omega)$, $\alpha_k = \alpha_k(\omega) > 0$, $k = 1, \dots, m$. Действительно, предположим, что $y > x_m > 0$, и пусть p – равновесный вектор цен в экономике ω . Тогда $\alpha = \alpha(\omega) = \langle p, y \rangle$ и $w_m = \langle p, x_m \rangle - \alpha_m = \langle p, x_m - y \rangle + \sum_{k=1}^{m-1} \alpha_k$, где w_m – доход участника m . Ясно, что $\sum_{j=1}^l p^j \geq \beta = \frac{\alpha}{\max_j y^j}$, и, следовательно,

$$\langle p, x_m - y \rangle \leq -\sum_{j=1}^l p^j \min_j (y^j - x_m^j) \leq -\beta \min_j (y^j - x_m^j) = \gamma(x_m, y, \alpha) < 0.$$

Поскольку $w_m \geq 0$, отсюда вытекает, что $\sum_{k=1}^{m-1} \alpha_k \geq -\gamma$. Таким образом, если при фиксированных x_m, y, α выбрать $\alpha_1, \dots, \alpha_{m-1}$ достаточно малыми (например $\alpha_1 = \dots = \alpha_{m-1} < -\gamma / (m-1)$), то равновесия в экономике ω не существует.

Итак, если изымаемые государством ресурсы достаточно велики ($y > x_k$, $\exists k$, $1 \leq k \leq m$), то не при всех распределениях налогового бремени существует состояние равновесия. Тем не менее справедлива следующая теорема.

Теорема 8. *Равновесие в экономике ω существует в следующих случаях:*

- 1) $y = y(\omega) \leq 0$, $\alpha_k = \alpha_k(\omega) \leq 0$, $k = 1, \dots, m$, $\alpha = \alpha(\omega) < 0$;
- 2) $0 \leq y = y(\omega) \leq x_k = x_k(\omega)$, $\alpha_k = \alpha_k(\omega) \geq 0$, $k = 1, \dots, m$, $\alpha = \alpha(\omega) > 0$.

При этом для экономики общего положения в каждом из этих двух случаев существует лишь конечное (нечетное) число равновесных векторов цен.

Д о к а з а т е л ь с т в о. В случае 1) утверждение теоремы 8 является частным случаем аналога (Зак, 2011, теорема 3) при $q = 0$ и ресурсах государства, равных $x - y \geq x$.

Перейдем к рассмотрению случая 2). Как и в первой модели, W -многообразие с краем $\partial_\Omega W = \bigcup_{i=1}^m \partial_i W$, где $\partial_i W = \{w_i = 0\}$, $w_i = \langle p, x_i \rangle - \alpha_i$, $i = 1, \dots, m$, однако в отличие от первой модели $\dim \partial_\Omega W = \dim \Omega - 1$ и $\pi(\partial_\Omega W) \neq \Omega$.

Рассмотрим замыкание $\bar{U}$ области U в Ω , заданной условиями случая 2) теоремы 8. Заметим, что

$$\pi(\partial_i W) \cap \bar{U} = \{\omega \mid y = x_i, \alpha_k = 0, k \neq i\} \subset \bar{U}.$$

Действительно, если $\omega \in \pi(\partial_i W)$, то для некоторого $p \in \mathbb{R}_+^l$ имеем $w_i = \langle p, x_i \rangle - \alpha_i = 0$ и

$$\sum_{k \neq i} f_k(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) = x - y \geq x - x_i = \sum_{k \neq i} x_k,$$

так что из закона Вальраса следует, что $\sum_{k \neq i} \alpha_k \leq 0$ вопреки условию 2).

Множество равновесных векторов цен в произвольной экономике $\omega \in \pi(\partial_i W) \cap U$ совпадает с множеством подходящим образом нормированных равновесных цен в экономике чистого обмена с участниками $1, \dots, \hat{i}, \dots, m$, обладающими начальными запасами x_k и функциями полезности u_k , $k = 1, \dots, m$. В самом деле, если $\alpha_k = 0$ при $k \neq i$, $y = x_i$, а p – равновесный вектор цен, то из закона Вальраса следует что $\alpha_i = \alpha = \langle p, y \rangle = \langle p, x_i \rangle$, т.е. $w_i = 0$ и $\sum_{k \neq i} f_k(p, \langle p, x_k \rangle) = \sum_{k \neq i} x_k$ и p – равновесный вектор цен в указанной выше экономике чистого обмена, нормированный так, что $\langle p, x_i \rangle = \alpha$ (таким образом, при $i' \neq i$ имеем $\partial_i W \cap \partial_{i'} W \cap \pi^{-1}(\bar{U}) = \emptyset$).

В частности, если $\{x_1, \dots, x_m\}$ – распределение, оптимальное по Парето, а i , $1 \leq i \leq m$ – некоторый участник, то $\{x_1, \dots, \hat{x}_i, \dots, x_m\}$ – оптимальное по Парето распределение ресурсов $x - x_i$ между $m - 1$ участниками с функциями полезности u_k , $k = 1, \dots, \hat{i}, \dots, m$, и в экономике ω существует единственный равновесный вектор цен $p = \alpha \text{grad } u_k / \langle \text{grad } u_k, x_i \rangle$, где $k \neq i$ – произвольный экономический агент. Рассмотрим отображение $\bar{\pi} = \pi|_{\bar{U}} : \pi^{-1}(\bar{U}) \rightarrow \bar{U}$. Из предшествующих рассуждений следует,

что $\partial(\pi^{-1}(\bar{U})) = (\bar{\pi})^{-1}(\partial\bar{U})$, причем ограничение $\bar{\pi}$ на $\bar{U} \setminus \{\alpha = 0\}$ собственнo. Как и для первой модели, вычисление якобиана $\bar{\pi}$ в рассмотренной в предыдущем абзаце точке (ω, p) показывает, что матрица $d_{(\omega, p)}(\bar{\pi}|_{\partial W})$ невырождена. Следовательно, невырождены также матрицы $d_{(\omega, p)}\pi$ и $d_{(\omega, p)}(\bar{\pi}|_{\partial\bar{U}})$. Ввиду известных результатов элементарной дифференциальной топологии (см. например, (Рохлин, Фукс, 1977, гл. 4, § 6, п. 5(vi))),

$$\deg \pi|_U = \deg \bar{\pi}|_{U \setminus \{\alpha=0\}} = \deg \pi|_{\partial\bar{U} \setminus \{\alpha=0\}} = \pm 1,$$

что и доказывает теорему 8 в случае 2). ■

Замечание. Строго говоря, при доказательстве теоремы 8 в случае 2) мы воспользовались тем, что $m > 1$. Однако хорошо известно, что если $f(p, w)$ – индивидуальная функция спроса, порожденная функцией полезности, удовлетворяющей нашим предположениям, то отображение $f(\cdot, 1) : \mathbb{R}_+^l \rightarrow \mathbb{R}_+^l$ является диффеоморфизмом. Поэтому если $m = 1$, а $y < x$ (в случае $m = 1$ условие $y \leq x_k, k = 1, \dots, m$ оказывается более слабым, чем сделанное в самом начале разд. 2 предположение, что $y < x$), то в модели существует единственное равновесие p , а именно, если $f(\bar{p}, 1) = x - y$, то $p = \alpha \bar{p} / \langle \bar{p}, y \rangle$.

Рассмотрим отображение $F : W \rightarrow \mathbb{R}_+^l$,

$$F(\omega, p) = (f_1(p, \langle p, x_1 \rangle - \alpha_1), \dots, f_m(p, \langle p, x_m \rangle - \alpha_m)).$$

Тогда $F(W \setminus \partial_\Omega W) \subset \mathbf{Par}$, где

$$\mathbf{Par} = \left\{ (z_1, \dots, z_m), \quad z_k > 0 \mid \exists (z'_1, \dots, z'_m), \quad z'_k > 0, \quad u_k(z'_k) \geq u_k(z_k), \right. \\ \left. k = 1, \dots, m, \quad \sum_{k=1}^m z'_k = \sum_{k=1}^m z_k, \quad \sum_{k=1}^m u_k(z'_k) > \sum_{k=1}^m u_k(z_k) \right\}.$$

Предложение 3. $F(W \setminus \partial_\Omega W) = \mathbf{Par}$. Более того, для всякого распределения $z_1, \dots, z_m \in \mathbf{Par}$ существуют экономика $\omega \in \Omega$, удовлетворяющая любому из двух условий теоремы 8, и равновесный вектор цен p в ω такие, что $F(p, \omega) = (z_1, \dots, z_m)$.

Доказательство. Пусть $y \in R^l, |y| \leq \min z_k, \alpha_k \in R, k = 1, \dots, m$ – набор данных, удовлетворяющий одному из условий теоремы 8, и пусть $p = \alpha \text{grad } u_i / \langle \text{grad } u_i, y \rangle > 0$. Хорошо известно, что p не зависит от i и является равновесным вектором цен в экономике чистого обмена с начальными запасами z_k и функциями полезности $u_k, k = 1, \dots, m$, нормированными так, что $\langle p, y \rangle = \alpha$. Положим $x_k = z_k + \alpha_k y / \alpha, k = 1, \dots, m$, и пусть $\omega = (x_1, \dots, x_m; y; \alpha_1, \dots, \alpha_m) \in \Omega$. Тогда $x_k \geq 0, y \leq x_k, z = x - y$ и $f_k(p, \langle p, x_k \rangle - \alpha_k) = f_k(p, \langle p, z_k \rangle) = z_k, k = 1, \dots, m$, так что p – равновесный вектор цен в экономике ω и $F(\omega, p) = (z_1, \dots, z_m)$. ■

Как и в первой модели, более важным представляется вопрос, в какой степени финансовые рычаги управления (налоги) позволяют государству при фиксированных начальных запасах участников $x_k, k = 1, \dots, m$ и изымаемых государством ресурсах y добиться желательного

го для него оптимального распределения ресурсов между участниками. Имеет место следующий аналог теоремы 2.

Теорема 9. *Фиксируем распределение начальных запасов $\{x_k\}$, $x_k \geq 0$, $k = 1, \dots, m$, $x = \sum_{k=1}^m x_k > 0$, необходимые для функционирования государства ресурсы y , $0 \leq y < x$ и налоговые поступления $\alpha > 0$ (либо выделяемые государством ресурсы $-y \geq 0$ и финансовую помощь $-\alpha > 0$). Тогда, варьируя налогообложение, государство может добиться произвольного Парето-оптимального распределения ресурсов $x - y$ между t экономическими агентами с функциями полезности u_k , $k = 1, \dots, m$. Точнее говоря, пусть*

$$W_{\{x_k\}, y}^\alpha = \pi^{-1}(\{\omega | x_k(\omega) = x_k, \quad k = 1, \dots, m, \quad y(\omega) = y, \quad \langle p, y \rangle = \alpha\}) \setminus \partial_\Omega W,$$

$$F_{\{x_k\}, y}^\alpha = F|_{W_{\{x_k\}, y}^\alpha} : W_{\{x_k\}, y}^\alpha \rightarrow \mathbf{Par}_{x-y},$$

где $\mathbf{Par}_{x-y} = \{(z_1, \dots, z_m) \in \mathbf{Par} \mid \sum_{k=1}^m z_k = x - y\}$. Тогда $F_{\{x_k\}, y}^\alpha$ - диффеоморфизм (u , в частности, $F_{\{x_k\}, y}^\alpha(W_{\{x_k\}, y}^\alpha) = \mathbf{Par}_{x-y}$).

Д о к а з а т е л ь с т в о аналогично доказательству теоремы 2. Обозначим через $B_{x,y}^\alpha \subset \mathbb{R}_+^l \times (\mathbb{R}_+)^m$ множество бюджетных распределений, соответствующих распределениям ресурсов $x - y$ между m участниками с функциями полезности u_k , $1 \leq k \leq m$ с нормировочным условием $\langle p, y \rangle = \alpha$:

$$B_{x,y}^\alpha = \{(p; w_1, \dots, w_m) \mid p > 0, \langle p, y \rangle = \alpha, w_k > 0, k = 1, \dots, m, \sum_{k=1}^m f_k(p, w) = x - y\}$$

и рассмотрим отображение $\phi_{x,y}^\alpha : \mathbf{Par}_{x-y} \rightarrow \mathbb{R}_+^l \times (\mathbb{R}_+)^m$, $\phi_{x,y}^\alpha(z_1, \dots, z_m) = (p; w_1, \dots, w_m)$, где

$$p = \left(\frac{\partial u_k}{\partial z_k^1}, \dots, \frac{\partial u_k}{\partial z_k^l} \right) / \left(\sum_{j=1}^l \frac{\partial u_k}{\partial z_k^j} y^j \right) > 0, \quad w_k = \langle p, z_k \rangle, \quad k = 1, \dots, m.$$

Хорошо известно (см. например, (Balasko, 1979, Appendix)), что $\phi_{x,y}^\alpha : \mathbf{Par}_{x-y} \rightarrow B_{x,y}^\alpha$ - диффеоморфизм. Рассмотрим коммутативную диаграмму

$$\begin{array}{ccc} W_{\{x_k\}, y}^\alpha & \xrightarrow{F_{\{x_k\}, y}^\alpha} & \mathbf{Par}_{x-y} \\ & \searrow \psi_{\{x_k\}, y}^\alpha & \swarrow \phi_{x,y}^\alpha \\ & B_{x,y}^\alpha & \end{array},$$

где

$$\psi_{\{x_k\}, y}^\alpha(x_1, \dots, x_m; y; \alpha_1, \dots, \alpha_m; p^1, \dots, p^l) = (p^1, \dots, p^l; \langle p, x_1 \rangle - \alpha_1, \dots, \langle p, x_m \rangle - \alpha_m).$$

Ранее было показано, что $\phi_{x,y}^\alpha$ диффеоморфизм. Утверждение теоремы следует теперь из того, что $\psi_{\{x_k\}, y}^\alpha$ также является диффеоморфизмом, причем

$$(\psi_{\{x_k\}, y}^\alpha)^{-1}(p^1, \dots, p^l; w_1, \dots, w_m) = (x_1, \dots, x_m; p^1, \dots, p^l; \langle p, x_1 \rangle - w_1, \dots, \langle p, x_m \rangle - w_m). \blacksquare$$

Следствие. *Фиксируем распределение начальных запасов $\{x_k\}$, $x_k \geq 0$, $k = 1, \dots, m$, $x = \sum_{k=1}^m x_k > 0$ и сумму налоговых поступлений $\alpha > 0$. Пусть $\{z_1, \dots, z_m; y\} \in \mathbf{Par}_{s_x}$ - произвольное Парето-оптимальное распределение. Тогда при подходящем распределении налогов α_k , $k = 1, \dots, m$, $\sum_{k=1}^m \alpha_k = \alpha$, $\{z_1, \dots, z_m\}$ - равновесное распределение в экономике $\omega = \{x_1, \dots, x_m; y; \alpha_1, \dots, \alpha_m\}$.*

Замечание. Напомним, что, вообще говоря, $\overline{\pi(W_{(x_k), y}^\alpha)} \neq \{\omega \in \Omega \mid x_k(\omega) = x_k, k = 1, \dots, m, y(\omega) = y\}$. Кроме того, из доказательства теоремы 9 видно, что для заданного распределения $\{z_k\} \in \mathbf{Par}_{x-y}$ величины α_k могут иметь разный знак. Однако нетрудно убедиться, что если, в обозначениях теоремы 9, $z_k \geq x_k, k = 1, \dots, m, z = \sum_{k=1}^m z_k \geq 0 \geq x = \sum_{k=1}^m x_k$ (откуда следует, что $y = x - z \leq 0$), то $\alpha_k \leq 0, k = 1, \dots, m, \alpha < 0$ и мы находимся в условиях случая 1) теоремы 8. Если же $u_k(z_k) \leq u_k(x_k)$ (например, $z_k \leq x_k$), то $0 \leq y = x - z \leq x_k, \alpha_k \geq 0, k = 1, \dots, m, \alpha > 0$ и мы находимся в условиях случая 2) теоремы 8.

Итак, во второй модели налоговое регулирование позволяет государству, присваивая необходимые ему ресурсы y , добиться вместе с тем желательного для себя (Парето-оптимального) распределения продуктов между участниками. У данного подхода есть два недостатка. *Во-первых*, даже малая ошибка в распределении налогового бремени может привести (если для некоторого $k, 1 \leq k \leq m, w_k$ мало) к тому, что равновесие вообще перестанет существовать. *Во-вторых*, в экономике может существовать несколько равновесий, а государство, назначая налоги, не может выбирать равновесные цены, так что в результате торговли может установиться Парето-оптимальное распределение, отличное от предпочитаемого государством. Что касается первого недостатка, замечание после следствия теоремы 9 показывает, что если государство желает, чтобы в результате выплаты налогов и осуществления торговых сделок состояние каждого из участников не улучшилось, а присваиваемые государством ресурсы не превосходят начальных запасов участников, то все налоги неотрицательны (т.е. государство не осуществляет выплат) и равновесие существует. Вторым недостатком является общим для всех равновесных моделей, и обычный способ избежать его – наложить дополнительные условия на функции спроса.

Теорема 10. *Предположим, что все участники имеют нормальный спрос (т.е. $\partial f_k / \partial w_k \geq 0, k = 1, \dots, m$), совокупный спрос обладает свойством валовой заменимости, а экономика ω удовлетворяет одному из следующих условий.*

1. $y = y(\omega) \leq 0, \alpha_k = \alpha_k(\omega) \leq 0, k = 1, \dots, m, \alpha = \alpha(\omega) < 0$ (т.е. мы находимся в условиях случая 1) теоремы 8) и выполнено одно из следующих условий:

а) $y < 0$;

б) $\alpha_k < 0, k = 1, \dots, m$ и в каждой точке W спрос хотя бы одного из участников строго нормален (т.е. $\partial f_k / \partial w_k > 0$, где $k, 1 \leq k \leq m$ зависит от точки W);

в) спрос всех участников строго нормален;

г) совокупный спрос удовлетворяет условию сильной валовой заменимости.

2. $0 \leq y = y(\omega) \leq x_k = x_k(\omega), \alpha_k = \alpha_k(\omega) \geq 0, k = 1, \dots, m, \alpha = \alpha(\omega) > 0$ (т.е. мы находимся в условиях случая 2) теоремы 8) и выполнено одно из следующих условий:

а) $y < x_i$ для некоторого $i, 1 \leq i \leq m$;

б) совокупный спрос удовлетворяет условию сильной валовой заменимости.

Тогда экономика ω регулярна, и в ней существует единственный равновесный вектор цен.

Доказательство. В случае 1) теорема 10 по существу является частным случаем (Зак, 2011, теорема 6). Тем не менее, поскольку в (Зак, 2011) используются другие обозначения (что может привести к недоразумению), мы приведем доказательство. Согласно случаю 1) теоремы 8, в экономике ω существует равновесный вектор цен p . Ясно, что

$$\det d_{(\omega,p)}\pi = \det \left(\frac{\partial y^j}{\partial p^i} \right) = \det M, \quad M = (m_{ji}), \quad m_{ji} = - \left(\frac{\partial f^j}{\partial p^i} + \sum_{k=1}^m \frac{\partial f_k^j}{\partial w_k} x_k^i \right).$$

Из условия теоремы следует, что $m_{ji} \leq 0$ при $j \neq i$. Из условий агрегации Энгеля и Курно и формулы Эйлера вытекает, что

$$\begin{aligned} pM &= -p \frac{\partial f}{\partial p} - \sum_{k=1}^m \left\langle p, \frac{\partial f_k}{\partial w_k} \right\rangle x_k = f - x = -y, \\ Mp &= -\frac{\partial f}{\partial p} - \sum_{k=1}^m \left\langle p, x_k \right\rangle \frac{\partial f_k}{\partial w_k} = -\sum_{k=1}^m \alpha_k \frac{\partial f_k}{\partial w_k}. \end{aligned} \quad (5)$$

В случаях а), б) и в) отсюда следует, что M – матрица с доминирующей диагональю, удовлетворяющая условию Хокинса–Саймона, так что $M^{-1} \geq 0$ и $\det M > 0$ (Никайдо, 1972, гл. II, теорема 6.1; гл. VII, § 21.1). В случае г) при $\lambda \gg 0$ матрица $M' = \lambda \text{Id} - M$ положительна. Предположим, что матрица M не является неотрицательно обратимой. Тогда из теоремы Перрона–Фробениуса следует, что если μ – максимальное собственное значение M' , а e – соответствующий положительный собственный вектор, то $\lambda \leq \mu$, $0 < -\langle y, e \rangle = pMe = (\lambda - \mu) \langle p, e \rangle < 0$, и приходим к противоречию. Итак, $\lambda > \mu$ и M неотрицательно обратима.

Таким образом, во всех четырех случаях а)–г) $\det M > 0$, так что ω – регулярная экономика и число точек в прообразе ω (равное количеству равновесных цен) совпадает с $|\deg \pi| = 1$ (Зак, 2010).

В случае 2) положим $M^i = (m_{ji}^i)$, где $m_{ji}^i = -\partial f^j / \partial p^i - \sum_{k \neq i} x_k^i (\partial f_k^j / \partial w_k)$. Тогда $m_{ji}^i \leq 0$ при $j \neq i$ и $pM^i = -p \partial f / \partial p - \sum_{k \neq i} \langle p, \partial f_k / \partial w_k \rangle x_k = f - x + x_i = x_i - y \geq 0$. Как и при доказательстве в случае 1), мы видим, что в обоих случаях а) и б) матрица M^i неотрицательно обратима.

Заметим, что матрица M невырождена. Действительно, предположим противное, и пусть $e \neq 0$, $Me = 0$. Тогда $M^i e = \langle x_i, e \rangle \partial f_i / \partial w_i$ и $e = \langle x_i, e \rangle (M^i)^{-1} \partial f_i / \partial w_i$. Поскольку $(M^i)^{-1} \geq 0$, $\partial f_i / \partial w_i \geq 0$, отсюда следует, что без ущерба для общности можно считать, что $e \geq 0$. Но тогда $0 = p(Me) = (pM)e = -\langle y, e \rangle < 0$. Полученное противоречие показывает, что M невырождена. Следовательно, непрерывная функция $\det M$ не меняет знак на связных компонентах области $\pi^{-1}(U^0)$, где U^0 –

множество точек области U из доказательства случая 2) теоремы 8, удовлетворяющих неравенству а).

С другой стороны, поскольку $\bar{U}^0 = \bar{U}$ и $\pi(\partial_i W) \cap \bar{U} = \{\omega | y = x_i, \alpha_k = 0, k \neq i\} \subset \partial \bar{U}$, из доказательства случая 2) теоремы 8 видно, что область $\pi^{-1}(\bar{U})$ связна, а $\det d\pi = \det M$ не обращается тождественно в нуль на $\partial \bar{U}$. Поэтому $\text{card}(\pi^{-1}(\omega)) = |\text{deg } \pi| = 1$, т.е. в ω существует единственный равновесный вектор цен. ■

Замечание. Единственность состояния равновесия в экономике с валовой заменимостью – факт привычный. Однако обычно (например, в экономике чистого обмена) это равновесие обладает важным дополнительным свойством – оно устойчиво по отношению к вальрасовскому процессу ценообразования. Выясним, насколько аналогичное утверждение справедливо в нашем случае. Пусть $E(\omega, p) = f(\omega, p) - (x - y)$ – функция избыточного спроса. Вальрасовский процесс ценообразования описывается системой обыкновенных дифференциальных уравнений $dp/dt = E(\omega, p)$. При этом нетрудно увидеть, что, в обозначениях доказательства теоремы 10, $dE/dp = -M$. Из доказательства теоремы 10 немедленно вытекает, что в случае 1) все собственные значения матрицы $-M$ имеют отрицательные вещественные части, так что, согласно критерию Ляпунова, процесс ценообразования в случае 1) локально устойчив. С другой стороны, в случае 2) мы показали, что матрица M обратима, но, поскольку $pM = -y \leq 0$ (см. (5)), M не является неотрицательно обратимой. Из теоремы Перрона–Фробениуса следует, что если $\lambda > 0$, то неотрицательная матрица $M' = \lambda \text{Id} - M$ имеет максимальное собственное значение $\mu > 0$, соответствующее собственному вектору $e \geq 0$. Поскольку M обратима, но не является неотрицательно обратимой, $\lambda < \mu$, так что $\lambda - \mu$ – отрицательное собственное значение матрицы M , соответствующее собственному вектору e . Другими словами, у матрицы dE/dp есть положительное собственное значение и процесс ценообразования неустойчив (даже локально). Этот факт можно проиллюстрировать, проследив за поведением длины вектора цен в процессе ценообразования. Имеем $d \|p\|^2 / dt = 2 \langle p, dp/dt \rangle = 2 \langle p, E(\omega, p) \rangle = 2 \langle p, y \rangle - \alpha$, так что в случае 2) большие векторы цен растут, а малые убывают (явный признак неустойчивости), в то время как в случае 1) дело обстоит как раз наоборот. Отметим также, что если для начального вектора цен p_0 выполнено соотношение Вальраса $\langle p_0, y \rangle = \alpha$, то предыдущее рассмотрение показывает, что, как и в классическом случае, норма вектора цен остается неизменной в процессе ценообразования. Однако поскольку в нашем случае для экономики общего положения существует лишь конечное число *ненормированных* векторов цен, даже при таком выборе p_0 процесс ценообразования, как правило, не сходится.

Таким образом, хотя во второй модели, используя налоговое регулирование, государство может добиться желательного для себя распределения продуктов между участниками, а в случае валовой за-

менимости при достаточно естественных предположениях соответствующее состояние равновесия единственно, обычные механизмы ценообразования в случае 2) не действуют, и в этом смысле дело обстоит даже хуже, чем в стандартных моделях рыночной экономики.

Литература

- Зак Ф.Л.** (1981): Устойчивость экономического равновесия. Методы теории экстремальных задач в экономике. М.: Наука. С. 72–106.
- Зак Ф.Л.** (2010): Механизм перепродажи централизованных ресурсов по гибким ценам: структура и устойчивость равновесий. Препринт.
- Милнор Дж., Уоллес А.** (1972): Дифференциальная топология. Начальный курс. М.: Мир.
- Никайдо Х.** (1972): Выпуклые структуры и математическая экономика. М.: Мир.
- Полтерович В.М.** (1990): Экономическое равновесие и хозяйственный механизм. М.: Наука.
- Рохлин В.А., Фукс Д.Б.** (1977): Начальный курс топологии. Геометрические главы. М.: Наука.
- Хирш М.** (1979): Дифференциальная топология. М.: Мир.
- Balasko Y.** (1975): Some Results on Uniqueness and on Stability of Equilibria in General Equilibrium Theory // *Journal Math. Econ.* 2. № 2. P. 95–118.
- Balasko Y.** (1979): Budget-Constrained Pareto-Efficient Allocations // *Journal of Econ. Theory.* Vol. 21. P. 359–379.
- Balasko Y., Shell K.** (1985): On taxation and competitive equilibria, Optimality et structures. Mélanges en hommage à Edouard Rossier / G. Ritschard et D. Royer (eds). Paris: Economica. P. 69–83.
- Balasko Y., Shell K.** (1993): Lump-Sum Taxation: the Static Economy. General Equilibrium, Growth, and Trade: the Legacy of L. McKenzie. N.Y.: Academic Press. P. 168–180.
- Besharov G.** (2003): Why Not Lump-Sum Taxation? [Электронный ресурс] Duke Economics WP 03-20. Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=444442&download=yes, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2010 г.).
- Debreu G.** (1970): Economies with a Finite Set of Equilibria // *Econometrica.* Vol. 38. P. 387–392.
- Debreu G.** (1972): Smooth Preferences // *Econometrica.* Vol. 40. P. 603–616.
- Hahn F.** (1973): On Optimum Taxation // *Journal of Econ. Theory.* Vol. 6. P. 96–106.
- Harford T.** (2006): Undercover Economist: Exposing Why the Rich Are Rich, the Poor Are Poor and Why You Can Never Buy a Decent Used Car! N.Y.: Oxford University Press.
- Mankiw N. G., Weinzierl M., Yagan D.** (2009): Optimal Taxation in Theory and Practice // *Journal of Econ. Perspectives.* Vol. 23. № 4. P. 147–174.
- Mirrlees J.** (2005): The Theory of Optimum Taxation. In: «*Handbook of Mathematical Economics*» / K. Arrow and M. Intriligator (eds). Vol. 3. Ch. 24. Amsterdam: Elsevier. P. 1197–1249.

Поступила в редакцию 4 декабря 2009 г.

F.L. Zak
CEMI RAS, Moscow

Taxation in Walrasian Economy

We consider two models of lump sum taxation in pure exchange economy in which the state imposes taxes on (or offers financial aid to) economic agents characterized by their demand functions and initial resources. In the first model the state has its own preferences and uses the collected money to enter the market and maximize its utility while in the second model it uses the taxes to acquire fixed resources necessary for its functioning. We study the existence and structure of equilibria in general economies, the possibility of using taxation to realize Pareto optimal allocations, and the role of taxation as a possible cause of inflation. Special attention is paid to economies with gross substitutability. Bibliography 18 items.

Keywords: lump sum taxation, equilibrium, pure exchange economy, regular economy, price adjustment.

Jel classification: C65, D31, D51, D61, D63, H21, H24, H31.

Исследование российской экономики

**Е.А. Артемьева,
М.С. Баландина,
П.В. Воробьев,
С.М. Кадочников,
М.А. Коновалова,
О.В. Никитина,
И.В. Останин**

Корзина роста: перспективные
экспортные отрасли
Свердловской области

А.В. Мишура

Ресурсозависимость
и качество институтов
в регионах России

Е.А. Артемьева,
М.С. Баландина,
П.В. Воробьев,
С.М. Кадочников,
М.А. Коновалова,
О.В. Никитина,
И.В. Останин¹

Корзина роста: потенциальные экспортные отрасли Свердловской области

В данной статье применена методика выявления потенциальных экспортных товаров, производимых в Свердловской области. Для каждого товара определена мера простоты, с какой область может добиться преимуществ в экспорте товара, и мера привлекательности товара для будущего экономического роста региона. В результате выделен кластер наиболее перспективных товаров для потенциального экспорта. Согласно оригинальной авторской методике определены наиболее «подходящие» для размещения новых экспортных производств города Свердловской области.

Ключевые слова: экспортная корзина, сравнительное преимущество, промышленный кластер, размещение производства.

Классификация JEL: F1, F14, O4.

1. Введение

Захлестнувший мировую экономику финансовый кризис затормозил инвестиционные процессы и привел к обвалу мировых цен на сырьевые товары, что определило значительное падение совокупного спроса в экономике России. Остро встала проблема низкой степени диверсификации российского экспорта, которая влечет за собой высокую волатильность экспортных доходов. Текущий кризис показал, что более устойчивыми экономически являются страны с высоко диверсифицированной структурой экспорта. Выход из кризиса для России и ее регионов возможен по двум сценариям: благодаря возобновлению роста мировых цен на сырьевые товары и в результате освоения экспорта новых товаров, в меньшей степени связанных с мировым циклом цен на сырье.

Структурная трансформация экспортной корзины стран мира, включающая расширение номенклатуры экспортируемых товаров, рассматривается в работах различных авторов. Одна группа исследований посвящена ответу на вопрос, «почему происходит трансформация экспортной корзины?». При этом в большей части исследований процесс изменения экспортной корзины государства рассматривается как пассивное следствие изменения внешних факторов. В работах (Argow, 1962; Bardhan, 1970) одним из таких факторов является эффект обучения в процессе производства, в работе (Jaffe, 1986) – внешние отраслевые эффекты, а в статье (Jaffe et al., 1993) – процесс перетока технологий между отраслями.

¹ УрГУ, Екатеринбург.

Другая группа исследований исходит из позиций, что структурная трансформация экспорта – процесс активный, и отвечает на вопрос, в каком направлении необходимо осуществлять трансформацию, чтобы сделать экспорт наиболее доходным и повысить показатель ВВП на душу населения в стране. Основной работой по данному направлению является статья (Hausmann et al., 2005). Изложенная в ней методика была применена различными исследователями для выявления потенциальных экспортных товаров в разных странах мира. Так, в статье (Vitolia, 2008) данная методика была применена к анализу экспортной корзины Латвии, в (Lebre, Mamede, 2008) анализируется структура экспорта Португалии, а применительно к федеральным округам РФ аналогичная методика была применена в работе (Волчкова, Козлов, 2007).

На наш взгляд, анализ потенциальных товаров для диверсификации экспортной корзины необходимо осуществлять также и на региональном уровне. При этом следует принимать в расчет как объективные предпосылки экспорта регионом конкретного товара, так и тот положительный для экономического роста эффект, который может быть связан с экспортом конкретного товара.

Цель данного исследования состоит в выявлении потенциальных товаров, которые могут расширить экспортную корзину Свердловской области, а также в определении наилучших мест размещения новых производств на территории области. Свердловская область выбрана для анализа как регион, где ярко выражены те свойства экономики России, которые оказывают существенное негативное влияние на экономику в условиях глобального кризиса. Свердловская область – регион с высокой степенью интеграции в мировую экономику, но слабой диверсификацией экспорта. Его экономика во многом зависит от мировых цен на сырьевые товары. Кроме того, на территории области находятся 33 моногорода.

Для выявления потенциальных товаров для включения в экспортную корзину Свердловской области отраслей в разд. 2 представлена модифицированная методика Хаусманна, которая позволяет классифицировать потенциальные экспортные товарные группы и сформировать наиболее доходную экспортную корзину региона. В разд. 3 приводятся результаты применения методики выделения наиболее перспективных городов области для размещения новых экспортных производств, описаны ключевые факторы территориального расположения основных отраслей.

2. Выявление потенциальных экспортных товаров Свердловской области

2.1. Методология выявления потенциальных экспортных товаров

Для оценки потенциальных товаров, которые могут расширить экспортную корзину Свердловской области, используется подход, изложенный в работе (Hausmann et al., 2005). В соответствии с этим подходом выделяется два критерия перспективности товара.

Первый критерий характеризует *привлекательность товара*. Привлекательными являются такие товары, которые в наибольшей степени способствуют будущему экономическому росту Свердловской области. В подходе Хаусманна привлекательность оценивается на основе анализа экономических показателей тех стран, которые экспортируют данный товар. Чем выше средний уровень дохода стран-экспортеров товара, тем товар более привлекателен.

Второй критерий оценивает *степень простоты*, с которой регион может освоить экспорт нового товара. Предполагается, что экспортируемые товары определенным образом связаны друг с другом в структуре экспортной корзины. Другими словами, товары находятся на разном «расстоянии» друг от друга: чем оно меньше, тем вероятнее будут экспортироваться оба товара одновременно. Расстояние определяется комплексом технологических, рыночных и институциональных факторов. Рассматривая каждый потенциальный экспортный товар, можно говорить о «расстоянии» от текущей экспортной корзины Свердловской области до этого товара. Проще всего освоить экспорт тех новых товаров, которые имеют наименьшее такое «расстояние». Р. Хаусманн предложил методику для его определения. Кратко она представлена ниже.

Для каждой страны определены товары, в экспорте которых она имеет сравнительное преимущество. Для этого использован индекс Балассы (*RCA*):

$$RCA = \frac{x_{ji} / x_i}{x_j / x}, \quad (1)$$

где x_{ji} – величина экспорта товара i страной j ; x_j – величина полного экспорта страны j (все товары); x_i – величина мирового экспорта товара i (всеми странами); x – полный мировой экспорт (все товары и все страны). Индекс показывает отношение доли экспорта определенного товара в полном экспорте конкретной страны к доле мирового экспорта того же товара во всем мировом экспорте. Страна имеет сравнительное преимущество в экспорте товара, если индекс Балассы для него больше единицы, т.е. когда доля страны на мировом рынке данного товара выше доли всего экспорта страны в общем мировом экспорте.

Далее рассчитана вероятность добавления в экспортную корзину того или иного товара при наличии в ней другого товара:

$$P_{kl} = N_{kl} / N_k, \quad (2)$$

где P_{kl} – вероятность добавления в экспортную корзину страны товара l при наличии в ней товара k ; N_{kl} – число стран, экспортирующих товары k и l одновременно; N_k – число стран, экспортирующих товар k .

На основе величин вероятности рассчитывается расстояние от текущей экспортной корзины страны до конкретного потенциального товара:

$$DISTANCE_{ij} = 1 / \left(\sum_i (P_{ij} z_{ij}) / \sum_i (P_{ij}) \right), \quad (3)$$

где $DISTANCE_{lj}$ – расстояние от экспортной корзины страны l до товара j ; P_{ij} – вероятность добавления в экспортную корзину товара j при наличии в ней товара i ; z_{ij} – индикатор сравнительного преимущества страны l по товару j ; $z_{ij} = 1$ – если страна обладает сравнительным преимуществом (индекс Балассы выше 1), $z_{ij} = 0$ – если страна не обладает сравнительным преимуществом. Знаменатель в формуле (3) соответствует вероятности появления потенциального товара j в имеющейся экспортной корзине страны l .

Формула (3) соответствует методике Хаусманна, ее особенность состоит в том, что расстояние от экспортной корзины до потенциального товара увеличивается в том случае, если в экспортной корзине нет тех товаров, которые часто встречаются вместе с потенциальным товаром в структуре экспортных корзин других стран. Мы модифицировали расчет расстояния, предположив, что на вероятность появления новых товаров в экспортной корзине влияют только те товары, которые в ней уже присутствуют. Используемая в работе модифицированная формула расчета расстояния имеет вид:

$$DISTANCE_{lj} = 1 / \left(\sum_i (P_{ij} z_{ij}) / \sum_i (z_{ij}) \right). \quad (3a)$$

Для оценки привлекательности включения нового товара в экспортную корзину P . Хаусманн предложил использовать индекс дохода $PRODY$, характеризующий средний уровень ВВП на душу населения в странах, имеющих сравнительное преимущество в экспорте товара:

$$PRODY_j = \sum_l \left((x_{lj} / x_l) Y_l / \sum_l (x_{lj} / x_l) \right), \quad (4)$$

где x_{lj} – величина экспорта товара j страной l ; x_l – величина полного экспорта страны l (все товары). Таким образом, чем большая доля приходится на экспорт того или иного товара в экспорте развитых стран, тем больший индекс $PRODY$ имеет этот товар.

Все товары, которые входят в экспортную корзину страны, обладают собственным индексом $PRODY$. Чтобы охарактеризовать экспортную корзину в целом, достаточно рассчитать средневзвешенный индекс $EXPY$ по формуле:

$$EXPY_l = \sum_j \left((x_{lj} / x_l) PRODY_j \right), \quad (5)$$

где $PRODY_j$ – индекс $PRODY$ для товара j . Чем больше индекс $EXPY$ для страны, тем выгоднее с точки зрения увеличения ВВП на душу населения те товары, которые она экспортирует.

Описанная методика применена для выявления потенциальных экспортных товаров Свердловской области.

2.2. Структура текущей экспортной корзины Свердловской области

Структура экспорта Свердловской области характеризуется высокой степенью специализации на нескольких товарных позициях. Так, в 2007 г. всего 6 товарных позиций (из 74) обеспечивают

80% экспорта области. К этой группе товаров относятся полуфабрикаты из углеродистой стали, элементы химические радиоактивные, титан и изделия из него, прокат плоский, алюминий необработанный, трубы (рис. 1).

Для оценки выявленного сравнительного преимущества по экспортным позициям Свердловской области рассчитан индекс Балассы. Наивысший индекс принадлежит железным или нелегированным стальным полуфабрикатам. Остальные сравнительные преимущества сосредоточены в продуктах металлургии (рис. 2). Неметаллургические товары, по которым Свердловская область имеет сравнительное преимущество (рис. 3), позволяют диверсифицировать экспортную корзину области и сгладить негативные эффекты снижения мировых цен на металлы. Отметим, что для большей части этих товаров характерна низкая степень переработки. Наиболее интересной товарной группой являются электрические трансформаторы и статические электрические преобразователи.

Для характеристики выгодности структуры экспортной корзины был рассчитан показатель *EXPY* – индекс дохода от экспортной корзины. Этот показатель соответствует среднему уровню дохода на душу населения в странах, которые имеют выявленное сравнительное преимущество по тем же товарам, что и Свердловская область. В 2007 г. этот показатель составлял 18 037 долл. (по паритету покупательной

Рис. 1

Структура экспорта Свердловской области в 2007 г.*

* Составлено по данным Свердловскстата: база Статрегистра, выборка по объемам экспортных и импортных операций Свердловской области.

Рис. 2

Металлургические товарные группы экспорта из Свердловской области с наивысшим индексом Балассы в 2007 г. (помимо стальных полуфабрикатов)*

*Составлено по данным Свердловскстата: база Статрегистра, выборка по объемам экспортных и импортных операций Свердловской области.

Рис. 3

Неметаллургические товарные группы экспорта из Свердловской области, с наивысшим индексом Балассы в 2007 г. (помимо стальных полуфабрикатов)*

*Составлено по данным Свердловскстата: база Статрегистра, выборка по объемам экспортных и импортных операций Свердловской области.

способности, ППС). При этом валовой региональный продукт на душу населения Свердловской области в 2007 г. составил порядка 10 тыс. долл. по ППС. Таким образом, доход от экспортной корзины области в 1,8 раза превышает ВРП на душу населения в Свердловской области. Это – положительный сигнал, поскольку в работе (Hausmann et al., 2006) показано, что превышение индекса дохода экспортной корзины над уровнем подушевого ВВП в развивающихся странах положительно

связано с будущим экономическим ростом страны. Поэтому, для того чтобы экономика в будущем показывала высокие темпы роста, необходимо, чтобы доход от экспортной корзины превышал среднедушевой доход в экономике. Для наиболее быстро растущих стран мира превышение показателя дохода от экспортной корзины над уровнем ВВП на душу населения может достигать двадцати раз².

2.3. Результаты применения методики выявления

потенциальных экспортных товаров для Свердловской области

Данные об экспорте из Свердловской области получены в Территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. Для максимально детального анализа выбрана классификация товаров по четырехзначным кодам ТН ВЭД. Данные об экспорте товаров странами мира взяты из статистической базы ООН «UN COMTRADE» (UN Comtrade, 2010). Для определения структуры экспортных корзин стран использовались четырехзначные коды товаров по классификации SITC (Standard International Trade Classification, Revision 3)³.

Результаты определения потенциальных экспортных товаров для Свердловской области представлены в виде диаграммы (рис. 4). Каждая точка диаграммы соответствует определенному потенциальному экспортному товару, он характеризуется двумя показателями: *DISTANCE* – расстояние от экспортной корзины Свердловской обла-

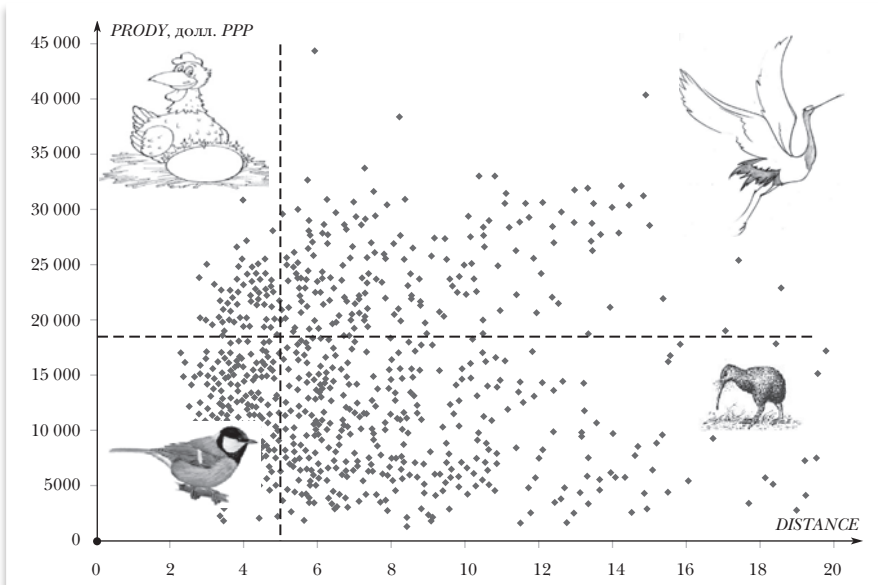

Рис. 4

Матрица для стратегического анализа потенциальных экспортных отраслей Свердловской области

² Для Китая это превышение составляет 7 раз.

³ Классификация ТН ВЭД была приведена в соответствие с SITC.

сти в 2007 г. до рассматриваемого товара, *PRODY* – индекс доходности товара. Чем выше показатель *DISTANCE*, тем сложнее освоить экспорт нового товара. Чем выше показатель *PRODY*, тем более привлекателен товар для включения в экспортную корзину.

На рис. 4 представлено 959 потенциальных экспортных товаров, они разделены на 4 группы-кластера. В качестве границы между группами по индексу доходности товаров выбрано значение 18037 долл. США (по ППС). Именно таким является индекс дохода от текущей экспортной корзины Свердловской области (индекс *EXPY*). Свердловской области важно повышать индекс дохода от экспортной корзины за счет включения более доходных товарных групп, так как чем он выше, тем выше будут темпы экономического роста региона.

Граница по критерию удаленности от экспортной корзины (показатель *DISTANCE*) была выбрана на уровне 5, который (при визуальном анализе) делит облако наблюдений на две равные части. Товарные группы, попадающие в зону значений менее 5, являются наиболее близкими к экспортной корзине и соответствуют вероятности достигать более 20% экспорта.

Таким образом, можно выделить четыре группы потенциальных экспортных товаров.

«Синицы» – товарная группа, которая расположена близко к экспортной корзине Свердловской области, но эти товары имеют низкую привлекательность с точки зрения индекса доходности ($DISTANCE < 5$, но $PRODY < 18\,037$ долл.). В кластере «синиц» представлена наиболее простая для освоения областью экспортная группа товаров. Однако это малопривлекательные товары, поскольку их вхождение в экспортную корзину не повлечет за собой повышения общего дохода корзины (показателя *EXPY*) и не приведет к ускорению экономического роста региона. К данной товарной группе относятся следующие товары: брезенты, товары для кемпингов, тесто и смеси для заготовки для продукции пекарен, крупы, резиновые шины, некоторые виды швейных изделий из текстильных тканей и др.

«Журавли» – товарная группа, которая имеет относительно высокую привлекательность по индексу дохода, но расположена «далеко» от экспортной корзины Свердловской области. Поэтому им достаточно сложно достичь сравнительного преимущества в экспорте. К данной товарной группе, в частности, относятся: часы наручные, приборы для физического и химического анализа, синтетические волокна, резисторы электрические, электродиагностические приборы, микроскопы, электронные микросхемы, швейные нити и др.

«Курочки Рябы» – потенциальная экспортная товарная группа, которая одновременно расположена «близко» к текущей корзине области и имеет более высокую доходность. Ниже параметры данной товарной группы рассматриваются более подробно.

«Птицы киви» – непривлекательная для экспортной корзины товарная группа, она также очень далеко отстоит от текущей экспорт-

ной корзины. «Птицы киви» практически не представляет интереса для дальнейшего рассмотрения. К данной группе можно отнести: ткани из синтетических штапельных волокон, линолеум и аналогичные покрытия для пола, пропан и др.

«Журавли» и «синицы» расположены на своеобразной линии риск–доходность. Развитие производства и экспорта «журавлей» представляют сверхзадачу для Свердловской области, поскольку инвестиции в развитие экспорта «журавлей» более рискованны, чем в экспорт «синиц». Однако доходность инвестиций в «журавлей» существенно выше, чем доходность инвестиций в «синиц». Поэтому мы не можем однозначно сказать, какой новый товар лучше экспортировать: из группы «синиц» или из группы «журавлей». Все зависит от того, какое соотношение риска и доходности считать приемлемым.

«Курочки Рябы» сочетают в себе только положительные стороны: они высоко привлекательны и расположены близко к текущей корзине, поэтому область может относительно просто добиться сравнительных преимуществ для этих товаров в экспорте. Таким образом, при поиске новых экспортных товаров, в первую очередь, следует рассмотреть группу «курочки Рябы», а затем можно выбирать между «синицами» и «журавлями». Группа «птиц киви» считается наименее интересной.

Рассмотрим более подробно, какие товарные группы вошли в кластер «курочки Рябы». Можно утверждать, что потенциальными направлениями развития экспорта Свердловской области являются: металлообработка, деревообработка, машиностроение, химическая промышленность, электрооборудование, строительные материалы, приборостроение, электрический ток, пищевая и легкая промышленность (рис. 5).

Среди группы «курочки Рябы» Свердловская область имеет наибольшую вероятность получить сравнительное преимущество в экспорте товаров: сборные строения из уплотненной и восстановленной древесины; обработанные алюминий и алюминиевые сплавы. Наивысший индекс дохода – у следующих потенциальных товаров: специальные изделия из текстильных материалов; бумага, картон, целлюлозная набивка; рулоны целлюлозных волокон (пропитанные; покрытые; украшенные по поверхности; в вальцах или листах); сельскохозяйственные, садоводческие, лесоводческие машины; машины для разведения птиц и пчел и запасные части для этих машин. Далее представлены отдельные отрасли в группе «курочки Рябы».

Деревообрабатывающая промышленность. Относительно высокая обеспеченность Свердловской области лесными ресурсами открывает широкие возможности получить сравнительные преимущества в экспорте продуктов деревообработки. Области несложно получить преимущество в экспорте уплотненной и восстановленной древесины, а также бумаги и картона. Наибольшая доходность – у экспорта бумаги и картона, а также газет, журналов и других периодических изданий.

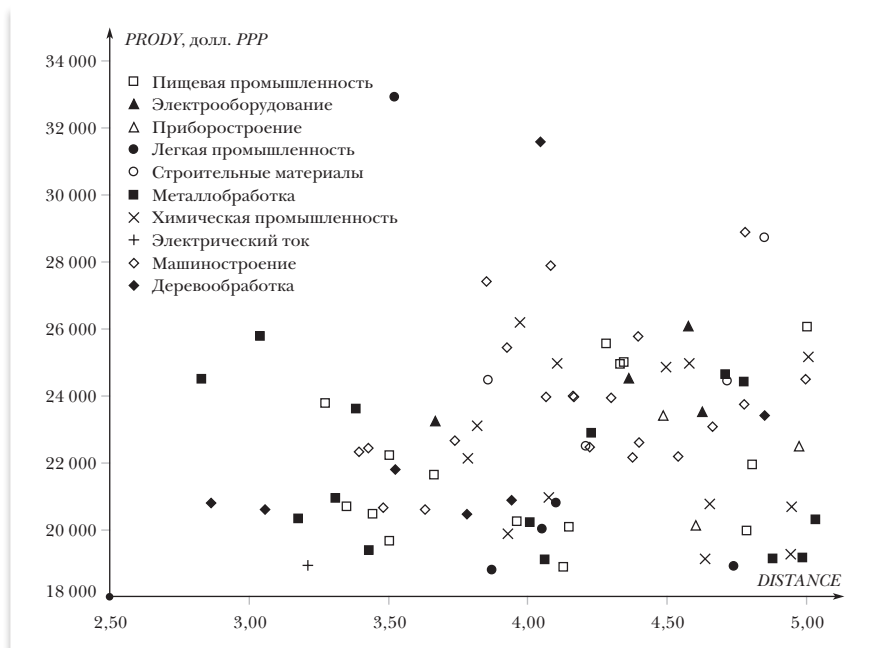

Рис. 5

Группа «курочки Рябы» – наиболее перспективные потенциальные экспортные товары Свердловской области

Металлообрабатывающая промышленность. Текущая экспортная корзина Свердловской области уже имеет сравнительные преимущества по ряду металлургических товаров (развитая производственная база металлургии, источники сырья, квалифицированная рабочая сила), что существенно упрощает получение выявленных сравнительных преимуществ по новым потенциальным группам экспортных товаров металлургии. В настоящее время Свердловская область экспортирует много продуктов металлургии с низкой степенью обработки. Новые экспортные товары из группы «курочки Рябы» отличаются более высокой степенью обработки и соответственно более высоким индексом доходности.

Из продукции металлообрабатывающей промышленности из группы «курочки Рябы» наименьшее расстояние от текущей экспортной корзины отделяет обработанные алюминий и алюминиевые сплавы; проволоку из железа и нелегированной стали; металлические резервуары, баки, цистерны. Наивысшую привлекательность по индексу доходности имеют также обработанный алюминий и алюминиевые сплавы; ножи и режущие полотна для машин и механических приспособлений; сменное оборудование для ручных и машинных инструментов; пластины, рукоятки для инструментов; ручные гаечные ключи.

Химическая промышленность. Свердловская область, обладая сравнительными преимуществами по ряду химических производств,

может освоить новые потенциальные экспортные товары. В качестве базы можно использовать работающие предприятия химической промышленности и их кадровые ресурсы. Степень обработки продуктов химии может варьировать от чрезвычайно низкой (серная кислота, удобрения) до высокой. В настоящее время Свердловская область имеет большой потенциал повышения степени переработки экспортируемых товаров химической промышленности. Поэтому необходимо сделать акцент на индексе доходности потенциальных экспортных товаров.

В химической промышленности среди потенциальных экспортных товаров лидерами по индексу доходности являются: моноволокно с поперечным измерением более 1 мм, брус, кругляк и профильные формы полимеров пластмассы; поверхностно обработанные пластмассы, прочие; фитинг из пластмассы для трубок, труб и шлангов (включая шарниры, локти и фланцы); полимеры пропилена или других олефинов в первичных формах. Лидерами товарных групп с наименьшим расстоянием от текущей экспортной корзины стали: краски, лаки и эмали; подготовленные водные пигменты; пигменты для производства красок; фольга для тиснения; краски и красители для розничной торговли; предметы из пластика; конвейерные ремни и ремни передачи из вулканизированной резины.

Машиностроение. В группе «курочки Рябы» больше всего товарных позиций приходится на долю товаров машиностроительной отрасли. Потенциально машиностроительные товары имеют высокую вероятность появиться в экспортной корзине, так как в Свердловской области развиты смежные отрасли (металлургия, электроэнергетика), имеются высококвалифицированные трудовые ресурсы, развита сеть образовательных и научных учреждений, размещены конкурентоспособные машиностроительные предприятия. В то же время преобладание товаров машиностроительной отрасли в экспортной корзине весьма привлекательно, так как развитие этой отрасли создает спрос на высококвалифицированную рабочую силу, кроме того, продукция машиностроения имеет высокую добавленную стоимость.

Из товарных позиций, относящихся к машиностроению и входящих в группу «курочки Рябы», наименьшее расстояние от текущей экспортной корзины – у преимущественно металлоемких продуктов: крепеж и арматура для железнодорожных или трамвайных путей; механическая сигнализация, аппаратура контроля безопасности и движения для железных дорог и т.п.; части железнодорожных транспортных средств; котлы из железа или стали (кроме генерирующих энергию) и радиаторы для неэлектрического центрального отопления и их части; воздухоподогреватели (не электрические); транспортные средства без механических двигателей и их части; части трейлеров.

Наивысшую привлекательность по индексу доходности получают сельскохозяйственные, садоводческие, лесоводческие машины, машины для разведения птиц и пчел и части для них; части для поднимающего

и перемещающего оборудования, подъемников, домкратов, подъемников непрерывного действия и конвейеров; части для загрузчиков, разгрузчиков; трейлеры и полуприцепы для транспортировки товаров.

Электрооборудование. У электрооборудования – надежные перспективы получить сравнительные преимущества в экспортной корзине, так как Свердловская область обладает развитыми смежными отраслями (цветная металлургия, машиностроение) и высоким внутренним спросом, связанным с необходимостью модернизации электрогенерирующих и распределительных мощностей. Однако наш анализ показал, что в группу «курочки Рябы» попадают лишь несколько товарных позиций электрооборудования: платы, панели (включая панели программного управления), консоли для электрического управления или распределения электричества; части электрического прибора для переключения или защищающих электрических цепей; электротермические приспособления; электрическое изоляционное оборудование.

Приборостроение. Приборостроение в группе «курочки Рябы» представлено небольшим числом позиций, а именно: приборы для механической терапии, аппаратура для массажа; аппаратура для тестирования психологических способностей; счетчики числа оборотов и счетчики в производстве, таксометры, шагомеры и т.д.; спидометры и тахометры (за исключением оптических инструментов); стробоскопы и их части; счетчики газа, жидкости или электричества, включая калибрующие счетчики

Легкая промышленность. В группе «курочки Рябы» находится ряд товаров легкой промышленности. Конкурентное преимущество Свердловской области по этим товарам может определяться относительно низкой стоимостью рабочей силы (по сравнению со странами Европейского союза). Специальные изделия из текстильных материалов расположены наиболее близко к текущей экспортной корзине области, при этом они имеют и наивысший индекс доходности (среди товаров легкой промышленности).

Строительные материалы. Область также может добиться сравнительных преимуществ в экспорте по ряду новых позиций строительных материалов. Это связано, прежде всего, с наличием на территории области источников природного сырья. Ближе всего к текущей экспортной корзине – флот-стекло (float-glass) и заgroundованное и полированное стекло в листах.

Пищевая промышленность. В группу «курочки Рябы» для Свердловской области вошло достаточно большое число продуктов пищевой промышленности. Данный результат расходится со сложившимся образом области как индустриального центра. Выяснилось, что в непосредственной близости от текущей экспортной корзины находятся такие товарные группы, как: молоко и сливки, сконцентрированные или подслащенные; приготовленные продукты, содержащие какао.

2.4. Ограничения на использование результатов анализа

Анализ товарной структуры экспорта Свердловской области не включает товары, которые область вывозит в другие регионы России, что создает потенциальную угрозу смещения результатов анализа. Однако при допущении либерального режима внешней торговли это не должно существенно повлиять на выводы относительно потенциальных отраслей для специализации Свердловской области. Если Свердловская область получит сравнительное преимущество на мировом рынке, то и внутри России она также будет им обладать. При этом обратное не верно, т.е. сравнительное преимущество области относительно других регионов России не гарантирует ей преимущества в мире, так как на внутреннем рынке России область не сможет выдержать конкуренции с импортом, если только его специально не ограничивать средствами протекционистской политики.

Результаты, полученные на основе анализа экспорта–импорта, применимы для выделения потенциальных экспортных отраслей только в случае отсутствия значительных искажений, вызванных поведением протекционистской политики или другими причинами. Для более точных оценок целесообразно использовать также данные по межрегиональной торговле. Протекционистская политика напрямую влияет на торговые потоки по внешней торговле и в меньшей степени (только косвенно) затрагивает потоки по межрегиональной торговле. Поэтому в общем случае анализ, осуществленный на основе данных как для внешней, так и для межрегиональной торговли, позволяет получить более точные оценки сравнительных преимуществ региона.

Рассмотрим гипотетическую ситуацию, когда в других странах действуют антидемпинговые пошлины на продукцию рассматриваемого региона, что приводит к занижению объемов его экспорта и увеличивает объем вывоза в другие регионы страны. В этом случае, анализ только международной торговли может недооценить потенциал экспорта тех товаров, которые «связаны» высокими вероятностями с теми товарами, против которых есть барьеры за рубежом. В то же время, анализ только межрегиональной торговли даст противоположный результат – завышенные потенциальные сравнительные преимущества.

Россия может иметь торговые препятствия импорту. Это приводит к тому, что в структуре импорта области эти товары представлены слабо, а в структуре ввоза из других регионов страны их, наоборот, чрезвычайно много. В этом случае, анализ импорта и экспорта может «зависить» вероятности экспорта товаров, «связанных» с товарами, против которых существуют барьеры в России. Это становится проблемой в том случае, если в перспективе ожидается отмена таких барьеров. Если такого не произойдет, то выводы на основе анализа экспорта и импорта являются достоверными.

Наиболее точные (несмещенные) результаты могут быть получены при использовании информации как для внешней, так и для

межрегиональной торговли. Поскольку достоверная статистика по межрегиональной торговле в России отсутствует, то мы ограничиваемся анализом только экспортных и импортных потоков.

Транспортные издержки также влияют на результаты – выводы будут аналогичными влиянию внешнеторговой политики.

Резюмируя, можно сказать, что выводы, полученные в данной работе, справедливы при допущении неизменных условий торговли (протекционизм, транспортные издержки).

3. Выбор мест размещения производств новых экспортных товаров

В разд. 2 были выделены потенциальные экспортные товарные позиции Свердловской области, однако, помимо ответа на вопрос, «что производить?», необходимо также ответить и на вопрос, «где производить?». В данном разделе приведены результаты применения разработанной авторами методики определения места размещения новых производств для Свердловской области. Полученные результаты не являются окончательными, но представляют интерес для дальнейшего обсуждения.

Исследование построено на предположении существования положительных внешних эффектов (синергии) от совместного расположения производств из разных отраслей в одном и том же городе. Для различных пар отраслей эти эффекты могут быть разными. В анализе конкретного города в качестве потенциальных новых производств можно предложить такие, которые имеют наибольший синергетический эффект с уже существующими в городе производствами.

Для оценки степени пространственной синергии между отраслями можно использовать некоторый образец пространственного расположения производств, в котором эти положительные эффекты уже учтены. В качестве такого образца можно рассматривать развитые страны Европейского союза или США. Имея данные о наличии тех или иных производств в городах развитых стран мира, можно посчитать число случаев одновременного расположения двух определенных отраслей в одном и том же городе. Чем оно больше, тем больше синергетический эффект от совместного расположения двух отраслей. Такой вывод можно сделать, исходя из предположения, что фирмы в развитых странах при выборе местоположения производств принимают в расчет возможные положительные внешние эффекты от других отраслей.

В качестве «образца» пространственного расположения отраслей в данной работе выбрана Федеративная Республика Германия. Информация о размещении производств получена из базы European Cluster Observatory (проект «Cluster Mapping Database»). Суть примененного в данном разделе подхода очень близка к тому, как определялось расстояние между экспортной корзиной и отдельными товарами в методике Хаусманна. Были рассчитаны вероятности совместного расположения двух промышленных кластеров в одном и том же городе

ФРГ. Затем для каждого крупного города Свердловской области описаны уже имеющиеся в нем отрасли промышленности. Затем, используя вероятности совместного расположения отраслей, была рассчитана средняя вероятность размещения конкретной отрасли в данном городе (при условии, что город уже имеет определенные отрасли). Эта вероятность рассматривалась в качестве основного критерия привлекательности города для размещения производства данной отрасли. Чем выше данная вероятность, тем выше должен быть синергетический эффект от развития данной отрасли в конкретном городе.

В результате применения данной методики были получены оценки того, в какой мере может быть выражен синергетический эффект размещения новых экспортных производств в основных городах Свердловской области.

Предположим, что отрасли могут оказывать только положительное влияние друг на друга. Тогда первые места по привлекательности производств практически для всех отраслей занимают крупные города с диверсифицированной отраслевой структурой. Екатеринбург – абсолютный лидер по привлекательности для всех отраслей (кроме текстильной). На втором месте практически по всем отраслям (кроме строительных материалов и текстильной отрасли) стоит Нижний Тагил, на третьей позиции (в зависимости от отрасли) – Каменск-Уральский, Первоуральск, Богданович, Серов.

На рис. 6 графически представлена вероятность размещения в них (+предприятий) рассматриваемых отраслей группы «курочки Рябы» наиболее крупных городов Свердловской области. Показатель «вероятность» соответствует той степени, в которой город подходит для размещения в нем предприятия данной отрасли с целью получения синергетического эффекта.

Ниже приводится интерпретация результатов расчета вероятностей размещения новых экспортных отраслей в городах области на основе анализа размещения промышленных кластеров в ФРГ.

Металлургическая промышленность. Как правило, металлургические производства размещаются вблизи источников сырья. Также большое значение имеет удобство транспортировки продукции (т.е. наличие железнодорожной инфраструктуры). Поскольку производство является энергоемким, то положительное влияние на развитие металлургической промышленности оказывает близкое расположение энергетических мощностей и отраслей-потребителей (производство строительных конструкций, фурнитуры, тяжелого машиностроения). Поскольку на металлургических предприятиях преимущественно используется мужской труд, то для гендерной сбалансированности рынка труда городу необходимы производства, интенсивно использующие женский труд, – предприятия текстильной и легкой промышленности.

Легкая промышленность. Легкая промышленность выигрывает от близкого расположения предприятий текстильной отрасли, что

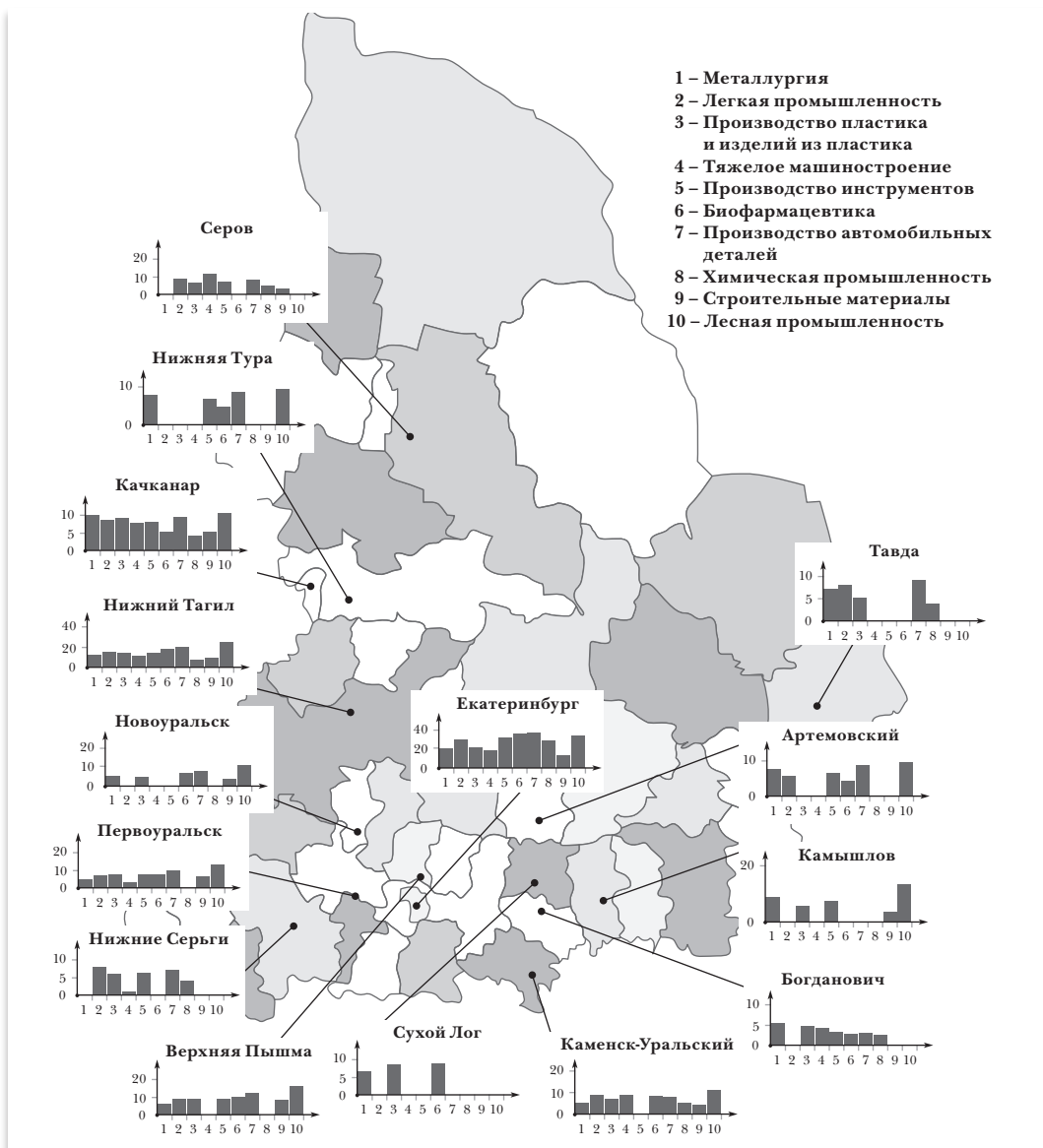

Рис. 6

Вероятность размещения новых производств в городах Свердловской области, в %

объясняется смежными технологическими цепочками. Для нее также значимо расположение в городе кластеров металлургии, производства пластика, машиностроения, что связано с возможностью взаимного дополнения мужского труда в этих отраслях женским трудом в легкой промышленности. Достаточно плотная связь обнаруживается между совместным размещением предприятий легкой промышленности и учреждений медицины, что может являться следствием преобладания работников женского пола в обеих отраслях.

Производство пластмасс. Производство пластмасс, как правило, размещается совместно с пищевым, медицинским, строительным и транспортным кластерами, что объясняется спросом на упаковку товаров, выпускаемых данными предприятиями. Сильные производственные связи делают выгодным совместное размещение производства пластика и предприятий химической промышленности.

Тяжелое машиностроение. Тяжелое машиностроение технологически взаимосвязано с металлургическим производством. Также оно зачастую соседствует с автостроением и производством инструментов, что вполне согласуется с тем фактом, что отрасли не только имеют технологические связи, но и предъявляют общий спрос на специализированную рабочую силу. Высока вероятность встретить машиностроительный кластер в одном городе с транспортным. В этом случае машиностроение выигрывает за счет удобства транспортировки продукции.

Производство инструментов. Данное производство тяготеет к городам с металлургией, энергетикой, автостроением. Здесь важны межотраслевые производственные связи, причем как горизонтальные, так и вертикальные.

Биофармацевтика. Биофармацевтика нуждается в разнообразной внешней среде, поддерживающей распространение идей и инноваций. Поэтому у Екатеринбурга достаточно выражена привлекательность для размещения предприятий именно этой отрасли. Среди наиболее важных отраслей с точки зрения кластерных взаимодействий можно выделить медицинскую и химическую промышленности, а также сельское хозяйство.

Автостроение. Автостроение имеет выраженные кластерные связи с металлургией, тяжелым машиностроением, что является следствием как производственной кооперации между отраслями, так и общим спросом на специализированную рабочую силу и инфраструктуру.

Химическая промышленность. Химическая промышленность соседствует с биофармацевтикой, сельским хозяйством, нефтегазовыми кластерами и кластерами медицинского обслуживания, что можно объяснить с позиций восходящих и нисходящих производственных связей между данными отраслями.

Строительные материалы. Кластеры строительных материалов располагаются совместно с металлургией, строительством, что объясняется смежностью технологических цепочек. Также существует взаимосвязь между строительными материалами и ювелирной промышленностью, так как для данных отраслей имеется некоторая общность используемых природных ресурсов. Помимо этого существует взаимосвязь с текстильной промышленностью, что обусловлено необходимостью решения проблемы гендерной несбалансированности рынка труда.

Лесная промышленность. Лесная промышленность показала незначительные кластерные взаимосвязи с другими отраслями промышленности. Можно отметить ее связи только с сельским хозяйством (на основе общности ресурсов) и издательской деятельностью (на основе

вертикальных производственных связей). Таким образом, кластерное взаимодействие с другими отраслями не является ключевым фактором для размещения предприятий лесной промышленности, более значимо наличие лесных ресурсов.

4. Ограничения на использование результатов

Результаты могут быть использованы в той мере, в какой они не противоречат институциональным факторам размещения производств. Институты стран Европейского союза серьезно отличаются от российских, поэтому перенос моделей размещения производств из Европы в Россию не может быть прямым. Однако стоит заметить, что если институты одинаково влияют на все отрасли экономики, то анализ обладает достаточно большой достоверностью, так как он показывает возможности взаимного дополнения отраслей в одном городе.

Если же институты благоприятствуют одним отраслям в большей степени, чем другим, то анализ может содержать и неверные выводы. В этом случае к нему стоит относиться как к некоторой идеальной модели, которая может быть использована в России в случае эволюции наших институтов в сторону европейских.

Большое значение также имеет развитие соответствующих секторов услуг и наличие рынков факторов производства для развития отдельных отраслей в отдельных регионах. Фактор развитости секторов услуг в анализе учтен, так как сектора услуг присутствуют в выборке анализируемых отраслей. Наличие рынков факторов производства в значительной степени зависит от развития других отраслей в городе, что в анализе также учитывается.

5. Заключение

В ходе анализа выявлены потенциальные товарные позиции для включения в экспортную корзину Свердловской области и развития их сравнительных преимуществ. Данные товары, во-первых, находятся в непосредственной близости от существующей экспортной корзины, т.е. по совокупности технологических, рыночных, институциональных факторов Свердловской области проще всего добиться сравнительного преимущества именно по этим товарам. Во-вторых, выделенные товары отличаются более высоким индексом доходности, чем текущая экспортная корзина области, т.е. включение этих товаров в круг сравнительных преимуществ области приведет к ускорению темпов экономического роста.

В ходе исследования выяснилось, что найденные потенциальные товары действительно не являются недостижимыми для Свердловской области – добиться по ним сравнительного экспортного преимущества вполне реально. То, что это не сделано до сих пор, можно объяснить чрезмерно благоприятной внешней конъюнктурой, которая позволяла предприятиям получать высокие доходы и не рассматривать пути их вывода на новый уровень развития. В настоящее

время внешняя конъюнктура неблагоприятная, что служит мощным стимулом поиска новых экспортных товаров.

Выделенные товары не следует рассматривать как единственно верное направление развития. Результаты приносят новые идеи, которые должны на равных конкурировать с альтернативными проектами. В конечном итоге, на рынке произойдет естественный отсев проектов. Чрезмерное же вмешательство государства в форме определения отраслевых приоритетов может привести к порождению неконкурентоспособных производств. Вместе с тем разумная государственная политика является необходимой.

Новые производства создаются по трем направлениям: модернизация действующих крупных предприятий, организация малых предприятий, создание совместных предприятий с иностранными партнерами. Для каждого направления требуется соответствующая государственная политика.

В отношении работы с крупным бизнесом государству следует сделать акцент на качественную подготовку специалистов, востребованных в производстве новых экспортных товаров. Крупный бизнес также нуждается в понятной стратегии по обеспечению новых экспортных производств инфраструктурой. В отношении малого бизнеса необходимо идти по пути снижения административных барьеров и развития специализированных услуг для бизнеса (маркетинговых, финансовых, научно-технических).

Для привлечения в регион иностранных инвесторов можно рекомендовать сделать акцент на представлении промышленного потенциала области за рубежом, организации деловых контактов между свердловским бизнесом и иностранными инвесторами.

Литература

- Волчкова Н., Козлов К.** (2007): Потенциальные направления развития экспорта федеральных округов Российской Федерации на основе анализа сравнительных преимуществ. Построение прогнозов экспорта и импорта федеральных округов Российской Федерации до 2020 года. М.: Центр экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР).
- Данные по промышленным кластерам в Европе (2010): [Электронный ресурс] База «European Cluster Observatory». Режим доступа: <http://www.clusterobservatory.eu/index.php?id=2&nid>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010).
- Ясин Е., Юдаева К.** (2008): Стратегия–2050: справится ли Россия с вызовами глобализации? // *Вопросы экономики*. № 5. С.4–21.
- Arrow K.** (1962): The Economic Implications of Learning by Doing // *Rev. of Econ. Studies*. Vol. 29(3). P. 155–173.
- Bardhan, Pranab K., Lewis, Sydney,** 1970. Models of Growth with Imported Inputs. *Economica*, London School of Economics and Political Science. Vol. 37(148). P. 373-85. November.
- Hausmann R., Klinger B.** (2006): Structural Transformations and Patterns of Comparative Advantage in the Product Space. CID Working paper № 128. Режим

доступа: <http://cdi.mecon.gov.ar/biblio/doc/bid/sp/853.pdf>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010).

- Hausmann R., Hwang J., Rodrik D.** (2005): What Your Export Matters. CID Working paper № 128. Режим доступа: http://paginaspersonales.deusto.es/aminondo/Materiales_web/Hausmann_Hwang_Rodrik_What_you_exports_matter_2006.pdf, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010).
- Jaffe A.** (1986): Technological Opportunity and Spillovers of R&D: Evidence from Firm's Patents, Profits, and Market Value // *American Econ. Rev.* Vol. 76(5). P. 984–1001.
- Jaffe A., Trajtenberg M., Henderson R.** (1993): Geographic Localization of Knowledge Spillovers as Evidenced by Patent Citations // *The Quarterly Journal of Econ.* Vol. 108(3). P. 577–598.
- Lebre de Freitas M., Mamede R.P.** (2008): Structural Transformation and the Role of Foreign Direct Investment in Portugal: a Descriptive Analysis for the Period 1990–2005. GEE Papers 0009. Режим доступа: http://globelics2009dakar.merit.unu.edu/papers/1238405945_RM.pdf, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010).
- UN Comtrade (2010): [Электронный ресурс] Данные по объемам международной торговли. Режим доступа: <http://comtrade.un.org>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010).
- Vitolia K., Davidsons G.** (2008) Structural Transformation of Exports in a Product Space Model. Latvijas Banka Working paper № 4. - Режим доступа: http://www.bank.lv/images/img_lb/izdevumi/english/citas/wp_2008-4_vitola-davids.pdf, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010).

Поступила в редакцию 18 декабря 2009 г.

Artemyeva E.A.,
Balandina M.S.,
Vorobyev P.V.,
Kadochnikov S.M.,
Konovalova M.A.,
Nikitina O.V.,
Ostanin I.V.¹

Basket of Growth: New Export Industries in Sverdlovsk Region

The authors examine an export basket and reveal the new export goods for Sverdlovsk region, which might be used to transform the productive structure and upgrade export of the region. For each product, in which the region might develop its comparative advantage, the authors develop a measure of efforts, which are supposed to be made to include this good into the export basket, and a measure of the income level for the product. As a result the authors get a cluster of new and the most attractive export goods. Special methodology is used to choose the best cities to allocate the production of the new export goods.

Keywords: export goods, comparative advantages, industrial cluster, production allocation.

JEL classification: F1, F14, O4.

¹ USU, Ekaterinburg.

А.В. Мишура

Новосибирский государственный университет,
ИЭОПП СоРАН, Новосибирск

Ресурсозависимость и качество институтов в регионах России

В статье получены статистические подтверждения тому, что некоторые механизмы распространения «ресурсного проклятия» действуют в России на региональном уровне. Доходы от экспорта энергоресурсов и безвозмездные федеральные трансферты способствуют увеличению численности бюрократического аппарата в регионах, искажению поведения региональной элиты, а также влияют на уровень бедности и неравенства в регионах России.

Ключевые слова: **ресурсозависимость, качество институтов, «ресурсное проклятие».**

Классификация JEL: C21, O13, O43.

1. Введение

«Ресурсным проклятием» в экономической науке принято называть эмпирическую закономерность, когда экономика богатых ресурсами стран в среднем растет медленнее, чем более бедные ресурсами экономики. Широкая трактовка «ресурсного проклятия» предполагает, что аналогичным образом на развитие экономики влияет также получение финансовой помощи извне. Как обладание дополнительными ресурсами может замедлять развитие страны? Дело в том, что разнообразные косвенные эффекты, связанные с ресурсным богатством, могут негативно воздействовать и полностью нейтрализовать прямое положительное влияние дополнительного благосостояния.

Термин «ресурсное проклятие» впервые ввел Р. Аути для объяснения падения уровня жизни в странах-экспортерах нефти в 1970–1980-е годы (Auty, 2001). На факт более медленного развития богатых ресурсами стран впервые обратили внимание Дж. Сакс и Э. Уорнер в своих межстрановых исследованиях (Sachs, Warner, 1995, 1997, 1999, 2001). Вслед за этими работами возник поток публикаций как подтверждающих и объясняющих отрицательную связь между ресурсным богатством и экономическим развитием, так и подвергающих сомнению эту зависимость. Выявляются и исследуются каналы влияния природных ресурсов на экономический рост, основными из которых являются механизмы «голландской болезни» и факторы, связывающие качество институтов, обеспеченность ресурсами с экономическим ростом (например, (Gylfason, 2001; Gylfason, Zoega, 2002; Isham, Woolcock, Pritchett, Busby, 2003; Mehlum, Moene, Torvik, 2005; Papyrakis, Gerlagh, 2004)).

Вопрос о том, подвержена ли Россия «ресурсному проклятию», также привлекает внимание исследователей. Наблюдаются ли в нашей стране симптомы «голландской болезни»? Большинство авторов утверж-

дают, что эти симптомы незаметны (Гуриев, Сонин, 2008; Полтерович, Попов, Тонис, 2007). В то же время в России наблюдаются признаки «ресурсного проклятия», воздействующие на институциональное развитие страны (Гуриев, Егоров, Сонин, 2007; Заостровцев, 2008; Щербак, 2008). Однако неясно, в какой мере институциональные проблемы России связаны именно с ресурсным богатством (Tompson, 2006).

Ответ на вопрос о «ресурсном проклятии» в России затруднен тем, что, помимо ресурсного фактора, на развитие экономики страны влияет и множество других, вызванных длительным существованием командно-административной системы, ее крахом и особенностями последующего переходного периода. Хорошо известно, что ресурсное богатство России сыграло во всех этих процессах далеко не последнюю роль. Однако эта роль вряд ли полностью описывается теориями «ресурсного проклятия», хотя и не противоречит им, а по некоторым параметрам вполне согласуется. Например, ресурсы обеспечили длительное существование плановой экономики, что в дальнейшем привело к драматическому экономическому спаду и болезненной трансформации. Поэтому иногда указывают на негативное влияние природного богатства на развитие России в долгосрочном плане. Если рассматривать период, когда в нашей стране стала утверждаться экономика преимущественно рыночного типа и начался экономический рост, то можно ли сказать, что негативное влияние природных богатств в каком-то виде по-прежнему имеет место?

Большинство исследований в этой области опирается на межстрановую статистику, поскольку каналы реализации «проклятия» действуют на уровне стран. Однако если феномен «ресурсного проклятия» существует, то какие-то его элементы могут быть заметными и при межрегиональных сравнениях внутри одной страны. В работе Р. Папиракиса и Е. Герлаха показано, что «проклятие» может действовать и на субнациональном уровне – в США темпы роста экономики отдельных штатов отрицательно связаны с ресурсным богатством штатов (Papirakis, Gerlagh, 2007). В недавней работе Г. Кори увязаны институциональные особенности, изобилие ресурсов и темпы роста экономики штатов (Corey, 2009).

В настоящей работе на основе данных по регионам России предпринята попытка увидеть те стороны «проклятия», которые в какой-то мере реализуются на региональном уровне. Используются материалы Федеральной службы государственной статистики и базы данных «Российская электоральная статистика».

2. Способы измерения ресурсного изобилия

В литературе предлагаются разные способы оценки ресурсобеспеченности. Обычно это показатели экспорта, добычи или запасов ресурсов, отнесенные к численности населения или размеру экономики. Эти три ряда показателей имеют различные свойства с точки

зрения выявления связи между ресурсным богатством и развитием экономики, а их использование в пространственных регрессиях часто приводит к разным результатам (Brunnschweiler, Bulte, 2008; Полтерович, Попов, Тонис, 2007). Так, указывается, что показатели добычи, а особенно экспорта ресурсов, отнесенные к размеру экономики, отражают зависимость экономики от ресурсного сектора вследствие недоразвитости других секторов и, таким образом, являются эндогенными переменными. Тем не менее именно эти показатели ресурсозависимости использовались во многих исследованиях, начиная с пионерской работы Дж. Сакса и Э. Уорнера. Обычно обнаруживается отрицательная связь между ресурсозависимостью и экономическими результатами. Запасы или добыча ресурсов, отнесенные на душу населения, часто называют показателями ресурсообеспеченности. Их использование в перекрестном анализе зачастую выявляет незначимую или положительную связь с экономическим развитием. Хотя переменные ресурсообеспеченности предположительно экзогенны, данные о запасах гораздо менее надежны и сопоставимы. К тому же показатели обеспеченности ресурсами на душу населения не всегда отражают относительную роль ресурсного фактора в экономике, хотя многие авторы утверждают, что именно существенная доля ресурсных доходов в экономике, особенно от их экспорта, а главное – неудачное использование этих доходов, вызывают явления «проклятия». Сами же природные богатства положительно влияют на экономическое развитие (например, (Brunnschweiler, 2008)).

Исходя из имеющейся российской статистики, мы проанализировали следующие показатели: доля добывающих производств в ВРП региона, объем добычи на душу населения, отношение экспорта топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) к ВРП региона (по ППС), объем экспорта ТЭР на душу населения. Оказалось, что осмысленные и значимые результаты дают показатели экспорта ТЭР, а не показатели добычи ресурсов. Причем в соответствии с показателями экспорта ТЭР ресурсозависимыми оказались регионы, не только добывающие ТЭР на своей территории, но и реэкспортирующие их из других регионов и получающие тем не менее валютную выручку (Москва, Ленинградская и Омская области и некоторые другие). Хотя собственно природное богатство региона лучше отражают показатели добычи ресурсов, подтверждается мнение, что именно валютные поступления от экспорта точечных ресурсов (каковыми и являются ТЭР), а не ресурсы сами по себе, во многом влияют на развитие «проклятых» экономик. Коэффициент корреляции между показателями отношения экспорта ТЭР к ВРП региона и объема экспорта ТЭР на душу населения в 2000–2007 гг. равен 0,72, в большинстве перекрестных регрессий они дают похожий результат.

Другой вопрос, стоит ли измерять ресурсозависимость в предшествующие изучаемому периоду годы или непосредственно в самом периоде. Обычно в работах по «ресурсному проклятию» использует-

ся первый вариант, предположительно (но не наверняка) позволяющий считать переменную ресурсного изобилия экзогенной. Второй вариант, хотя и может привести к проблеме эндогенности ресурсной переменной, позволяет учесть роль ресурсов и валютных поступлений именно в изучаемом периоде, учитывая, что величина валютных поступлений может со временем испытывать значительные колебания. Экспортная выручка от продажи ТЭР в части российских регионов год от года нестабильна, поэтому мы используем второй вариант.

Дополнительным каналом распространения «проклятия» в России может быть безвозмездная финансовая помощь федерального центра субъектам федерации, и не только потому, что источником доходов федерального центра, а значит, и этих поступлений, является в значительной мере экспорт ТЭР. Безвозмездно получаемые поступления могут влиять на поведение экономических агентов аналогично рентным доходам, поскольку также не связаны с эффективностью их экономической деятельности. В качестве показателей зависимости от федеральных трансфертов мы используем объемы безвозмездных поступлений в бюджеты субъектов федерации, отнесенные к ВРП регионов или на душу населения.

3. Ресурсное изобилие и качество институтов

Чаще всего в работах по «ресурсному проклятию» авторы стремятся найти зависимость между средними темпами экономического роста стран или регионов за определенный период и их ресурсным богатством, а также переменными, которые традиционно включаются в подобные регрессии роста – исходным уровнем развития экономики, образованием, инвестициями, институциональными переменными. Для решения подобной задачи требуется принять предположение о достижении странами стационарных траекторий развития и располагать статистическими данными за длительные периоды. Эти условия вряд ли выполняются при изучении российской экономики. В 2000-е годы стоимость энергоресурсов росла во всем мире, наша страна наращивала их экспорт, что вело к заметному росту производства добавленной стоимости. На основе этих краткосрочных тенденций вряд ли можно делать выводы о долгосрочном влиянии ресурсного фактора на развитие страны.

Согласно работам, объясняющим феномен «ресурсного проклятия», поступления рентных доходов могут приводить к так называемой погоне за рентой, что ведет к коррупции, раздуванию государственного аппарата, росту государственного сектора, неравенству, искажениям в сфере экономики и политики и в целом ухудшает качество институтов. В какой мере все это можно отнести к России?

В работе У. Томпсона (Tompson, 2006) отмечается, что Россию часто приводят как пример государства, страдающего от ряда политэкономических патологий, которые традиционно ассоциируются с сырьевой экономикой. Однако есть основания утверждать, что Рос-

сия вообще предрасположена к проблемам такого рода и страдала бы от них, даже если бы не обладала природными богатствами.

«Погоня за рентой» характерна для экономики с неустойчивыми институтами и слабыми правами собственности, причем непродуктивное поведение не обязательно возникает вокруг природных ресурсов – оно может возникать абсолютно в любых сферах, что в России фактически и происходило. Коррупция свойственна России не в большей мере, чем другим странам с переходной экономикой, не обладающим изобильными ресурсами. Низкая политическая подотчетность вследствие слабости налоговой системы и получения налоговых доходов в основном за счет природной ренты не свойственна России, поскольку налоговая система страны в переходный период последовательно укреплялась.

Наблюдается рост прямого государственного контроля над ресурсами. Это является проблемой вследствие непрозрачности и неэффективности государственной собственности и государственного распределения ресурсной ренты. Наблюдается тенденция использования рентных доходов для обогащения и укрепления положения элиты общества, противодействия изменениям. Эта тенденция тормозит развитие гражданского общества и благоприятных для экономического роста институтов.

Использование ренты лидерами государства для усиления собственной власти может привести к политически мотивированной экспансии бюрократии. По данным Росстата, органы государственной власти и местного самоуправления – это работники органов законодательной, исполнительной и судебной власти всех уровней (без органов МВД и Минобороны). В период с 1994 г. их численность заметно увеличилась (более чем в 1,5 раза), и большая часть роста их числа приходится на чиновников регионального уровня. Факт увеличения числа государственных служащих не обязательно является негативным симптомом, особенно учитывая, что относительная численность чиновников в России все еще относительно невелика по сравнению со многими развитыми странами. Суть вопроса в эффективности деятельности растущего числа государственных служащих: насколько экспансия бюрократии вызвана совершенствованием государственных механизмов, а насколько – мотивами укрепления положения лидеров и распределением ренты.

У. Томпсон отмечает, что «рост числа чиновников на региональном уровне во многом обусловлен желанием региональных властей получать больше субсидий из федерального центра». В то же время в некоторых ресурсобеспеченных регионах наблюдался более интенсивный рост численности чиновников, чем в среднем по стране (например, Тюменская область, Республика Ингушетия).

Были построены регрессии, связывающие рост численности госслужащих с показателями экспорта энергоресурсов и федеральных

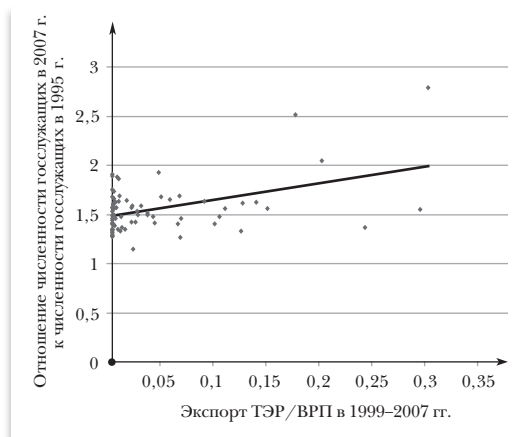

Рис. 1

Рост численности госслужащих и ресурсозависимость для 79 регионов России (без Чечни)

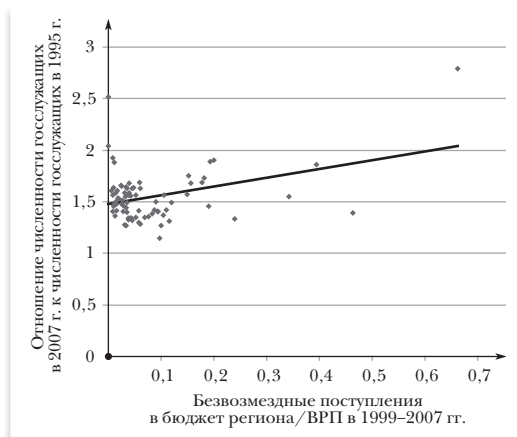

Рис. 2

Рост численности госслужащих и зависимость от федеральных трансфертов для 79 регионов России (без Чечни)

трансфертов (рис. 1, 2). Численность чиновников на территории региона зависит от ее административного деления, численности населения и других особенностей конкретной территории. Поэтому мы рассматривали показатель роста численности работников органов государственной власти и местного самоуправления за период 1995–2007 гг. как отношение их численности в 2007 г. к численности в 1995 г. Рост числа государственных служащих может быть связан с ростом численности населения, поэтому мы включили в расчеты переменную темпов роста населения. Мы также включили фиктивные переменные для Москвы и Санкт-Петербурга. Был произведен контроль за темпами роста душевого ВРП, экспорта ТЭР, уровня преступности, а также плотностью населения и климатом, но эти переменные оказались незначимыми.

Поскольку модели, оцененные ординарным методом наименьших квадратов, продемонстрировали плохие результаты тестов на гетероскедастичность, были выполнены оценки с использованием ковариационной матрицы в форме Уайта.

Помимо фиктивных переменных для Москвы и Санкт-Петербурга экспорт энергоресурсов и федеральные трансферты на душу населения значимо и положительно влияют на рост численности чиновников (табл. 1, столбец 1). Причем показатели экспорта ТЭР и трансфертов на душу населения больше влияют на зависимую переменную, чем отношение экспорта ТЭР и трансфертов к ВРП, что вполне объяснимо, – ведь объемы ренты в большей степени стимулируют рост бюрократии, чем ее относительный размер. Возникает вопрос, возможно ли, что наличие любых существенных источников дохода в регионе способствует росту численности чиновников. Переменная уровня ВРП успешно заменяет в регрессиях переменную экспорта

Таблица 1

Зависимость роста численности чиновников от ресурсного фактора и федеральных трансфертов

Показатели	Зависимая переменная: отношение численности работников органов государственной власти и местного самоуправления в 2007 г. к их численности в 1995 г.					
	1	2	3	4	5	6
Реальный ВРП на душу населения в 1999–2007 гг.		0,004** (2,3)		0,003 (1,3)		0,007* (1,85)
Экспорт ТЭР на душу населения в 1999–2007 гг.	0,005** (2,35)		0,005*** (3,3)		0,66 (1,1)	
Объем безвозмездных поступлений в бюджеты регионов на душу населения в 1999–2007 гг.	0,01** (2,02)	0,007 (1,35)	0,009*** (3,1)	0,008* (1,95)	0,05*** (3,8)	0,04 (1,96)*
По Москве	0,6*** (7,4)	0,6*** (8,5)	0,5*** (9,7)	0,6*** (7,7)		
В Санкт-Петербурге	0,4*** (21)	0,35*** (13)	0,4*** (15)	0,36*** (10,2)		
Отношение численности населения в 2007 г. к численности в 1995 г.	1,2*** (4,65)	1,3*** (5,7)	1,4*** (16,8)	1,5*** (16,1)	0,44 (0,88)	0,87* (1,8)
Константа	0,36 (1,46)	0,18 (0,8)	0,15 (1,7)	0,04 (0,3)	1 (2,2)	0,53 (1,13)
R ²	0,59	0,60	0,79	0,77	0,21	0,23
Число наблюдений	79 регионов (исключена Чеченская Республика)		39 регионов с большим объемом экспорта ТЭР на душу населения		40 регионов с меньшим объемом экспорта ТЭР на душу населения	

Примечание: в скобках указаны значения *t*-статистики (для оценок Уайта); «*» помечены коэффициенты при переменных, статистически значимые на уровне 1, «**» – 5 и «***» – 10%.

ресурсов, поскольку они коррелированы (табл. 1, столбец 2). В данном случае трудно сказать, насколько этот рост обоснован реальными потребностями регулирования, а насколько – мотивами извлечения ренты. Однако факт, что темп роста численности чиновников связан с показателями уровня доходов и экспорта, а не темпами их роста, говорит о том, что фактор распределения ренты играет свою роль. Чтобы прояснить ситуацию, мы разделили все регионы страны на две, почти равные, группы – с большим и меньшим объемом экспорта ТЭР на душу населения. В первой группе большую значимость показывала переменная ресурсного экспорта; во второй группе большее влияние на рост бюрократии продемонстрировал уровень ВРП, а качество уравнений оказалось заметно ниже (табл. 1, столбцы 3–6). Таким образом, любые источники дохода в регионе стимулируют рост числен-

ности чиновников, но в ресурсоизбыточных регионах особенно значимым становится фактор экспорта ресурсов.

Однако быстрый рост численности чиновников в регионах, экспортирующих ресурсы, возможно, связан с тем, что регулирование экспорта требует большего числа государственных служащих. Поэтому можно попробовать проконтролировать нересурсный экспорт. Наиболее нересурсными статьями российского экспорта можно считать экспорт продовольствия и продукции машиностроения. При контроле нересурсного экспорта на душу населения в оценке роста численности чиновников в 1995–2007 гг. эта переменная оказывается значимой, но почти не влияет на значимость других переменных (табл. 2, столбец 1). Возможно, это говорит о том, что общий рост численности органов, регулирующих экспорт, связанный с ростом доходов от ресурсного экспорта, вызвал рост численности даже в случае преобладания

Таблица 2

Зависимость роста численности чиновников от экспорта и федеральных трансфертов

Регрессоры	Зависимая переменная: отношение численности работников органов государственной власти и местного самоуправления в 2007 г. к численности в 1995 г.	
	всего (1)	без работников федеральных органов исполнительной власти (2)
Экспорт ТЭР на душу населения в 1999–2007 гг.	0,004* (1,95)	0,005** (2,05)
Объем безвозмездных поступлений в бюджеты регионов на душу населения в 1999–2007 гг.	0,01** (2,3)	
Москва	0,46*** (4,15)	
Санкт-Петербург	0,26*** (5,1)	
Отношение численности населения в 2007 г. к его численности в 1995 г.	1,25*** (4,9)	1,05*** (5,3)
Экспорт продовольствия и продукции машиностроения на душу населения в 1999–2007 гг.	0,06** (2,2)	
Константа	0,3 (1,2)	0,5 (2,8)
R^2	0,61	0,32
Число наблюдений (исключена Чеченская Республика)	79 регионов	79 регионов

Примечание. В скобках указаны значения t -статистики (для оценок Уайта); «*» помечены коэффициенты при переменных, статистически значимых на уровне 1, «**» – 5 и «***» – 10%.

в экспорте региона нересурсных статей. Это предположение также подтверждает вывод о том, что любые источники дохода могут стимулировать рост бюрократии.

Чтобы прояснить вопрос, можно оценить рост численности чиновников без работников федеральных органов исполнительной власти (куда относятся органы, регулирующие экспорт); таких примерно $2/3$ всех чиновников страны, и это в основном работники органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления. После исключения всех незначимых переменных, переменная ресурсного экспорта остается значимой, а нересурсного – нет (см. табл. 2, столбец 2). Такой результат подтверждает предположение о том, что ресурсный экспорт влияет на рост численности чиновников не только через увеличение численности органов, связанных с экспортом.

Таким образом, фактор получения и распределения ренты (как за счет экспорта ресурсов, так и за счет федеральных трансфертов) играет определенную роль в росте бюрократического аппарата.

Насколько фактор получения экспортно-ресурсной ренты и федеральной помощи искажает поведение региональных элит, можно увидеть изучая электоральную статистику по регионам России. Мы рассматривали показатель явки на выборы в Государственную думу в 2007 г. как процент от общего числа избирателей и процента проголосовавших за «Единую Россию». Корреляция между этими показателями составляет 0,88, что само по себе говорит о значительном использовании «административного ресурса» и общем низком уровне демократичности этих выборов (или даже их прямой фальсификации).

В регрессиях, показывающих связь между переменными доли проголосовавших за «Единую Россию» и явки на выборы, с одной стороны, и зависимостью от федеральных трансфертов и экспорта энергоресурсов, – с другой, получены интересные результаты. Поскольку желание участвовать в выборах и голосовать за «партию власти» должны быть связаны с уровнем благосостояния избирателей, мы включили в анализ переменные среднедушевых денежных доходов населения в 2007 г. и средних темпов роста реальных душевых доходов населения в 2005–2007 гг. Использовались переменные ВРП, темпов его роста, темпов роста преступности и неравенства, но они оказались незначимыми.

Зависимость от экспорта ресурсов, и особенно от федеральных трансфертов, в значительной мере определяют уровень явки и долю проголосовавших за «Единую Россию». В некоторых регионах, наиболее зависимых от федеральной помощи, эти показатели достигали 90% и более. Корреляция между долей трансфертов в ВРП и долей голосов за «Единую Россию» составляет 0,64 (рис. 3, табл. 3).

Это значит, что получение федеральных трансфертов и доходов от экспорта топливных ресурсов связано с ограничениями в сфере свободы слова и СМИ, административным вмешательством и деформа-

цией демократических институтов в регионах. Налицо использование средств в целях сохранения и укрепления власти. Все это описывает литература, посвященная политэкономическим причинам «ресурсного проклятия».

4. Неравенство, бедность и ресурсозависимость

Взаимосвязи ресурсного фактора, неравенства и бедности также привлекают внимание исследователей. Показано, что обладание некоторыми видами природных богатств способно увеличивать неравенство (Gylfason, Zoega, 2002). Сильное неравенство, в свою очередь, может снижать уровень инвестиций в физический, и особенно человеческий, капитал и замедлять экономический рост.

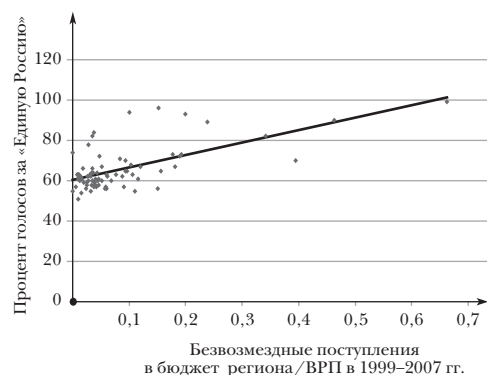

Рис. 3

Процент голосов за «Единую Россию» на выборах в Государственную думу в 2007 г. и зависимость от федеральных трансфертов для 79 регионов России (без Чечни)

Таблица 3

Зависимость явки на выборы и доли проголосовавших за «Единую Россию» на выборах в Государственную думу в 2007 г. от ресурсного фактора и федеральных трансфертов

Регрессоры	Зависимые переменные	
	явка на выборы в Государственную думу в 2007 г.	доля проголосовавших за «Единую Россию» в 2007 г.
Среднедушевые денежные доходы населения в 2007 г.	-0,7** (-2,6)	-0,54** (-2,5)
Темп роста реальных душевых доходов населения в 2005–2007 гг.	0,52* (1,75)	0,42* (1,85)
Экспорт ТЭР на душу населения в 1999–2007 гг.	0,41*** (3,6)	0,34*** (4,7)
Объемы безвозмездных поступлений в бюджеты регионов/ВРП в 1999–2007 гг.	45,7*** (5,9)	56,8*** (7,2)
Константа	0,8 (0,2)	16,8 (0,6)
R^2	0,36	0,48
Число наблюдений (исключена Чеченская Республика)	79 регионов	79 регионов

Примечание. В скобках указаны значения t -статистики (для оценок Уайта); * – помечены коэффициенты при переменных, статистически значимых на уровне 1, ** – 5 и *** – 10%.

Использовались данные Росстата об уровне неравенства в регионах России на конец изучаемого периода, в 2007 г. – соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения, тесно коррелированное с другими показателями неравенства. Было построено регрессионное уравнение, связывающее уровень неравенства с ресурсозависимостью, зависимостью от федеральных трансфертов и начальным ВРП на душу населения в 1998 г. Были также взяты другие показатели, способные влиять на равномерность распределения доходов среди населения: доли государственной собственности в экономике (по числу занятых), доли государственных услуг, образования и здравоохранения в ВРП и их изменения, фиктивные переменные для Москвы и Санкт-Петербурга, но не все они оказались значимыми. Результаты приведены в табл. 4.

Более высокий начальный уровень дохода связан и с большим неравенством. Если вместо начального дохода включить в анализ уровень дохода в 2007 г. или средний уровень дохода в 1999–2007 гг., то результаты практически не изменятся. Россия находится в ситуации, когда рост дохода увеличивает неравенство, – такая ситуация характерна для стран с низким уровнем развития. Высокая доля государственных услуг (управление, безопасность, социальное обеспечение), здравоохранения и образования в ВРП увеличивает неравенство.

Зависимость от экспорта энергоресурсов также увеличивает неравенство. Очевидно, валютные поступления от экспорта в итоге распределяются среди населения менее равномерно, чем прочие виды

Таблица 4

Зависимость уровня неравенства от ресурсного фактора и федеральных трансфертов

Регрессоры	Зависимая переменная: неравенство в 2007 г. (логарифм)
Экспорт ТЭР/ВРП в 1999–2007 гг.	0,014*** (2,9)
Объемы безвозмездных поступлений в бюджеты регионов/ВРП в 1999–2007 гг.	-0,07*** (-6,3)
ВРП на душу населения в 1998 г.	0,13*** (3,3)
Доля государственных услуг, образования и здравоохранения в ВРП в 2007 г.	0,1** (2,5)
Константа	0,9 (2,5)
R^2	0,68
Число наблюдений (исключена Чеченская Республика)	79 регионов

Примечание. В скобках указаны значения t -статистики (для оценок Уайта); «*» помечены коэффициенты при переменных, статистически значимых на уровне 1, «**» – 5 и «***» – 10%.

добавленной стоимости, они имеют тенденцию так или иначе концентрироваться в руках узких групп населения. Это подтверждают и выводы многих исследований «ресурсного проклятия».

Зависимость от федеральных трансфертов уменьшает неравенство, поскольку они в значительной мере используются для социальной поддержки населения. Все результаты практически не изменятся, если оценивать средний уровень неравенства за период 1999–2007 гг. (рис. 4, табл. 5).

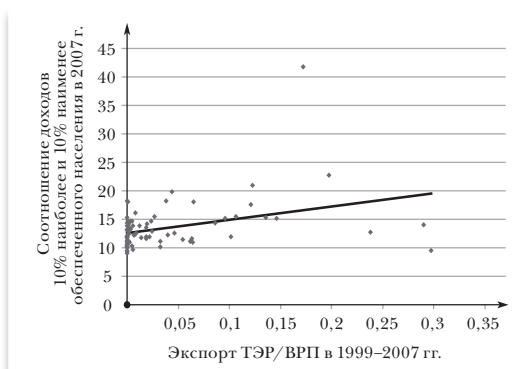

Рис. 4

Неравенство и зависимость от экспорта энергоресурсов для 79 регионов России (без Чечни)

В дополнение были использованы данные Росстата об уровне бедности в регионах России – средняя доля населения с доходами, ниже величины прожиточного минимума в 1999–2007 гг. и на конец периода в 2007 г. Построены регрессионные уравнения, связывающие уровень бедности с зависимостью от экспорта ресурсов, федеральных трансфертов и со средним ВРП на душу населения в 1999–2007 гг.

Переменная зависимости от трансфертов демонстрирует положительную и очень сильную связь с уровнем бедности. Она

Таблица 5

Оценки зависимости уровня бедности от ресурсного фактора и федеральных трансфертов

Регрессоры	Зависимые переменные	
	бедность в 2007 г.	бедность в 1999–2007 гг.
Логарифм реального ВРП на душу населения в 1999–2007 гг.	-3,8** (-2,5)	-14,6*** (-10,4)
Экспорт ТЭР/ВРП в 1999–2007 гг.		36,4*** (3,1)
Объемы безвозмездных поступлений в бюджеты регионов/ВРП в 1999–2007 гг.	32*** (5,6)	
Константа	52,8 (3,5)	171 (12,5)
R ²	0,50	0,59
Число наблюдений (исключена Чеченская Республика)	79 регионов	79 регионов

Примечание. В скобках указаны значения *t*-статистики (для оценок Уайта); «*» помечены коэффициенты при переменных, статистически значимых на уровне 1, «**» – 5 и «***» – 10%.

остаётся высокозначимой даже при включении в анализ других переменных – ресурсозависимости и уровня дохода в любых линейных и нелинейных формах. Однако, поскольку активнее других трансферты получали более бедные регионы страны, логично оценить влияние получения трансфертов в 1999–2007 гг. на уровень бедности на конец периода, в 2007 г.

Зависимость от экспорта энергоресурсов увеличивает бедность при контроле за уровнем дохода в его линейных и нелинейных формах, если говорить о среднем уровне бедности в период 1999–2007 гг. Это вполне подтверждает связь между неравенством и экспортом ТЭР. Однако значимость переменной ресурсозависимости исчезает при включении переменной федеральных трансфертов.

Таким образом, получение федеральных трансфертов в период 1999–2007 гг. не уменьшало уровень бедности на конец периода, а, наоборот, соответствовало большей бедности. Об этом же говорит факт, что при оценке относительного сокращения бедности в период 1999–2007 гг. переменная федеральных трансфертов оказывается незначимой.

Направленные в регионы средства не стимулируют роста инвестиций и последующего роста дохода. Такое происходит в том числе потому, что эти поступления, распределённые так или иначе среди населения, в значительной мере сберегаются в форме наличных денег на руках у населения. Обнаружена плотная зависимость между долей дохода домашних хозяйств, сберегаемой в наличной форме, и зависимостью региона от федеральных трансфертов – корреляция между этими показателями составляет 0,75. Зависимость от федеральных трансфертов объясняет более половины вариации уровня сбережений домохозяйств в форме наличных

средств и остаётся высокозначимой при контроле за уровнем дохода (рис. 5).

6. Заключение

Получены статистические подтверждения того, что некоторые механизмы распространения «ресурсного проклятия» действуют в России на региональном уровне.

Экспорт топливно-энергетических ресурсов играет определенную роль в увеличении численности бюрократического аппарата в регионах, в искажении поведения региональных элит,

Рис. 5

Процент доходов населения, сберегаемый в форме наличности, и зависимость от федеральных трансфертов для 79 регионов России (без Чечни)

а также увеличивает уровень неравенства и бедности при контроле за уровнем дохода.

Федеральные трансферты регионам увеличивают численность бюрократического аппарата в них, усиливают рентоориентированное поведение и недемократические тенденции, не способствуют преодолению бедности, хотя и уменьшают неравенство.

Литература

- Гуриев С., Егоров Г., Сонин К.** (2007): Свобода прессы, мотивация чиновников и «ресурсное проклятие»: теория и эмпирический анализ // *Вопросы экономики*. № 4. С. 4–24.
- Гуриев С., Сонин К.** (2008): Экономика «ресурсного проклятия» // *Вопросы экономики*. № 4. С. 1–14.
- Заостровцев А.П.** (2008): Нефть, погоня за рентой и права собственности (обзор концепций): В сб.: «*Нефть. Газ. Модернизация общества*» / Общ. ред. Н.А. Добронравина, О.Л. Маргании. Спб.: «Экономическая школа», ГУ ВШЭ. С. 3–30.
- Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.** (2007): Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Российская электоральная статистика. База данных «Российская электоральная статистика» [Электронный ресурс] / Межрегиональная электоральная сеть поддержки (МЭСП). Электронные данные. Режим доступа: <http://db.irena.org.ru/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: апрель 2010).
- Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: апрель 2010).
- Щербак А.Н.** (2008): «Нефтяное проклятие» политического развития. В сб.: «*Нефть. Газ. Модернизация общества*» / Общ. ред. Н.А. Добронравина, О.Л. Маргании. Спб.: «Экономическая школа», ГУ ВШЭ. С. 31–52.
- Auty R.M.** (2001): *Resource Abundance and Economic Development*. Oxford: Oxford University Press.
- Brunnschweiler C.N., Bulte E.H.** (2008): The Resource Curse Revisited and Revised: A Tale of Paradoxes and Red Herrings // *Journal of Environmental Econ. and Management*. Vol. 55. P. 248–264.
- Brunnschweiler C.N.** (2008): Cursing the Blessing? Natural Resource Abundance, Institutions, and Economic Growth // *World Development*. Vol. 36. № 3. P. 399–419.
- Corey G.** (2009): Development in US States, Economic Freedom, and the “Resource Curse”. Studies in Mining Policy. Fraser Institute. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.fraserinstitute.org>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: апрель 2010).
- Gylfason T.** (2001): Natural Resources, Education, and Economic Development // *European Econ. Rev.* Vol. 45. P. 847–859.

- Gylfason T., Zoega G.** (2002): Inequality and Economic Growth: Do Natural Resources Matter? [Электронный ресурс] CESifo Working Paper Series № 712. Режим доступа: <http://www.fraserinstitute.org>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: апрель 2010).
- Isham J., Woolcock M., Pritchett L., Busby G.** (2003): The Varieties of Resource Experience: How Natural Resource Export Structure Affect the Political Economy of Economic Growth. [Электронный ресурс] Middlebury College. Economics Discussion Paper № 03-08. Режим доступа: <http://www.middlebury.edu>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: апрель 2010).
- Mehlum H., Moene K.O., Torvik R.** (2005): Institutions and the Resource Curse // *Econ. Journal. Royal Econ. Society*. Vol. 116(508). P. 1–20.
- Papyrakis E., Gerlagh R.** (2004): The Resource Curse Hypothesis and Its Transmission Channels // *Journal of Comparative Econ.* Vol. 23. P. 181–193.
- Papyrakis E., Gerlagh R.** (2007): Resource Abundance and Economic Growth in the United States // *European Econ. Rev.* Vol. 51. № 4. P. 1011–1039.
- Sachs J.D., Warner A.M.** (1995): Natural Resource Abundance and Economic Growth. NBER Working Paper Series, Working Paper № 5398. Cambridge: National Bureau of Economic Research.
- Sachs J.D., Warner A.M.** (1997): Natural Resource Abundance and Economic Growth. Revised Version. Unpublished Manuscript. Cambridge: Harvard Institute for International Development.
- Sachs J.D., Warner A.M.** (1999): The Big Push, Natural Resource Booms and Growth // *Journal of Development Econ.* Vol. 59. P. 43–76.
- Sachs J.D., Warner A.M.** (2001): The Curse of Natural Resources // *European Econ. Rev.* Vol. 45. P. 827–838.
- Tompson W.** (2006): A Frozen Venezuela? The ‘Resource Curse’ and Russian Politics. In: «*Russia’s oil and natural gas: bonanza or curse?*» L.: Anthem. P. 189–212.
Поступила в редакцию 2 февраля 2010 г.

A.V. Mishura

Novosibirsk State University, Institute
of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk

Resource Dependence and Quality of Institutes in Russian Regions

Statistical evidences that some transmission channels of «resource curse» operate in Russian economy at regional level are received. Incomes from export of power resources and gratuitous federal transfers play a role in increase of officialdom, in distortion of regional elite behavior, and also influence the level of poverty and inequality in the Russian regions.

Keywords: “**resource curse**”, **institutional quality**, **resource dependence**.

JEL Classification: C21, O13, O43.

Вопросы экономической политики

Е.Т. Гурвич

Реформа 2010 г.: решены ли
долгосрочные проблемы
пенсии системы?

К. Шпренгер

Государственная собственность
в российской экономике.
Часть 1. Масштаб
и распределение по секторам

Е.Т. Гурвич

Экономическая экспертная группа, Москва

Реформа 2010 г.: решены ли долгосрочные проблемы пенсионной системы?

В работе оцениваются краткосрочные последствия изменений, внесенных в пенсионную систему в 2010 г., а также возможные долгосрочные сценарии развития системы трудовых пенсий. Показано, что при сохранении размеров трансферта в Пенсионный фонд коэффициент замещения будет последовательно падать, создавая политически неприемлемую ситуацию. Поддержание коэффициента замещения на неизменном уровне требует увеличения размеров пенсионного трансферта на один процентный пункт ВВП каждые пять лет или ежегодного повышения ставки пенсионных взносов на один процентный пункт. Очевидно, что оба варианта непосильны для экономики. Для решения долгосрочных проблем пенсионной системы предлагается использовать широкий набор мер, включая повышение пенсионного возраста. На основе анализа комплекса демографических показателей обосновывается необходимость его повышения до 62 лет для мужчин и 60 лет для женщин, приводятся расчетные оценки последствий такой меры.

Ключевые слова: **российская пенсионная система, пенсионная реформа, пенсионный возраст.**

Классификация JEL: H55, H68.

Российская пенсионная система в 2000-е годы

С 1 января 2010 г. вступил в действие новый вариант устройства пенсионной системы страны – уже четвертый за последние девять лет (если учитывать коррекцию, проведенную в 2005 г.).

Серьезное реформирование пенсионной системы началось в 2002 г. Главной новацией стало создание трех компонент трудовых пенсий: базовой, страховой и накопительной – со своими функциями и правилами формирования. Реформированию подверглись и другие виды пенсий, однако мы сосредоточимся в дальнейшем главным образом на трудовых пенсиях (на долю которых приходится основная часть выплат).

Радикальные изменения в пенсионной системе были проведены на фоне вступившей в силу годом ранее (в 2001 г.) реформы социальных отчислений. Обязательные взносы в государственные внебюджетные социальные фонды (суммарная ставка которых составляла 39,5%, в том числе взносы в Пенсионный фонд выплачивались по ставке 29%) были заменены единым социальным налогом (ЕСН) с регрессивной шкалой. Начальная ставка шкалы составила 35,6%, из которых налоги (по ставке 26%) направлялись на финансирование текущих и будущих трудовых пенсий. В накопительной системе должны были участвовать мужчины, родившиеся после 1952 г., и женщины, родившиеся после 1956 г. На протяжении переходного периода ставки отчислений в накопительную систему для них росли, постепенно достигая 6%.

В 2005 г. конфигурация пенсионной системы была скорректирована в связи с изменением шкалы единого социального налога, что было мотивировано желанием облегчить налоговую нагрузку на бизнес. Начальная ставка ЕСН, направлявшегося в пенсионную систему, была снижена до 20%, причем ее уменьшение проводилось полностью за счет той части налога, которая предназначалась для финансирования базовых пенсий. Сокращение поступлений компенсировалось в первую очередь специальными трансфертами из общих (т.е. не связанных с пенсионными взносами) доходов федерального бюджета. Тем самым был нарушен выполнявшийся до этого принцип финансирования трудовых пенсий за счет социальных отчислений. Дополнительным (хотя и не столь значительным) источником компенсации потерь стало перераспределение части взносов из накопительной системы в страховую путем исключения из числа участников накопительной системы всех работников, родившихся до 1967 г.

В табл. 1 приведены основные показатели реформированной пенсионной системы. Некоторые результаты выглядят впечатляюще – так, реальный размер трудовых пенсий вырос за восемь лет в два с четвертью раза (в среднем на 10,8% в год). Отношение к прожиточному минимуму пенсионера повысилось со 101 в 2002 г. до 129% – в 2009 г. (при этом состав потребительской корзины, по которой рассчитывается прожиточный минимум, был за это время существенно расширен). Тем не менее

Таблица 1

Основные параметры системы трудовых пенсий

Показатели	Годы							
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число получателей трудовых пенсий на конец года (тыс. чел.)	36,8	36,5	36,5	36,5	36,3	36,3	36,1	н/д
<i>в том числе получателей пенсий по старости</i>	<i>29,7</i>	<i>29,3</i>	<i>29,2</i>	<i>29,4</i>	<i>29,6</i>	<i>30,0</i>	<i>30,4</i>	<i>н/д</i>
Среднегодовой размер трудовой пенсии (руб./мес.)	1396	1660	1945	2395	2770	3168	4286	5323
Рост реального размера трудовой пенсии (%)	15,5	4,6	5,7	9,3	5,4	4,9	18,6	24,2
Реальный размер трудовой пенсии (%; 2001 г. принят за 100%)	115,5	120,8	127,7	139,6	147,1	154,3	182,9	227,2
Коэффициент замещения (%)	32,0	30,2	28,9	28,0	26,0	23,3	24,8	28,3
Отношение средней трудовой пенсии к прожиточному минимуму пенсионера (%)	101,2	103,4	108,0	99,0	101,4	103,4	117,6	129,0

Источник: расчеты по данным Росстата.

правительство сочло необходимым осуществить в 2010 г. новый этап реформы. Попробуем разобраться в причинах парадоксальной ситуации и понять, чем было вызвано принятие решительных и дорогостоящих мер, несмотря на быстрое повышение уровня жизни пенсионеров. Ранее проблемы российской пенсионной системы были проанализированы в работах (Гонтмахер, 2009; Гурвич, 2007; Дмитриев и др., 2008; Малева, Синявская, 2005; Назаров, Синельников, 2009). В настоящей работе ситуация впервые оценивается с учетом реформы, проведенной в 2010 г.

Прежде чем оценивать последствия российской пенсионной реформы, попробуем кратко определить, как вообще подходить к оценке «качества» пенсионной системы, или, иными словами, в чем состоят ключевые требования к ее построению.

Важнейшим показателем качества пенсионной системы служит ее «полнота», которая характеризуется долей занятого в экономике населения, имеющего право на получение пенсий в будущем, либо долей населения нетрудоспособного возраста, получающего пенсии. По возможности полный охват работающего населения пенсиями – одна из важнейших задач пенсионной политики.

Следующая группа характеристик связана с размерами пенсионных выплат (т.е. с «щедростью» пенсионной системы). Здесь встает вопрос: какой показатель позволяет наиболее полно сравнивать размеры пенсий в разных странах либо в разные периоды? Ясно, что бессмысленно использовать для сравнения размер средней пенсии, поскольку этот показатель будет характеризовать не столько пенсионную систему, сколько общий уровень душевого дохода в стране. Наиболее универсальными показателями размера пенсии служат: коэффициент замещения, определяемый как отношение средних размеров пенсии к заработной плате в стране, либо индекс замещения, представляющий собой отношение размеров пенсии к предшествующей зарплате (этот показатель различается в зависимости от прошлой оплаты труда пенсионера, длительности стажа работы и т.п.). Сопоставление пенсий с зарплатой представляется вполне естественным, если рассматривать пенсионную систему как механизм сглаживания уровня потребления на протяжении жизненного цикла. Более высокий коэффициент замещения означает тогда более полную компенсацию потери трудовых доходов в период утраты трудоспособности. Неудивительно, что задачи пенсионной политики или цели проводимых реформ часто формулируются в терминах достижения определенного целевого уровня коэффициента (индекса) замещения либо сохранения его существующего уровня.

Если пенсии финансируются только за счет взносов, начисляемых на заработную плату, то в рамках распределительной системы коэффициент замещения равен отношению числа работников к числу пенсионеров, умноженному на эффективную ставку пенсионных взносов. Дополнительное финансирование пенсионных выплат из других источников, естественно, увеличивает размеры пенсий.

Третья группа требований к качеству пенсионной системы связана с ее финансовой сбалансированностью и устойчивостью, т.е. соответствием между потребностями пенсионной системы в финансовых ресурсах и источниками доходов. Основной характеристикой сбалансированности служит дефицит пенсионной системы – разность между ее расходными обязательствами и закрепленными доходами. При оценке долгосрочной устойчивости пенсионной системы важно различать два нередко смешиваемых понятия: «жестких» и «мягких» обязательств. Прежде всего назначенные пенсии имеют характер принятых публичных обязательств. Более того, во многих случаях размер пенсии устанавливается по определенным правилам, что означает наличие латентных публичных обязательств перед будущими пенсионерами, которые с неизбежностью возникнут в будущем. Разность между такими «жесткими» обязательствами и прогнозируемыми закрепленными доходами пенсионной системы представляет собой ее «жесткий» дефицит. В то же время в долгосрочной перспективе важно оценивать выплаты, необходимые для достижения целей пенсионной политики. Трудно однозначно определить социально приемлемый уровень пенсионных выплат, однако заведомо неприемлемо его постоянное снижение относительно заработной платы, т.е. длительное падение коэффициента замещения. Именно такая ситуация заставила правительство увеличить финансирование пенсионной системы в 2008–2009 гг., несмотря на быстрый рост реального размера пенсий. Таким образом, разумная и реалистичная цель состоит в стабилизации коэффициента замещения на определенном приемлемом уровне (например, на уровне около 30%, как предлагают Назаров и Синельников (Назаров, Синельников, 2009)). Разрыв между «мягкими» расходными потребностями и ожидаемыми закрепленными доходами можно назвать «мягким дефицитом» пенсионной системы.

Посмотрим на эволюцию российской пенсионной системы с точки зрения перечисленных критериев. Как показано в табл. 1, вплоть до 2007 г. рост реальных размеров трудовых пенсий сочетался с последовательным падением коэффициента замещения. Всего за пять лет этот показатель упал на 9 процентных пунктов – с 32,0 в 2002 г. до 23,3% – в 2007 г. Такую тенденцию вызвало несколько причин. Во-первых, ухудшалось отношение между числом плательщиков социальных взносов¹ и числом пенсионеров. Во-вторых, снижалась эффективная ставка налогов и взносов, предназначенных для финансирования трудовых пенсий. Если бы этот фактор не был компенсирован трансфертами из бюджета, только он один мог бы серьезно уменьшить коэффициент замещения (расчетный эффект достигает почти 10 процентных пунктов). Однако правительство приняло решение компенсировать изменение шкалы социальных налогов, введенное в 2005 г., трансфертами за счет общих доходов федерального бюджета. Еще один фактор, ухудшивший пропорции между пенсиями и заработной платой, –

¹ Плательщиками социальных взносов в основном являются наемные работники. Другую группу плательщиков составляют индивидуальные предприниматели, уплачивающие взносы в виде фиксированного платежа, однако на них приходится лишь 1% суммарных налогов и взносов, предназначенных для финансирования пенсий.

отвлечение растущей части пенсионных взносов из распределительной систему в накопительную: доля таких взносов повысилась с 6,0 в 2002 г. до 15,4% в 2009 г. Снижение коэффициента замещения в результате введения накопительной компоненты составило 2,0 п.п. в начальный год реформы и уже 3,5 процентных пункта – в 2008 г. Наконец, в 2007 г. были снижены размеры трансферта в Пенсионный фонд за счет общих доходов федерального бюджета.

Основные показатели системы трудовых пенсий с точки зрения финансовой устойчивости представлены в табл. 2. Эти данные свидетельствуют о том, что дефицит системы трудовых пенсий последовательно нарастал. Если в 2005 г. дополнительный трансферт из федерального бюджета за счет общих доходов составил 0,9% ВВП (что не полностью покрывало даже потери пенсионной системы от снижения ЕСН), то в 2008 г. пенсионный дефицит вырос до 1,3% ВВП, а в 2009 г. он достиг 2,2% ВВП.

Параметры бюджета пенсионной системы показывают, как правительству удалось переломить тенденцию быстрого падения коэффициента замещения. Переход в 2008 г. от понижательного тренда к повышательному был достигнут не благодаря изменению объективных условий и не путем проведения дополнительных реформ, а в основном за счет значительного перераспределения ресурсов бюджетной системы в пользу пенсионной системы. За два года общие бюджетные доходы, используемые на финансирование трудовых пенсий, возросли на 1,6 процентных пункта ВВП.

Дополнительные трансферты в Пенсионный фонд позволили увеличить индексацию пенсий. Как базовые, так и страховые пенсии, были проиндексированы за 2008–2009 гг. на 64%, или на 33% в реальном выражении (рис. 1), всего же накопленная с 2002 г. индексация состави-

Таблица 2

Источники финансирования трудовых пенсий (% ВВП)

Показатели	Годы							
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
ЕСН	3,1	2,8	2,6	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3
Пенсионные взносы	2,8	2,9	2,8	2,9	2,9	3,0	3,0	3,2
– на страховую пенсию	2,4	2,6	2,4	2,5	2,6	2,7	2,4	2,5
– на накопительную пенсию	0,3	0,4	0,4	0,3	0,4	0,4	0,6	0,7
Трансферты из федерального бюджета за счет общих доходов	–	–	–	0,9	0,9	0,6	1,3	2,2
Суммарные ресурсы для финансирования текущих и будущих трудовых пенсий	5,8	5,7	5,4	5,0	5,0	4,8	5,5	6,7
В том числе на текущие выплаты	5,5	5,4	5,0	4,7	4,6	4,4	4,9	6,1

ла 58% (сверх инфляции) для страховых пенсий и 144% для базовых.

Важно понимать, что формально правительство не было обязано проводить индексацию пенсий в таких масштабах, как оно это сделало. При подготовке реформы 2002 г. большое внимание было изначально уделено финансовой устойчивости пенсионной системы. Для достижения этой цели, в частности, были законодательно закреплены серьезные ограничения на

рост долгосрочных пенсионных обязательств. Было установлено, что индексация базовых и страховых пенсий не должна превышать роста ресурсов пенсионной системы на одного пенсионера, что снимает с правительства формальную обязанность индексировать пенсии при недостаточных доходах. Следовательно, увеличение финансирования трудовых пенсий за счет общих доходов бюджета не было вынужденным шагом. Фактически дефицит пенсионной системы увеличивался не в силу невозможности исполнения «жестких» обязательств, а в результате попыток правительства восстановить ухудшившееся соотношение между величиной пенсий и заработной платы. Иными словами, *не избыточный рост пенсионных обязательств вызывал дефицит пенсионной системы и заставлял увеличивать размеры трансферта, а, напротив, решение повысить пенсии приводило к росту дефицита и требовало увеличения трансферта.* Анализ показателей пенсионной системы свидетельствует, что такие решения неизменно следовали за снижением коэффициента замещения. Правительство явно рассматривало ситуацию растущего разрыва между пенсиями и заработной платой как неприемлемую и пыталось сократить этот разрыв. Таким образом, действия правительства соответствовали логике финансирования «мягких» обязательств.

Как можно оценить российскую пенсионную систему по состоянию на 2009 г.? Из данных табл. 3 ясно, что даже после частичного восстановления коэффициента замещения его уровень по международным меркам оставался низким. В среднем коэффициент замещения по странам ОЭСР был вдвое выше, чем в России. Почти такое же соотношение получаем при сравнении со странами ЕС. Более того, и в выборке формирующихся рынков все страны имели более высокий коэффициент замещения. Отметим, что его величина существенно варьирует по странам, причем зачастую она оказывается высокой в не самых богатых странах (86% – в Турции, 73% – в Греции) и низка – в наиболее развитых странах (37% – в США, 35% – в Великобритании, 34% – в Японии). Дальнейшие сравнения показывают,

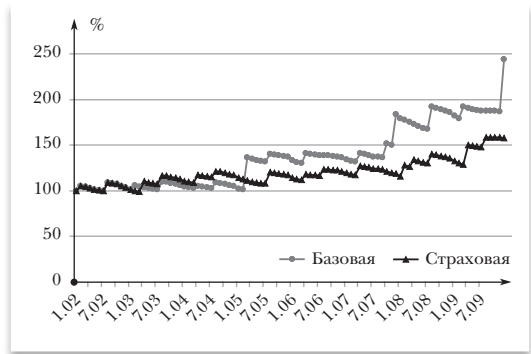

Рис. 1
Накопленные коэффициенты индексирования пенсий в реальном выражении

что по суммарным расходам на пенсии Россия была близка к среднему уровню как по ОЭСР, так и по выборке формирующихся рынков. Ставки пенсионных взносов по России несколько уступают средним, однако разрыв здесь значительно меньше, чем различия в коэффициентах замещения. Таким образом, проблема не в том, что в российской экономике на пенсии выделялось недостаточно средств.

Другая важнейшая группа факторов, определяющих соотношение пенсий и заработной платы – это возрастная структура населения

Таблица 3

Показатели пенсионных систем по выборке стран (2007 г.)²

Страны	Ставка пенсионных взносов (%)	Выплата пенсий (% ВВП)	Коэффициент замещения (%)
<i>Развитые страны</i>			
Великобритания	23,8	6,6	34,6
Германия	20,0	10,4	51,4
Греция	20,0	11,7	73,1
Испания	28,3	8,4	57,8
Италия	32,7	14,0	68,5
Франция	15,0	13,0	63,3
США	12,4	6,0*	37,1**
Япония	15,4	9,0*	33,5**
В среднем по выборке	21,0	9,9	52,4
В среднем по ЕС	Нет данных	10,1	49,7
В среднем по ОЭСР	Нет данных	7,2*	57,6 (м)** 56,4 (ж)**
<i>Формирующиеся рынки</i>			
Россия (2009 г.)	16,7***	6,9	27,6
Россия (2011 г.) ³	22,0***	9,2	37,8
Венгрия	33,5	10,9	38,9
Мексика	6,9	1,3	37,8 (м)** 33,5 (ж)**
Польша	19,6	11,6	56,2
Турция	20,0	7,8	86,4**
Чехия	28,0	7,8	45,2
Ю. Корея	9,0	1,6	40,2**
В среднем по выборке (без России)	19,5	6,8	50,4

Источники: (European Commission, 2009; ILO, 2010; OECD, 2009a; Social Security Administration, 2008, 2009).

* Данные за 2005 г.

** Данные за 2006 г.

*** Эффективные ставки.

²Учитывая все виды пенсий по государственному и обязательному страхованию.

³ Прогноз автора.

и пропорции между числом плательщиков пенсионных взносов и получателей пенсий (коэффициент поддержки). Представленные в табл. 4 данные свидетельствуют, что демографическая нагрузка в России несколько выше, чем в среднем по другим формирующимся рынкам, но значительно ниже, чем в развитых странах. Показатель, по которому ситуация в нашей стране оказывается радикально хуже, чем в других странах, – это соотношение численности плательщиков пенсионных взносов и получателей пенсий. Это означает, что у нас по сравнению с другими странами слишком мало работников в формальном секторе, где платят налоги и социальные взносы (причем их доля в общем числе занятых падает, снизившись с 78 в 2001 г. до 71% в 2009 г.), и слишком много пенсионеров. Одна из причин такой ситуации состоит в том, что в России действуют облегченные условия получения пенсий. С одной стороны, имеется большое число льгот, предоставляющих право

Таблица 4

Демографические соотношения по выборке стран (2007 г.)

Страны	Доля населения в возрасте 65 лет и старше (%)	Коэффициент демографической нагрузки ⁴ (%)	Коэффициент поддержки ⁵
<i>Развитые страны</i>			
Великобритания	16,0	24,1	н/д
Германия	19,8	29,9	161
Греция	18,6	27,6	175
Испания	16,7	24,2	266
Италия	19,9	30,2	149
Франция	16,4	25,2	181
США	13,0	20,9	Нет данных
Япония	21,0	35,8	Нет данных
В среднем по выборке	17,7	27,2	Нет данных
В среднем по ЕС	17,0	25,2	Нет данных
В среднем по ОЭСР	Нет данных	23,8	Нет данных
<i>Формирующиеся рынки</i>			
Россия	13,3	18,5	128
Венгрия	15,9	23,2	131
Мексика	6,0	10,0	Нет данных
Польша	17,3	19,0	154
Турция	6,0	10,5	Нет данных
Чехия	14,4	20,2	179
Южная Корея	10,0	15,2	Нет данных
В среднем по выборке	11,6	16,4	Нет данных

Источники: (European Commission, 2009; OECD, 2009b, ILO, 2010).

⁴ Соотношение численности населения в пожилом (65 лет и старше) и трудоспособном возрасте (15–64 лет).⁵ Число работников, уплачивающих пенсионные взносы, на 100 пенсионеров.

на досрочный выход на пенсию работникам, занятым в тяжелых или опасных для здоровья производствах. С другой стороны, к трудовому стажу предъявляются сравнительно «мягкие» требования – для получения права на трудовую пенсию достаточно иметь трудовой стаж в 5 лет. В выборке по развитым странам необходимый стаж составляет в среднем 21 год, а в рассматриваемой ниже выборке формирующихся рынков – 18 лет. В итоге, среди получателей пенсий по старости в России у каждого девятого – возраст ниже стандартного пенсионного, а *число получателей таких пенсий превышает численность населения пенсионного возраста.*

В целом приведенные характеристики пенсионных систем демонстрируют большое разнообразие пенсионной политики. Все страны можно условно разделить на четыре группы – в зависимости от возрастной структуры населения и уровня расходов на выплату пенсий (табл. 5). Для стран, расположенных в верхнем ряду, характерен высокий коэффициент замещения. Попавшие в левую нижнюю клетку страны, напротив, имеют сравнительно низкий коэффициент замещения. Наконец, в правом нижнем углу можно найти страны с высоким (за счет благоприятных демографических условий) и низким отношением пенсий к заработной плате. К последней категории относилась и Россия. Забегая вперед, отметим, что после 2009 г. Россия переходит в верхний правый квадрат табл. 5.

Оценка пенсионной системы после ее реформирования в 2010 г.

За разрозненными решениями о дополнительной индексации пенсий последовал новый этап реформы, введенный в действие в начале 2010 г. Фактически он направлен на решение той же задачи – повышение коэффициента замещения, но не на разовой, а на долгосрочной основе.

Отметим основные моменты новой реформы.

- **Реформирован единый социальный налог.** ЕСН заменен системой социальных взносов, которые будут уплачиваться непосредственно во внебюджетные фонды (как это было до 2001 г.). Регрессивная шкала с тремя ставками заменена единой ставкой при установлении предельной заработной платы, на которую

Таблица 5

Классификация пенсионных систем по демографическим и финансовым параметрам

Расходы на пенсии	Демографическая нагрузка	
	высокая (выше 20%)	умеренная (до 20%)
Большие (выше 10% ВВП)	Германия, Греция, Испания, Италия, Франция, Венгрия	Польша, Россия (с 2010 г.)
Ограниченные (до 10% ВВП)	Великобритания, США, Япония, Чехия	Россия (до 2009 г.), Мексика, Турция, Южная Корея

начисляются взносы. Этот предел будет ежегодно индексироваться по мере роста средней зарплаты. Начиная с 2011 г., ставка пенсионных взносов повышается с 20 до 26%.

- **Отменяется базовая часть трудовых пенсий как их отдельная составляющая.** При определении размера пенсии будет условно рассчитываться ее базовая часть, индексация этой части будет проводиться с использованием общего коэффициента, устанавливаемого для всей страховой пенсии.
- **Пересчитываются пенсионные права, приобретенные до 1 января 1991 г.** (проводится так называемая валоризация пенсионных прав).
- **Пенсионерам, имеющим пенсию ниже прожиточного уровня в данном регионе, обеспечивается социальная доплата до этого уровня.**

Одновременно с реформированием перечисленных и некоторых других элементов пенсионной системы проведено повышение уровня пенсий. В частности, в декабре 2009 г. базовые пенсии были индексированы на 30%. В целом результатом всех нововведений стало увеличение размеров трудовых пенсий почти в полтора раза и повышение коэффициента замещения до 38%. При этом суммарные пенсионные выплаты, измеренные в процентах ВВП, почти удваиваются – они достигают 10% ВВП по сравнению с 5,2% ВВП в 2007 г.

Проведенные реформы содержат несколько полезных элементов. Во-первых, проведена коррекция шкалы социальных взносов. Регрессивная шкала социальных налогов, введенная в 2001 г. и модифицированная в 2005 г., не предусматривала коррекцию границ регрессии по мере роста зарплаты. В таких условиях приближение средней зарплаты к первому порогу регрессии, а затем его преодоление (несмотря на кризис, переход через этот порог ожидается в 2012 г.) неизбежно вызвали бы резкий обвал эффективной ставки социальных взносов. Применение построенного в Экономической экспертной группе распределения по величине заработной платы показывает, что при сохранении действующей шкалы пенсионных налогов и взносов их эффективная ставка упала бы к 2020 г. почти вдвое – до 8,5% (по сравнению с 16,7% в 2009 г.). В новых условиях эффективная ставка пенсионных взносов (с учетом предельной величины их базы) будет, начиная с 2011 г., поддерживаться на постоянном уровне – 22%. Таким образом, изменение шкалы социальных взносов (как минимум, их индексация на динамику зарплаты) было абсолютно необходимой мерой.

Второе важное нововведение – ликвидация бедности среди пенсионеров за счет социальных доплат до прожиточного минимума. Правда, эта мера реализована неоптимальным образом, но «цена вопроса» не столь велика, как стоимость остальных решений, поскольку после повышения пенсий у большинства пенсионеров ее размеры превысили прожиточный минимум.

В то же время общая «цена» реформы намного превышает возможности экономики. Приведенные в табл. 6 оценки показывают, что трансферт из федерального бюджета в Пенсионный фонд (ПФР) на финансирование трудовых пенсий увеличивается в 2010 г. до 4,2% ВВП (по сравнению с 0,9% ВВП в 2007 г.). С учетом того, что растет также финансирование государственных пенсий, использование общих доходов на финансирование пенсионной системы достигает в 2010 г. 6,2% ВВП – это на 4,3 процентных пункта ВВП больше, чем в 2007 г. Таким образом, за три года ресурсы размером 4,3% ВВП дополнительно перераспределены в пользу пенсионной системы. Чтобы проиллюстрировать масштабы этих ресурсов, отметим, что они в полтора с лишним раза превышают все обычные (без чрезвычайных антикризисных мер) расходы федерального бюджета на оборону или на национальную экономику. В 2011 г. трансферт в Пенсионный фонд несколько снижается в результате повышения ставок социальных взносов. Однако увеличение доходов внебюджетных фондов ведет к сокращению базы других налогов (подходного, на прибыль). По оценкам Экономической экспертной группы, чистый рост поступлений в бюджетную систему составит лишь 0,7% ВВП. Это означает, что общий вычет из ресурсов бюджета в пользу пенсионной системы даже после 2010 г. будут составлять примерно 5,5% ВВП (с учетом «скрытого» перераспределения, возникающего в результате сокращения базы общих налогов), причем рост таких ресурсов по сравнению с 2007 г. составит 3,5% ВВП.

Таблица 6

Прогноз источников финансирования трудовых пенсий после реформы 2010 г. (% ВВП)

Показатели	Годы		
	2010	2011	2012
Пенсионные взносы	4,6	5,5	5,5
на базовую и страховую часть	3,7	4,6	4,6
на накопительную часть	0,9	0,9	0,9
Трансферт за счет общих доходов федерального бюджета	4,2	3,2	3,0
в том числе на валоризацию пенсионных прав	1,2	1,3	1,3
<i>Справочная информация</i>			
Расчетная доля финансирования трудовых пенсий за счет собственных ресурсов	46,4	59,4	60,7
Трансферт из федерального бюджета на государственные пенсии, ЕДВ и др.	2,0	1,8	1,7
Потери бюджетной системы в результате повышения социальных налогов	–	–0,5	–0,5

Последствия нового этапа пенсионной реформы особенно тяжелы для бюджета в послекризисной ситуации. Снижение налоговой нагрузки и сокращение базы ряда налогов в ходе кризиса привели к падению доходов бюджетной системы: их реальная величина в 2009 г. сократились на четверть по сравнению с 2008 г. Такое положение дел типично для многих стран, однако в этих странах реакция правительства состоит в сокращении государственных расходов, в том числе на пенсии, для устранения возникших бюджетных дисбалансов.

Принятие дополнительных обязательств в пенсионной сфере создает угрозу того, что возникший дефицит бюджета может принять хронический характер. Правительство оказывается перед выбором: либо быстро наращивать государственный долг, либо серьезно повышать налоги, либо радикально сокращать другие виды расходов (причем на всех уровнях бюджетной системы, учитывая, что региональные и местные бюджеты потеряют часть своих доходов). Неоднократно проводившиеся межстрановые исследования показывают, что увеличение социальных трансфертов, будь то за счет наращивания бюджетного дефицита или снижения расходов на государственные инвестиции, образование и здравоохранение, ведет к замедлению роста экономики. К этому необходимо добавить негативные последствия повышения налоговой нагрузки.

Серьезно ухудшается и структура финансирования трудовых пенсий. Доля собственных доходов падает в 2010 г. до 46%, что явно противоречит принципам построения устойчивой системы социального страхования. Даже после повышения пенсионных взносов ее самообеспеченность составит лишь 60%.

Еще более серьезные проблемы возникают в долгосрочном периоде. В предстоящие десятилетия нас ожидает резкое ухудшение демографической ситуации: по прогнозу Росстата (Росстат, 2010), к 2030 г. отношение между численностью населения в пенсионном и трудоспособном возрасте возрастет более чем в полтора раза (оно возрастает с 33 до 52%)⁶. Возможные последствия оценивались с использованием долгосрочных прогнозов до 2050 г.

Сценарий 1. Стабилизация размера трансферта на финансирование дефицита ПФР. Первый вариант исходит из того, что мы достигли предела наращивания размеров трансферта из федерального бюджета. Выдвигается предположение, что в дальнейшем поддерживается постоянная (в процентном отношении к ВВП) величина трансферта из федерального бюджета в ПФР без учета валоризации, а целевые трансферты на валоризацию определяются расчетным путем. Отделение валоризации от остальной части трансферта оправдано тем, что она имеет особый смысл. По сути, эти выплаты компенсируют поколению пенсионеров их потери из-за того, что часть пенсионных взносов направляется в накопительную систему.

Расчеты показывают, что в условиях ухудшения демографических показателей поддержание постоянной величины трансферта

⁶Здесь и далее рассматривается средний вариант прогноза.

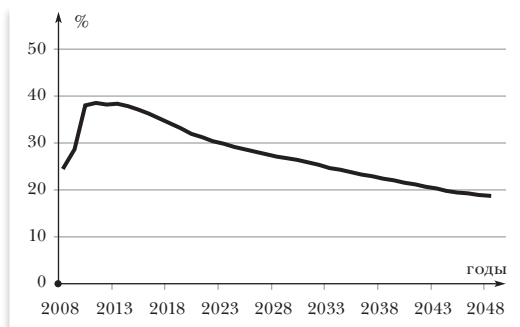

Рис. 2

Расчетный коэффициент замещения при сохранении размеров трансферта в % ВВП

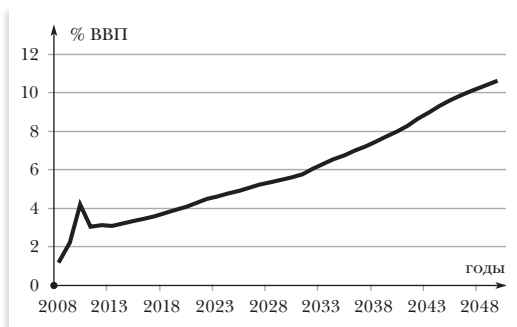

Рис. 3

Расчетный трансферт на трудовые пенсии при сохранении коэффициента замещения

неизбежно повлечет за собой постепенное снижение коэффициента замещения (рис. 2). К 2025 г. коэффициент замещения вернется к уровню 2009 г., а к концу периода упадет до 18%.

Предыдущий анализ позволяет сделать вывод, что данный сценарий неприемлем, поскольку он не обеспечивает долгосрочной «мягкой» устойчивости пенсионной системы (даже если при этом обеспечивается «жесткая» устойчивость и рост реальной величины пенсий). Этот вывод требует анализа альтернативных сценариев.

Сценарий 2. *Стабилизация коэффициента замещения за счет увеличения трансферта.* Расчеты показывают (рис. 3), что в этом случае необходимые размеры трансферта из федерального бюджета быстро растут: в 2026 г. они превысят 5% ВВП, в 2036 г. окажутся более 7% ВВП, а к концу периода достигнут 10,6% ВВП. В среднем за период 2010–2050 гг. необходимо каждые пять лет увеличивать трансферт на 1 процентный пункт ВВП.

Сценарий 3. *Стабилизация коэффициента замещения за счет повышения ставки пенсионных взносов.* В расчетах определялась номинальная ставка, необходимая для поддержания постоянного коэффициента замещения (на уровне 38%). При этом не учитывалось вероятное снижение собираемости при повышении ставок.

Расчеты (рис. 4) свидетельствуют, что требуемая ставка пенсионных взносов составит 33% в 2020 г., 41% – в 2030 г. и 60% – в 2050 г. В среднем эта ставка должна ежегодно расти на один процентный пункт. К концу периода налоговая нагрузка увеличивается на 10 процентных пунктов ВВП по сравнению с сохранением постоянной ставки. Естественно, такой сценарий также нельзя считать приемлемым.

Оправдано ли повышение пенсионного возраста в России?

Анализ, проведенный в предыдущем разделе, показывает, что в рамках продолжения прежней пенсионной политики не представляется возможным поддерживать коэффициент замещения на уровне,

достигнутом в 2010 г. Значительное снижение коэффициента замещения будет означать ухудшение уровня жизни пенсионеров по сравнению с другими группами населения, поэтому такой сценарий выглядит политически нереалистичным. Обеспечить поддержание коэффициента замещения, т.е. «мягкую» устойчивость российской пенсионной системы, может только широкий набор энергичных мер (Гурвич, 2008). Важнейшими из них должны стать, в частности:

- формирование системы профессионального пенсионного страхования, на которую должно быть переложено финансирование досрочного выхода на пенсию работников, занятых на вредных или тяжелых производствах⁷;
- более избирательная и адресная политика предоставления пенсий. Целесообразно повысить минимальный стаж, требуемый для предоставления трудовых пенсий, рассмотреть вопрос об ограничениях на получение полной пенсии работающими пенсионерами. Имеет смысл вновь выделить базовую пенсию, вернув ей социальный характер и предоставлять ее только малообеспеченным пенсионерам;
- развитие негосударственного пенсионного страхования, играющего ведущую роль во многих странах.

Представляется, что ключевой мерой, сверх перечисленных, должно стать повышение пенсионного возраста. Для этого, кроме невозможности удержать стабильный уровень коэффициента замещения, есть немало дополнительных оснований.

Во-первых, как показывает табл. 7, пенсионный возраст в России заметно ниже, не только по сравнению с развитыми странами, но и по сравнению с большинством стран с переходной экономикой и формирующимися рынками. Средний пенсионный возраст по рассматриваемой выборке развитых стран составляет 64,5 года для мужчин и 62,6 года для женщин. Стандартный возраст выхода на пенсию высок и для стран, сопоставимых с Россией: в выборке из 12 стран с переходной экономикой и формирующимися рынками средний пенсионный возраст (без учета России) составил 63,1 года для мужчин и 59,9 года для женщин.

Как известно, старение населения является общей тенденцией развитых стран. В ответ все большее распространение получают меры, обеспечивающие адаптацию пенсионных систем к ухудшающимся демографическим условиям. Ряд стран (Австралия, Венгрия,

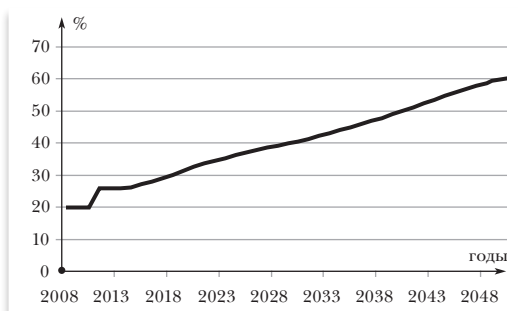

Рис. 4

Расчетная ставка пенсионных взносов при сохранении размеров трансферта в % ВВП трансферта

⁷ В настоящее время обязательное профессиональное пенсионное страхование действует в Австралии, Норвегии, Турции, Швейцарии и ряде других стран (OECD, 2008).

Таблица 7

Стандартный пенсионный возраст по странам

Страны	Стандартный пенсионный возраст (в 2009 г.)		Изменение за последние 20 лет		Принятые решения о будущем изменении пенсионного возраста	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>Развитые страны</i>						
Великобритания	65	60	–	–		65 лет к 2020 г.
Германия	65	65	2	2	67 лет к 2029 г.	67 лет к 2029 г.
Греция	65	60	–	–		65 лет
Испания	65	65	–	–		
Италия	65	60	5	5		
Франция	60	60	–	–		
США	66	66	–	–	67 лет к 2027 г.	67 лет к 2027 г.
Япония	65	65	5	9		
В среднем по выборке	64,5	62,6	1,5	2,0		
<i>Формирующиеся рынки</i>						
Россия	60	55	–	–		
Аргентина	65	60	5	5		
Бразилия	65	60	–	–		
Венесуэла	60	55	–	–		
Венгрия	62	61	2	6		
Мексика	65	65	–	–		
Польша	65	60	–	–		
Турция	60	58	5	8	65 лет к 2046 г.	65 лет к 2048 г.
Чехия	61,8	60,3	1,8	7,3	63 года к 2016 г.	63 года к 2019 г. ⁸
Чили	65	60	–	–		
ЮАР	65	60	–	–		
Южная Корея	60	60	–	–	65 лет к 2033 г.	65 лет к 2033 г.
<i>В среднем по выборке (без России)</i>	<i>63,1</i>	<i>59,9</i>	<i>1,1</i>	<i>1,7</i>		

Источник: расчеты по данным (ILO, 2010; Social Security Administration, 2008, 2009).

⁸ Для женщин, имеющих детей, целевой пенсионный возраст составит 59–62 года.

Норвегия и др.) сделали ставку на использование накопительных систем, исключая тем самым возможность возникновения пенсионного дисбаланса. Некоторые страны (например, Германия, Португалия и Финляндия) предусмотрели в законодательстве привязку размеров назначаемых пенсий к ожидаемой продолжительности их получения выходящей на пенсию когортой пенсионеров. Правда, в этом случае не решается проблема «мягкой устойчивости», поскольку адаптация к ухудшающимся демографическим условиям происходит за счет снижения коэффициента замещения. Все более популярным становится адаптация за счет повышения пенсионного возраста, которая позволяет сохранять коэффициент замещения. За последние 20 лет более трети стран в нашей выборке повысили стандартный пенсионный возраст (см. табл. 7). Решения о будущем повышении приняты также и в трети рассматриваемых стран. Подобные планы имеют и многие другие страны. Наиболее радикальный вариант повышения пенсионного возраста проводит Дания, где он автоматически корректируется вслед за повышением средней продолжительности жизни. Повышение пенсионного возраста планируют провести также Австралия, Голландия, Швеция. Во Франции по мере роста продолжительности жизни увеличивается требуемый для получения пенсии стаж (в настоящее время он составляет 40 лет, что отчасти компенсирует низкий стандартный пенсионный возраст).

Второй аргумент в пользу повышения пенсионного возраста связан с ожидаемой ситуацией на рынке труда. Специфическая особенность демографических тенденций в России состоит в том, что старение населения будет сопровождаться сокращением численности рабочей силы. По прогнозу Росстата, численность населения в трудоспособном возрасте за ближайшие 20 лет уменьшится на 13% (более чем на 11 млн чел.). В сочетании с увеличением спроса на труд по мере роста экономики это приведет к тому, что рабочая сила станет остро дефицитной. Ее недостаток в перспективе станет главным фактором, сдерживающим рост российской экономики. Естественным резервом дополнительного предложения труда служат «молодые» пенсионеры.

Распространенный аргумент против повышения пенсионного возраста состоит в сравнительно низкой продолжительности жизни в России. Однако на самом деле ожидаемая продолжительность жизни при рождении не имеет прямого отношения к проблемам определения пенсионного возраста. Значительно более важную с этой точки зрения демографическую характеристику представляет длительность пребывания на пенсии, т.е. ожидаемый срок дожития лиц, достигших пенсионного возраста. Приведенные в табл. 8 данные свидетельствуют, что в настоящее время ожидаемое пребывание на пенсии мужчин в России несколько (на три года) короче, чем в среднем по выборке развитых стран, однако выше, чем в среднем по выборке формирующихся рынков. В России для женщин продолжительность пребывания

Таблица 8

Показатели длительности пребывания на пенсии

Страны	Средний срок пребывания на пенсии, годы		Соотношение между пребыванием на пенсии ⁹ и условным стажем	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>Развитые страны</i>				
Великобритания	17,0	22,6	0,38	0,57
Германия	16,9	20,1	0,38	0,45
Испания	17,3	21,3	0,38	0,47
Италия	17,5	25,7	0,39	0,64
Франция	22,7	27,0	0,57	0,68
США	16,4	19,2	0,36	0,42
Япония	13,6	21,7	0,30	0,48
<i>В среднем по выборке</i>	<i>17,3</i>	<i>22,5</i>	<i>0,39</i>	<i>0,53</i>
<i>Формирующиеся рынки</i>				
Россия (фактически)	14,2	23,8	0,36	0,68
Россия – при пенсионном возрасте 62/60 года	13,2	19,9	0,31	0,47
Венгрия	16,1	21,9	0,38	0,53
Мексика	9,1	8,7	0,20	0,19
Польша	14,4	23,6	0,32	0,59
Турция	14,6	15,7	0,37	0,41
Чехия	17,2	23,7	0,41	0,59
Южная Корея	9,6	17,0	0,24	0,43
<i>В среднем по выборке (без России)</i>	<i>13,5</i>	<i>18,4</i>	<i>0,32</i>	<i>0,46</i>

Источник: Расчеты на основе данных (Росстат, 2010) и (OECD, 2009b).

на пенсии уступает лишь двум странам в выборке (Франции и Италии). Если учесть распространение в России практики досрочного выхода на пенсию, то срок дожития для российских пенсионеров вполне сопоставим даже с развитыми странами. Расчеты по данным о возрасте впервые оформивших пенсию показывают, что мужчины в России фактически выходят на пенсию по старости в среднем в 58 лет, после чего живут 15,3 лет. Средний по странам ОЭСР фактический возраст выхода на пенсию составляет 63,5 года, после чего ожидаемая продолжительность жизни равна 18 годам. Для женщин соотношение оказывается обратным: фактический возраст выхода на пенсию составляет 54,5 года для России и 62,5 года в среднем по ОЭСР, а средний срок пребывания на пенсии составляет для россиянок 23,4 года и 22 года – для гражданок ОЭСР.

⁹ При стандартном возрасте выхода на пенсию.

Другая важная демографическая характеристика – соотношение между длительностью пребывания на пенсии и трудовой деятельности. Старение населения увеличивает этот показатель, и тем самым число пенсионеров, приходящихся на одного работника. В результате коэффициент замещения падает, независимо от того, является ли пенсионная система распределительной или накопительной. Для стабилизации коэффициента замещения многие страны принимают решение повысить пенсионный возраст, восстанавливая тем самым соотношение между длительностью пребывания на пенсии и продолжительностью трудовой деятельности и стабилизируя коэффициент замещения.

В двух правых колонках табл. 8 представлены расчетные соотношения между сроком дожития с момента выхода на пенсию и расчетным стажем (полученным в предположении, что трудовая деятельность начинается в 20 лет и продолжается все время до выхода на пенсию). По этому показателю российские мужчины находятся между развитыми странами и формирующимися рынками, а женщины «превосходят» не только обе группы стран, но вообще все представленные в выборке страны. Такое «превосходство» означает, что либо коэффициент замещения в российской пенсионной системе будет сравнительно низким, либо необходимо установить сравнительно высокие ставки пенсионных взносов, либо требуется значительное дополнительное финансирование пенсионных выплат за счет общих доходов бюджета. В таблице показано также, что при повышении пенсионного возраста до 62 лет для мужчин и 60 лет для женщин анализируемое соотношение и для тех и других оказывается близким к среднему по формирующимся рынкам.

Еще одно распространенное возражение против повышения пенсионного возраста состоит в том, что люди старшего возраста будут испытывать проблемы в трудоустройстве. Данные Росстата не подтверждают этого опасения (табл. 9)¹⁰. Сразу после достижения пенсионного возраста уровень экономической активности граждан существенно падает (в одних случаях это может объясняться отсутствием материальной необходимости работать, в других состоянием здоровья

Таблица 9

Занятость по возрастным группам женщин (2008 г.)

Показатели	Возрастная группа, лет			
	40–44	45–49	50–54	55–59
Численность группы (тыс. чел.)	4867	6173	6114	5426
Экономически активные (тыс. чел.)	4627	5690	4946	2633
Занятые (тыс. чел.)	4381	5415	4711	2518
Уровень экономической активности (%)	95,1	92,2	80,9	48,5
Доля занятых среди экономически активных (%)	94,7	95,2	95,2	95,6

Источник: расчеты по данным Росстат (2009).

¹⁰ Для мужчин аналогичные данные отсутствуют.

или выполнением семейных функций и т.д.). Однако среди экономически активных женщин в возрасте 50–59 лет в 2008 г. 96% были заняты, т.е. фактически эта демографическая группа не имела проблем с трудоустройством. Как отмечалось выше, в перспективе ситуация будет еще более благоприятной в плане трудоустройства. При необходимости на переходный период может использоваться международный опыт досрочного предоставления пенсий безработным предпенсионного возраста.

Обобщая международный опыт регулирования пенсионного возраста, можно отметить следующие тенденции (актуальные и для России).

- Происходит сближение возраста выхода на пенсию мужчин и женщин. В среднем по выборке развитых стран различие пенсионных возрастов составляет лишь 1,4 года, по выборке формирующихся рынков – 3,2 года.
- Повышение пенсионного возраста реализуется в виде долгосрочных программ: процесс изменения этого возраста растянут на достаточно длительный срок (что снимает потенциальные проблемы на рынке труда) и объявляется задолго до начала периода.
- Политика изменения пенсионного возраста должна быть ориентирована на перспективу: решения о его повышении целесообразно увязывать не с прошлыми демографическими показателями, а с прогнозами их будущего изменения.

Исходя из этих принципов и анализа демографической ситуации, можно предложить следующие действия.

1. Начиная с 2015 г. досрочный выход на пенсию производится за счет профессиональных систем социального страхования.
2. Пенсионный возраст повышается. В качестве варианта, соответствующего сегодняшним демографическим показателям, может рассматриваться его повышение до 62 лет для мужчин и 60 лет для женщин.
3. Решение о предстоящем пересмотре пенсионного возраста объявляется как можно скорее.
4. Период, в течение которого он будет меняться, должен начинаться уже через несколько лет – например, в 2015 г. Начиная с этого момента пенсионный возраст ежегодно повышается на полгода как для мужчин, так и для женщин.

Результатом становится, во-первых, ускорение роста экономики за счет увеличения численности рабочей силы¹¹, во-вторых, увеличение доходов пенсионной системы благодаря большему числу плательщиков пенсионных взносов, и, в-третьих, сокращение числа получателей пенсий. В итоге (рис. 5) коэффициент замещения существенно повышается. Так, в 2030 г. он составляет 35 вместо 26% в сценарии 1, в 2040 г. – 31 вместо 22%. Еще более существенным оказывается повышение реальных размеров пенсий (поскольку более высоким оказывается также общий рост доходов в экономике).

¹¹ При этом учитывается, что значительная часть «молодых» пенсионеров уже работает.

Таким образом, данный вариант может при том же объеме бюджетных ресурсов значительно дольше обеспечивать приемлемые показатели пенсионной системы. Например, если в сценарии 1 коэффициент замещения опускается ниже 30% в 2023 г., то при повышении пенсионного возраста это может произойти в 2042 г. Вместе с тем к концу периода начнет сказываться дальнейшее старение населения. По прогнозам Росстата, к 2030 г. ожидаемая продолжительность жизни достигнет 68,5 года для мужчин и 78,7 года для женщин (по сравнению с 61,8 и 74,2 года в 2008 г.). Для того чтобы предотвратить ухудшение относительного уровня доходов пенсионеров, необходимо прежде всего добиваться повышения доходности пенсионных накоплений. Кроме того, если предсказанное увеличение продолжительности жизни действительно произойдет, это может потребовать дальнейшего повышения пенсионного возраста.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Изменения, внесенные в 2010 г. в пенсионную систему, повышают текущий уровень пенсий, однако не приближают нас к решению долгосрочных проблем пенсионной системы. Более того, во многих отношениях ситуация даже усложняется. Во-первых, резкое повышение коэффициента замещения значительно затрудняет его поддержание на достигнутом уровне в будущем. Во-вторых, достаточно быстро (по прогнозу – за четыре года) планируется полностью потратить на финансирование пенсионного дефицита средства Фонда национального благосостояния, предназначавшиеся для решения долгосрочных проблем пенсионной системы. Огромными будут и немедленные отрицательные последствия реформы. Ухудшается структура государственных расходов, более того, она серьезно ослабляет макроэкономическую устойчивость российской экономики. В будущем очевидное нарастание «мягкого дефицита» пенсионной системы снижает инвестиционную привлекательность российской экономики.

Реформа не содержит сколько-нибудь существенного институционального развития пенсионной системы. Дополнительные ресурсы, выделенные пенсионной системе, целесообразно было бы использовать в первую очередь для решения ее долгосрочных проблем. Эти средства могли бы направляться, например:

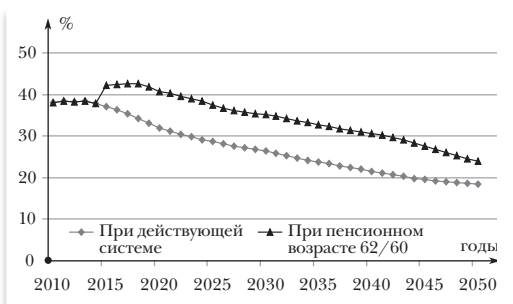

Рис. 5

Изменение коэффициента замещения при повышении пенсионного возраста и отмене досрочной пенсии

- на обеспечение бесконфликтного повышения пенсионного возраста (пенсии в этом случае увеличиваются только для тех, кто добровольно соглашается выйти на пенсию в более позднем возрасте);
- на увеличение капитализации накопительной системы, как предлагает (Дмитриев и др. 2008), либо на временную поддержку пенсионной системы при перераспределении пенсионных взносов в пользу накопительной системы (Гонтмахер, 2009). Правда, целесообразность ставки на развитие накопительной системы на нынешнем этапе требует серьезного обсуждения (Дмитриева, Петухова, Ушаков, 2010).

В целом основной результат реформы состоит в повышении уровня пенсий ценой негативных последствий для остальной экономики, а в долгосрочной перспективе – и для самой пенсионной системы. По сути, она имеет популистский характер, тогда как согласно общепринятой практике пенсионные реформы направлены в первую очередь на решение долгосрочных проблем. Наиболее рациональное объяснение принятия такой реформы в разгар финансового кризиса связано с электоральными соображениями – стремлением расширить поддержку со стороны населения старшего возраста накануне парламентских и президентских выборов, предстоящих в 2011 и 2012 г. Не вызывает сомнения, что в ближайшее время правительству придется провести по-настоящему серьезные пенсионные реформы, чтобы предотвратить будущий финансовый кризис, которым грозит нам старение населения страны.

Литература

- Гонтмахер Е.Ш.** (2009): Российская пенсионная система после реформы 2002 года: проблемы и перспективы // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1–2. С. 190–206.
- Гурвич Е.Т.** (2008): Приоритеты нового этапа пенсионной реформы // *SPERO*. № 8. С. 43–62.
- Гурвич Е.Т.** (2007): Перспективы российской пенсионной системы // *Вопросы экономики*. № 9. С. 46–71
- Дмитриев М., Дробышевский С., Михайлов Л.** и др. (2008): Можно ли повысить пенсии до 40% заработной платы? // *Экономическая политика*. № 3. С. 26–36.
- Дмитриева О., Петухова Н., Ушаков Д.** (2010): Переход от распределительной пенсионной системы к накопительной: результаты и критерии эффективности // *Вопросы экономики*. № 4. С. 24–33.
- Малева Т.М., Синявская О.В.** (2005): Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. М.: НИСП.
- Назаров В.С., Синельников С.Г.** (2009): О стратегии совершенствования российской пенсионной системы // *Экономическая политика*. № 3. С. 150–177.
- Росстат (2010): Предположительная численность населения РФ до 2030 года.

- Росстат (2009): Труд и занятость в России. М.: Росстат.
- European Commission (2009): Ageing Report.
- ILO (2010): Social Security Database – Programmes and mechanisms [Электронный ресурс] Social Security Department. Режим доступа: <http://www.ilo.org/dyn/sesame/ifpses.socialdatabase>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: апрель 2010 г.).
- OECD (2009a): Pensions at a Glance. Paris: OECD.
- OECD (2009b): Society at a Glance. Paris: OECD.
- OECD (2008): Private Pensions Outlook. Paris: OECD.
- Social Security Administration (2008): Social Security Programs Throughout the World. Washington: Social Security Administration.
- Social Security Administration (2009): Social Security Programs Throughout the World. Washington: Social Security Administration.

Поступила в редакцию 24 мая 2010 г.

E.T. Gurvich
Economic Expert Group, Moscow

**Reform of 2010:
are the Long-Term Problems
of the Pension System Properly
Addressed?**

The paper evaluates short-term implications of pension reforms made in 2010, and long-term scenarios of pension system development. We find that if size of pension transfer is fixed, prolonged fall of the replacement rate is expected, which makes situation politically unsustainable. Keeping flat replacement rate requires either increase of pension transfer size by 1 percentage point of GDP each 5 years, or raising rate of pension contributions per 1 percentage point annually. Using broad range of measures, including increase in retirement age is suggested. Raising retirement age to 62 years for men and 60 years for women is substantiated, basing on analysis of demographic indicators. Effect of this measure is estimated.

Keywords: **Russia's pension system, pension reform, retirement age.**
JEL classification: H55, H68.

К. Шпренгер

Международный институт

экономики и финансов (МИЭФ), ГУ ВШЭ, Москва

Государственная собственность в российской экономике

Часть 1.

Масштаб и распределение по секторам¹

В работе анализируется масштаб и распределение государственной собственности по отраслям в российской экономике. Описаны различные правовые формы государственных предприятий (ГП) в России. Приведены официальные данные об эволюции размера государственного сектора, где размер понимается как число ГП, их доля в занятости, основном капитале, инвестициях и промышленном производстве. Отмечены недостатки официальной классификации структуры собственности. Описано распределение ГП по отраслям и степень их интернационализации. Наконец, представлены данные по ГП, торгующимся на фондовой бирже, из которых складывается картина более заметного участия правительства в средних и крупных компаниях, чем можно судить по официальным данным. Во второй части (готовящейся к публикации в следующем номере этого журнала) обсуждаются проблемы управления и влияние государственной собственности на результаты деятельности предприятий.

Ключевые слова: **государственные компании, государственные корпорации, государственная собственность, национализация, корпоративное управление, Россия.**

Классификация JEL: D21, G32, G34, G38, P31.

1. Введение. Определение государственных предприятий

Несмотря на массовую приватизацию и последующие приватизационные программы в России в период 1990-х годов, государственные предприятия (далее ГП) продолжают играть важную роль в российской экономике. Этот феномен не является особенностью России – и в развитых, и в развивающихся странах есть нефтяные компании, банки а также части инфраструктурного сектора, контролируемые государством. В России, по крайней мере, в пяти важных секторах экономики доминируют ГП: инфраструктура (железнодорожный транспорт, трубы, ядерная энергетика), добыча полезных ископаемых (нефть и газ, бриллианты), военно-промышленный комплекс, финансовые услуги (банковский сектор, страхование, пенсионные фонды) и масс-медиа². Настоящая работа посвящена анализу масштабов государственного участия и его распределения по секторам российской экономики, обсуждению целей и проблем корпоративного управления ГП в России

¹ Предыдущая версия статьи представляет собой доклад для круглого стола ОЭСР, посвященного корпоративному управлению в ГП (Москва, 27–28 Октября, 2008 г.) под названием «Роль государственных предприятий в российской экономике». Автор благодарит участников круглого стола исследовательского семинара МИЭФ и анонимного рецензента за комментарии, а также Т. Долгопятову за обсуждение и предоставление дополнительных статистических данных из обследования предприятий ГУ–ВШЭ и Института экономических исследований Токийского университета Хитоцубаши.

² Эта классификация и соответствующие примеры приведены в статье (Нешадина, Кузнецов, Кашин, 2007).

и международному сопоставлению эффективности ГП в сравнении с частными компаниями.

Мы используем определение ГП, данное в нормативах ОЭСР по корпоративному управлению предприятий, находящихся в государственной собственности: ГП – это предприятия, в которых государство имеет существенную долю контроля через полный, мажоритарный или значимый миноритарный пакет акций. Мы называем государственным контролем участие правительства любого уровня, в частности, через пирамидальные структуры – прямое и косвенное владение федеральным, региональным или местным правительством (OECD, 2005). Существенная доля контроля обычно определяется как, по крайней мере, 10% голосующих акций в компании. Мы, однако, должны поправить это определение в соответствии с доступными источниками данных и используемых в них классификациях.

В последние годы политика управления государственной собственностью в российском правительстве преследовала цель консолидации существующего государственного участия в холдинговые компании за пределами топливного и энергетического секторов, увеличения доли в стратегических предприятиях до контролирующего уровня и приватизации миноритарных долей в нестратегических секторах³. Усилия российского правительства по стабилизации в ходе недавнего финансового кризиса (в частности, интервенции на фондовом рынке и обеспеченные займы) приведут к дальнейшему увеличению активов находящихся в собственности государства компаний. Политика усиления государственного сектора пользуется широкой поддержкой российского населения. В двух опросах населения, проведенных в 2006 г., от 37 до 52% респондентов ответили, что предпочли бы отменить итоги приватизации и оставить активы в государственных руках. Еще 13% (в обоих опросах) сказали, что предпочли бы видеть приватизированные фирмы национализированными, а затем реприватизированными в ходе более прозрачного процесса⁴.

По данным Федеральной службы статистики (Росстат), к началу 2007 г., 9% зарегистрированных фирм и организаций находились в полном государственном владении и 2% были в смешанной собственности, т.е. имели в качестве собственников и государственные, и частные компании; 21% капитальных инвестиций в 2007 г. был произведен полностью государственными компаниями и еще 10% – фирмами со смешанным владением. В терминах основного капитала 23% российской экономики принадлежит фирмам с мажоритарным государственным контролем. Однако, если посмотреть на крупнейшие российские компании, торгующиеся на российских или международных фондовых биржах, возникает другая картина. Согласно оценкам компании «Тройка Диалог» (Troika Dialog, 2008), федеральные и региональные власти контролировали примерно 40% рыночной капи-

³ См. п. 2.3 о юридическом определении стратегических секторов и предприятий в России.

⁴ Двумя другими предлагаемыми решениями были: оставить активы в руках сегодняшних владельцев, заставив заплатить их реальную стоимость или оставить их в руках сегодняшних владельцев без каких-либо штрафов (The Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) and the EBRD Life in Transition Survey). См. (Denisova et al., 2007).

тализации российского фондового рынка в конце 2007 г., по сравнению с 24% в 2004 г.

В разд. 2 приводится анализ размера государственного сектора в российской экономике. Мы начнем с обзора правовых форм ГП в п. 2.1. Официальные данные относительно доли ГП в российской экономике представлены в п. 2.2, а распределение по секторам анализируется в п. 2.3. В п. 2.4 представлены данные по интернационализации ГП. Разд. 2 завершается разделом, посвященным торгуемым ГП, который содержит анализ масштаба государственной собственности среди крупнейших российских компаний.

Вторая часть статьи (готовится к публикации) начинается с подраздела 3, где оценивается подход к анализу политики ГП и исследованию целей и методов корпоративного управления ГП. В п. 3.1 приводится комментарий относительно текущих тенденций в государственной политике по управлению публичной собственностью и приватизации, приводятся примеры недавних поглощений проведенных ГП, а также недавно созданных государственных холдингов. Также обсуждаются цели правительства в том виде, в котором они представлены в учредительных документах ГП или других правовых документах или публичных заявлениях. В п. 3.2 исследуются конкретные проблемы в корпоративном управлении ГП; приводятся статистические данные обследований, которые позволяют сравнить структуру государственного управления в государственных и частных компаниях. П. 3.3 посвящен исследованию недавно созданных государственных корпораций и их конкретных проблем в корпоративном управлении.

В целом в статье рассматриваются некоторые меры российского правительства, включая формирование крупных промышленных холдингов и разработку новой юридической формы собственности – государственной корпорации, которые, судя по всему, не способствуют достижению целей промышленного развития. Более того, учитывая огромный масштаб государственных субсидий, размещенных в некоторых из этих корпораций, и монопольное положение, полученное ими на некоторых рынках, можно сделать вывод о том, что предложенный уровень контроля и механизмы стимулирования их директоров и менеджеров явно недостаточны.

В разд. 4 обсуждаются результаты деятельности ГП в сравнении с частными. Анализу приватизационного процесса в России посвящено несколько исследований. Практически отсутствует и систематический анализ результатов деятельности оставшихся и недавно созданных ГП в России. Таким образом, мы приводим здесь только международную перспективу, рассматривая обзор эмпирических исследований по сравнению результатов работы ГП и частных компаний. В разд. 5 приводятся заключительные комментарии.

2. Тенденции изменения размера государственного сектора в российской экономике

2.1. Правовые формы ГП в России

В Гражданском кодексе РФ описываются все правовые формы предприятий, действующие на территории Российской Федерации. Государственные предприятия обычно зарегистрированы в виде одной из следующих правовых форм.

1. Акционерное общество (АО). Большинство АО в частичном или полном государственном владении инкорпорированы как открытые акционерные общества (ОАО). В некоторых случаях они принимают правовую форму закрытых акционерных обществ (ЗАО)⁵. Основное различие между ОАО и ЗАО состоит в необходимости согласия других акционеров на передачу собственности другим лицам и в меньшем объеме требований к раскрытию информации. Закон 1995 г. «Об акционерных обществах» служит основным законом их организации. ОАО обязаны публиковать квартальные и годовые финансовые отчеты, подвергаться внешнему аудиту, они могут быть подвержены банкротству в случае несоблюдения финансовых обязательств. Правовая форма ОАО дает предприятиям гибкость; в нем могут участвовать частные инвесторы. Форма ОАО позволяет привлекать капитал на рынках акций и облигаций. Примерами ОАО со стопроцентной государственной собственностью федерального правительства являются «Российские железные дороги», «Международный аэропорт Шереметьево» и «Объединенная судостроительная компания». Примеры ОАО с частичной государственной собственностью это Газпром, Роснефть, Сбербанк, Внешторгбанк (ВТБ), Аэрофлот и Транснефть. Акции этих компаний торгуются на российских и зарубежных фондовых рынках⁶.

2. Унитарные предприятия на федеральном, региональном или муниципальном уровне (ФГУП, ГУП и МУП соответственно). Основным законом, регулирующим их деятельность, является закон «О государственных и муниципальных предприятиях» (2002 г.). Унитарные предприятия не имеют долей собственности и полностью контролируются Российским правительством на соответствующем уровне. Унитарные предприятия имеют лишь ограниченные права в отношении их собственности, и многие типы транзакций должны получать одобрение соответствующих правительственных агентств, например Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество). Унитарные предприятия обычно не обязаны раскрывать финансовую информацию, но подвергаются аудиту Счетной палаты РФ. Примеры – Рособоронэкспорт, Почта России и Росспиртпром – холдинг производителей алкогольной продукции (в частности, водки). Российское правительство стремится сократить число унитарных предприятий, инкорпорировав их как АО, путем привати-

⁵ Только в немногих случаях государственные предприятия зарегистрированы как общества с ограниченной ответственностью (ООО).

⁶ В случае с Транснефтью, российским монопольным оператором нефтепроводов, на бирже зарегистрированы только неголосующие акции, но 100% голосующих акций находятся в руках федерального правительства.

зации, ликвидации или преобразуя их в предприятия Казначейства. Предприятия Казначейства работают исключительно на выполнение государственного заказа, обычно в секторе государственной обороны, и их число относительно невелико.

3. Третья правовая форма стала актуальной лишь недавно. В 2007 г. российское правительство создало шесть государственных корпораций. Каждая государственная корпорация учреждается отдельным законом. Статус государственной корпорации в Гражданском кодексе не определен непосредственно. Напротив, он развился как одна из форм некоммерческих организаций. Правительство играет роль основателя, переводя определенные активы в государственную корпорацию, но не берет на себя финансовых обязательств корпорации. Законодательство о банкротстве к государственным корпорациям не применимо, и их не контролирует Счетная палата РФ. К шести государственным корпорациям, учрежденным в 2007 г., относятся Внешэкономбанк, Роснано, Ростехнологии, Росатом, Олимпстрой и «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». Список существующих государственных корпораций завершает «Агентство по страхованию вкладов», основанное в 2003 г.⁷

Кроме того, государственные учреждения – еще один тип некоммерческих государственных организаций – выполняют государственные функции без передачи им собственности⁸. В отличие от государственных корпораций эти организации в большинстве случаев действительно являются некоммерческими⁹. К ним относится часть официальных статистических данных о государственных предприятиях, которые мы представляем в следующем разделе. Однако они не будут объектом внимания в данной работе.

2.2. Доля ГП в российской экономике

В данной работе мы используем несколько источников данных для оценки роли ГП в России, также как и их институтов корпоративного управления и результатов их деятельности: официальные данные Росстата, других правительственных ведомств, а также результаты обследования 822 предприятий, проведенного исследователями Высшей школы экономики и Института экономических исследований университета им. Хитоцубаши в Токио в 2005 г. (далее – исследование ВШЭ). В этом исследовании ГП определяются как предприятия с долей (любого размера), находящейся в руках государственных органов управления (любого уровня).

Что касается официальных статистических данных Росстата, необходимо предупредить о ряде факторов, которые следует учитывать при оценке доли ГП в российской экономике. Росстат классифицирует формы собственности предприятий следующим образом:

⁷ Первая государственная корпорация, Агентство по реструктуризации кредитных организаций (АРКО), основанная в 1999 г., была ликвидирована в 2004 г.

⁸ Они перечислены в § 120 Гражданского кодекса России. Конкретные формы государственных учреждений создаются и регулируются на основании специальных законов. Одним из их конкретных типов являются автономные учреждения (Закон «Об автономных учреждениях», 2006 г.). К ним относятся, например, некоторые университеты.

⁹ За исключением таких коммерческих действий государственных учреждений, как платное медицинское обслуживание или образовательные услуги.

- российское предприятие, находящееся в полной собственности государства¹⁰;
- российское предприятие, находящееся в смешанной государственной и частной собственности;
- российское предприятие, находящееся в частной собственности;
- иностранная форма собственности;
- смешанная иностранная и российская форма собственности.

Однако Росстат не дает точных долей собственности и их среднего распределения по фирмам. Эта классификация имеет ряд недостатков для оценки роли государственной собственности.

- Классификация Росстата отражает только непосредственную государственную собственность. Предприятия, находящиеся в собственности компании, контролируемой государством, считаются частными. Например, Газпромнефть: на 74% подразделение Газпрома будет считаться частной компанией, несмотря на то что Газпром и, следовательно, Газпромнефть полностью контролируются федеральным правительством.
- Поскольку Росстат не различает мажоритарные и миноритарные доли в категории внутренней, смешанной собственности, мы не можем определить, контролируются ли данные фирмы государством или нет.
- Категория смешанной внутренней и иностранной собственности может включать ГП, если у них также есть иностранные акционеры. Например, Газпром и Роснефть контролирует правительство, но в этих компаниях есть иностранные акционеры. Таким образом, они подпадают под эту категорию.

Учитывая эти тонкости, рассмотрим сначала долю ГП в общем числе зарегистрированных фирм и организаций в России. Информация основана на данных официальной регистрации юридических лиц. Фирмы и организации включают крупные и малые коммерческие фирмы, за исключением индивидуальных предпринимателей, некоммерческих организаций, а также государственных учреждений, если они зарегистрированы как самостоятельные юридические лица.

Доля фирм и организаций с участием государства (т.е. сумма государственной, муниципальной а также смешанной российской государственной и частной собственности) в 2007 г. составляла 11% и с тех пор несколько снизилась¹¹. В обследовании ВШЭ 2005 г. в 11,6% фирм была доля государственного участия и в 7,9% – регионального или муниципального. Доля фирм с участием правительства любого уровня составляла 17,7% (некоторыми фирмами владели и федеральные, и региональные/муниципальные правительства). Большая доля государственного участия в обследовании может объясняться тем, что ГП в России в среднем крупнее частных, а также секторальным распределением выборки ВШЭ. Медианное число сотрудников ГП в выборке

¹⁰ Согласно определению, государственное имущество – имущество, которое находится в собственности Российской Федерации (федеральное имущество), и имущество, принадлежащее Субъектам Российской Федерации.

¹¹ Как отмечалось ранее, правительство также может участвовать во владении фирмами со смешанной российской и иностранной собственностью.

было 880 млн чел., а в частных фирмах 414 млн чел., медианный объем продаж в ГП – 350 млн руб., а в частных фирмах – 195 млн руб. Таким образом, в этой выборке ГП приблизительно вдвое крупнее частных.

Анализируя долю частных российских компаний и организаций (табл. 1), можно отметить некоторый рост частной собственности с 2001 г. Более точная официальная информация доступна для числа фирм, находящихся во владении федерального правительства. В табл. 2 приводятся данные о числе федеральных унитарных предприятий и ОАО с государственным участием, а также о размере государственного пакета в этих ОАО. В ней также показано число компаний, в которых правительство наделено специальным правом, которое называется «золотая» акция. Это правило позволяет правительству назначить представителя в совет директоров даже в тех случаях, когда оно не владеет обыкновенными акциями, а также дает право накладывать вето на некоторые решения совета директоров. «Золотые» акции часто создавались в процессе приватизации на предприятиях стратегического значения.

Хотя число федеральных государственных унитарных предприятий с 2003 г. стабильно сокращалось, число ОАО с государственным

Таблица 1

Число зарегистрированных фирм и организаций с распределением по форме собственности

Показатели	1996	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Общее число фирм и организаций, в тыс.	2250	3346	3594	3845	4150	4417	4767	4507	4645	4772
В том числе по формам собственности, в %										
государственная	14,3	4,5	4,3	4,1	3,9	3,6	3,4	3,3	3,0	2,8
муниципальная	8,8	6,5	6,4	6,2	5,9	5,6	5,3	5,9	5,6	5,4
частная российская	63,4	75,0	75,8	76,9	78,0	79,2	80,5	80,7	82,5	83,3
общественные и религиозные организации	4,2	6,7	6,6	6,4	6,1	5,7	5,3	5,3	4,6	4,1
прочие формы собственности, включая смешанную российскую, иностранную, совместную российскую и иностранную	9,3	9,3	7,3	6,8	6,4	6,1	5,6	4,8	4,3	4,4
В том числе (среди прочих форм собственности)										
смешанная государственная и частная, российская						2,8	2,5	1,8		

Источник: (Росстат, 2003, 2009). Все данные приводятся на 1 января года.

Таблица 2

Собственность федерального правительства: унитарные предприятия, доли в АО и их размеры, «золотые» акции

Показатели	Январь 2001 г.	Январь 2002 г.	Июнь 2003 г.	Июнь 2004 г.	Июнь 2005 г.	Июнь 2006 г.	Январь 2007 г.	Январь 2008 г.
Число федеральных государственных унитарных предприятий	Нет данных	9394	9860	9222	8293	7178	6533	5709
Число АО с долей федерального правительства*	3524	4407	4205	3905	3524	3481	3816	3674
АО с долей федерального правительства в размере (в %)								
Менее 25%	49,5	51,5	51,1	49,9	43,8	30,5	24,4	21,0
От 25 до 50%	34,4	31,8	31,8	30,3	31,0	25,4	21,3	17,6
Более 50%, но меньше 100%	14,4	14,7	14,3	12,8	13,5	11,4	9,6	7,3
100%	1,7	2,0	2,8	7,0	11,7	32,6	44,6	54,1
Число компаний, в которых государство владеет «золотой» акцией (только)**			118	251	259	243	181	

Источники: (Правительство Российской Федерации, 2008, 2007, 2006, 2005; ИЭПП, 2008, гл. 5.1, табл. 4, 5 и 7), подготовленные на основе планов приватизации российского правительства в предыдущие годы.

* За исключением тех компаний, в которых государство владеет только «золотой» акцией (последняя строка).

** Указано число предприятий с «золотой» акцией федерального правительства, в которых оно не владеет обыкновенными акциями. Для 2001 и 2002 гг. доступно только общее число «золотых» акций, находящихся в собственности федерального правительства (542 – на 1 августа 2001 г. и 750 – на 1 января 2002 г.). Число фирм с «золотыми» акциями указано на 1 января 2003 и 2004 гг.

ным участием сократилось с 2002 до 2005 г., но в данный момент находится на уровне 2005 г. Обе тенденции объясняются продолжающимся процессом акционирования унитарных предприятий в ОАО со 100% долей правительства. В 2007 г. 368 унитарных предприятий были включены в план приватизации, но 254 из них не могли быть приватизированы в течение этого года¹². Это означает, что приватизация унитарных предприятий составляла лишь малую часть общего сокращения их числа в этом году.

Как показано в п. 2.1, в некоторых случаях правительство также старалось в последние годы выкупать ранее приватизированные фирмы и, в большинстве случаев, устанавливать мажоритарный контроль над этими предприятиями. В целом, данные табл. 2 отражают политику российского правительства в области приватизации миноритарных долей в фирмах из нестратегических секторов и установлению или поддержанию контроля над стратегическими активами. В 2008 г. 61% всех пакетов федерального правительства в ОАО составляли мажоритарные (превышающие 50%) по сравнению с 25,2% в 2005 г. и только 16% в 2001 г.

¹² (Правительство Российской Федерации, 2006; Росимущество, 2008).

Данные о размере государственных пакетов могут быть дополнены информацией из обследования ВШЭ 2005 г.: среди 93 фирм в выборке, принадлежащих федеральному правительству 32 (34,4%), были мажоритарными. Это отличается от ситуации, которая складывается в компаниях, где владельцами акций являются региональные или муниципальные органы власти. Из 63 таких компаний в выборке только в 10 (15,9%) этот пакет превышал 50%. Большинство пакетов регионального или муниципального правительства на самом деле представляли собой малые миноритарные пакеты (58,7 из них были меньше 10%), тогда как пакеты федерального правительства были меньше 10% лишь в 20,4% случаев.

Картина доли ГП станет более полной, если мы рассмотрим данные о доли предприятий с государственным участием в общей занятости, основном капитале, инвестициях и промышленном производстве. В табл. 3 приводятся данные о занятости за период с 1990 по 2008 г.

Доля людей, занятых в компаниях с государственной и смешанной (российской) собственностью, стабильно снижалась с 86% в 1990 г. до 38% в 2008 г. Стоит вспомнить, что категория «государственных» включает государственные учреждения, когда они представляют собой самостоятельные юридические лица, например университеты или больницы.

Таблица 3

Число занятых на предприятиях с разными формами собственности

Показатели	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Общая среднегодовая численность занятых, в тыс. чел.	75325	66330	64517	64980	65574	65979	66407	66792	67174	68019	68458
В том числе по формам собственности:											
государственная и муниципальная, в %	82,6	42,2	37,8	37,3	36,9	36,3	35,5	33,7	32,8	32,1	31,4
смешанная государственная и частная, российская, в %	4,0	22,2	12,6	11,6	9,6	9,3	8,5	7,8	7,2	6,7	6,3
частная, российская, в %	12,5	34,3	46,1	47,7	49,6	50,2	51,8	54,1	55,4	56,3	57,3
общественные и религиозные организации, в %	0,8	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,5
иностранная и совместная российская и иностранная, в %	0,1	0,6	2,7	2,6	3,1	3,5	3,5	3,8	4,0	4,3	4,5

Источник: (Росстат, 2003, 2009).

Таблица 4

Основной капитал – доли частной и государственной собственности*

Показатели	1990	1996	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Основные фонды (на начало года)	1834	13072	20241	24431	30329	2541	38366	43823	54246	60473
в том числе, %										
государственная собственность	91	23	26	27	30	23	23	23	25	24
частная собственность	9	77	74	73	70	77	77	77	75	76

*Данные за 1990 г. – в млн руб., 1996–2001 гг. – в трлн руб., 2002–2008 гг. – в млрд руб.

Источник: (Росстат, 2003, 2009).

Для определения доли ГП в совокупном капитале российской экономики, Росстат использует иную классификацию ГП. Тут государственная собственность охватывает государственные учреждения, государственные унитарные предприятия, а также предприятия с долей участия государства более 50% (прямой или косвенной). Основные фонды – средства, которые используются для производства товаров и услуг, например, строительства зданий, оснащения оборудованием, транспортными средствами и т.п. В табл. 4 представлены данные о доли государственных и частных компаний в общем объеме основных фондов российской экономики.

Взвешенное по основному капиталу присутствие государства в российской экономике на протяжении последних четырех лет осталось неизменным – приблизительно на уровне 23%. Эта картина подтверждается анализом капиталовложений в российскую экономику (табл. 5). Тут мы возвращаемся к исходной классификации полностью государственной, смешанной, частной, зарубежной и совместной иностранной и российской собственности.

Данные табл. 5 демонстрируют стабильное снижение доли ГП в капиталовложениях, хотя за последние годы этот процесс замедляется. Табл. 5 дает лучшее представление о государственной доле в корпоративном секторе российской экономики из всех, представленных до сих пор данных (с учетом оговорок, относящихся к уместности классификации собственности для измерения масштаба государственной собственности выше). Данные о капиталовложениях не пострадают от переоценки совокупного капитала, так как капиталовложения должны быть менее важны в государственных учреждениях, которые «отвечают» за значительную долю занятых.

В идеале хотелось бы измерить долю ГП в экономике как часть ВВП, которую они производят. К сожалению, эти данные в России недоступны. Официальная статистика предоставляет данные по промышленному производству, но только до 2004 г.¹³ В табл. 6 приводится классификация промышленного производства по формам собственности. Снова наблюдается снижение доли государства.

¹³ За 2005 и 2006 г. доступны показатели по производству в различных секторах. Некоторые из них приведены в п. 2.3.

Таблица 5

Капиталовложения по формам собственности

Показатели	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Инвестиции в основной капитал*	267,0	1165,2	1504,7	1762,4	2186,4	2865,0	3611,1	4730,0	6716,2	8764,9
В том числе по формам собственности, %										
государственная	31,3	23,9	22,1	20,2	21,0	17,1	18,8	17,5	17,7	17,4
муниципальная	6,3	4,5	4,9	4,7	4,3	4,1	3,8	3,8	4,4	4,1
смешанная государственная и частная, российская	46,2	27,8	21,6	18,6	17,4	15,5	12,9	12,0	11,1	9,8
частная российская	13,4	29,9	36,7	42,0	41,2	46,5	44,9	49,1	49,7	53,8
общественных и религиозных организации**	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1
иностранная	–	1,5	2,3	3,6	4,1	6,9	8,2	7,3	7,1	6,6
совместная российская и иностранная	2,7	12,2	12,2	10,7	11,8	9,7	11,2	10,1	9,8	8,2

* Данные за 1995 г. – в трлн руб., 2000–2008 гг. – в млрд руб.

** Включает потребительские кооперации.

Источник: (Росстат, 2003, 2009). Все данные приводятся на 1 января года.

Таблица 6

Доля промышленного производства по формам собственности

Показатели	1994	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Государственная	19,9	8,2	8,2	8,1	8,2	7,9	6,7
Муниципальная	1,6	1,2	1,1	1,2	1,3	1,4	1,3
Смешанная государственная и частная, российская	60,9	51	33,1	29,9	24,3	22,4	20,4
Частная, российская	15	29,6	41,1	43,2	43,8	45,2	47,2
Общественные и религиозные организации	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2	0,3	0,3
Иностранная и совместная российская и иностранная	2,4	9,8	16,3	17,3	22,2	22,8	24,1

Источник: (Росстат, 2003, 2009).

Подведем итоги: совокупные данные о числе компаний, занятости, основных фондах, капиталовложениях и промышленном производстве демонстрируют снижающуюся роль государства в российской экономике. Этот вывод противоречит широко распространенному представлению о том, что российское правительство в последние годы занимает более активную позицию в российской экономике. В п. 2.5 мы покажем, что масштаб государственной собственности существенно возрос в крупнейших российских компаниях.

2.3. Распределение ГП по секторам

В этом подразделе мы сначала представим отраслевое распределение российских государственных предприятий, а затем обратим внимание на некоторые сектора российской экономики, для того чтобы определить долю общего объема производства, которая приходится на ГП. В табл. 7 представлено распределение по отраслям предприятий с собственностью федерального правительства.

Самое большое число федеральных государственных предприятий сосредоточено в машиностроении. Большое число компа-

Таблица 7

Распределение по секторам ФГУП и АО с участием федерального правительства, на 1 января 2007 г.

Показатели	ФГУП		АО	
	единицы	%	единицы	%
Непроизводственные сектора (преимущественно услуги)	1670	25,6	405	10,1
Промышленность	1539	23,6	1797	45,0
Включая:				
машиностроение	634	9,7	632	15,8
легкая промышленность	179	2,7	29	0,7
промышленность строительных материалов	49	0,8	53	1,3
пищевая промышленность	51	0,8	127	3,2
металлургия	28	0,4	94	2,4
химическая промышленность	33	0,5	89	2,2
Другие сектора промышленности	565	8,6	773	19,3
Сельское хозяйство	826	12,6	534	13,4
Строительство	668	10,2	404	10,1
Транспорт и связь	536	8,2	353	8,9
Лесное хозяйство	49	0,8	88	2,2
Прочие отрасли	1245	19,1	416	10,4
Всего	6533	100,0	3997	100,0

Источник: (Правительство Российской Федерации, 2007).

ний с федеральной собственностью отмечается в сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте и в секторы коммуникаций, причем, их большая часть, судя по всему, представляют собой относительно небольшие предприятия. В данных по 2008 г. в прогнозном плане приватизации была использована другая отраслевая классификация. Эти данные представлены в табл. 8.

Число федеральных унитарных предприятий (ФГУП) в военно-промышленном комплексе в табл. 8 не указано (они отнесены либо к «промышленности и строительству» либо к «другое»). Мы, однако, знаем из списка стратегических предприятий¹⁴, что в этом секторе находится большое число ФГУП. К сожалению, статистические данные о доле участия в секторе не включают оценки доли компаний в общем объеме производства и в сфере обеспечения занятости. Тем не менее, если учитывать более крупные размеры компаний в промышленных секторах, можно наблюдать высокую долю топливно-энергетического сектора, а также военно-промышленного комплекса в числе предприятий с федеральным государственным владением.

Во многих правительственных планах и объявлениях относительно управления государственной собственностью появляются формулировки «стратегический сектор» и «стратегическое предприятие». Указ Президента, включающий перечень более тысячи стратегических предприятий, был выпущен в 2004 г. и с тех пор несколько раз в него вносились изменения. Этот документ нуждается в четком одобрении Президента для проведения приватизации и выпуска новых акций. Кроме того, Совет Федерации РФ в апреле 2008 г. одобрил «Закон о порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные

Таблица 8

Распределение по секторам ФГУП и АО
с участием федерального правительства, на 1 января 2008 г.

Показатели	ФГУП		АО	
	единицы	%	единицы	%
Непроизводственные сектора (преимущественно услуги)	1151	20,2	638	17,4
Промышленность и строительство	1744	30,5	695	18,9
Топливо-энергетический комплекс			597	16,2
Военно-промышленный комплекс			586	15,9
Сельское хозяйство	618	10,8	761	20,7
Лесное хозяйство	37	0,6		
Транспорт и связь	409	7,2	397	10,8
Прочие отрасли	1750	30,7		
Всего	5709	100,0	3674	100,0

Источники: (Правительство Российской Федерации, 2008).

¹⁴ Список стратегических предприятий приводится в п. 2.4.

общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Закон включает перечень стратегических секторов, в которых иностранные инвесторы должны получать разрешение на приобретение контрольного пакета акций компании. Список в основном включает сектора, которые имеют стратегическое значение: военно-промышленный комплекс, производство, транспортировка и хранение радиоактивных материалов, разведка и добыча полезных ископаемых на участках недр федерального значения вплоть до радио и телевизионного вещания и издания газет с тиражом более миллиона экземпляров. Существование и содержание подобного списка может оказаться преградой для осмысленной приватизационной политики российского правительства в дальнейшем.

Перейдет к анализу доли ГП в выпуске некоторых отраслей. Росстат приводит данные о доле производства компаний различных форм собственности в разных секторах экономики. К сожалению, данные до и после 2004 г. едва ли сравнимы, поскольку Росстат в 2005 г. перешел на новую классификацию отраслей. В 2007 г. доля предприятий, полностью находящихся в государственной собственности или в смешанной собственности, в общем объеме производства составляла 18,4% в обрабатывающей промышленности, 15,6 – в добыче энерго-ресурсов, 20,7 – в производстве топлива, 10,9 – в металлургии и 22,2 – в химической отрасли. Все эти доли оставались примерно на том же уровне или немного снижались с 2005 г.

Росстат не предоставляет данных о распределении собственности в банковском секторе. В (Vernikov, 2007) приводится оценка доли контролируемых государством банков в общих активах на 1 января 2006 г. (в 45%). Четыре крупнейших банка – Сбербанк, Внешторгбанк (ВТБ), Газпромбанк и Банк Москвы – все государственные – составляют основную часть этой доли: все вместе в 2006 г. они владели 41% общих активов. Остальные активы принадлежат иностранным банкам (около 10%), несколько таких крупных российских банков, как Альфа-банк, Уралсиб, Русский Стандарт и МДМ Банк, и сотни малых банков регионального значения. Ожидается, что в ходе текущего финансово-го кризиса государственная доля в банковском секторе вырастет.

2.4. Интернационализация ГП

В последние годы мы стали свидетелями резкого увеличения внешних прямых иностранных инвестиций (ВПИИ) из России. Объем ВПИИ увеличился с 20 в 2000 г. (7,8% ВВП) до 255 млрд долл. в 2007 г. (19,8% ВВП)¹⁵. Однако стоит отметить, что официальная статистика прямых иностранных инвестиций смешана с транзакциями между российскими компаниями и аффилированными с ними оффшорными компаниями¹⁶. Однако увеличение ВПИИ отражает реальную тенденцию, как показывает рост зарубежных активов крупнейших российских компаний. В (Ehrstedt, Vahtra, 2008; Skolkovo, 2007) приведены списки

¹⁵ По данным (UNCTAD, 2008).

¹⁶ Среди основных получателей и инвесторов этих потоков регулярно присутствует Кипр, основное месторасположение оффшорных компаний, контролируемых российскими бизнес-группами.

крупнейших многонациональных компаний. Большая часть этих компаний работают в нефтегазовом секторе, отраслях металлургии и добычи. В обоих списках доминируют российские компании с частными владельцами, а Лукойл является российской компанией с наибольшим числом зарубежных активов. Газпром в обоих списках находится среди трех основных российских многонациональных компаний. Зарубежные активы Газпрома составляют приблизительно 5% общих активов и включают инвестиции вниз по производственной цепочке в Западной Европе и производство газа и нефти в странах СНГ. Компания поставляет приблизительно треть всего газового импорта Западной Европы. Недавние зарубежные приобретения Газпрома включают 51%-ный пакет в сербской энергетической компании Naftna Industrija Srbije (NIS), дистрибьютора нефти и газа и оператора нефтеперерабатывающих заводов, и белорусской газовой транзитной и распределительной компании Белтрансгаз. Крупнейшая российская государственная нефтяная компания Роснефть осуществляет свою деятельность в основном на внутреннем рынке и рынке СНГ. В сентябре 2007 г. полностью государственная компания Зарубежнефть завершила процесс 12-кратного увеличения своего уставного капитала для финансирования совместного предприятия с вьетнамской компанией PetroVietnam. В 2008 г. она приобрела четыре оффшорных месторождения в Ненецком автономном округе для совместной разработки с вьетнамским партнером. Список и данные в (Skolkovo, 2007) также включают две государственных транспортных компании Совкомфлот и Новошип в число десяти крупнейших российских многонациональных компаний. Со времени составления списка компании подверглись слиянию.

Согласно данным Росстата, продукты добычи составили почти 70% российского экспорта в 2008 г., по сравнению с 58% в 2004 г. Существенная часть этого экспорта приходилась на государственные компании нефтегазового сектора. В соответствии с агрегированными данными российского экспорта экспортно-импортная активность промышленных и телекоммуникационных компаний из обследования ВШЭ оказалась более скромной. Средняя доля экспорта в общих продажах ГП¹⁷ составляла приблизительно 6,5% в 2004 г. Их средняя доля импорта в общих издержках составляла приблизительно 5,6%. Показатели частных компаний отличаются несущественно. Кроме того, компании-респонденты отмечали, что не ощущают серьезной конкуренции со стороны иностранных компаний.

Несколько крупных ГП имеют зарубежных акционеров. Например, представитель немецкой компании из отрасли энергетики «E.ON Ruhrgas AG» является членом совета директоров Газпрома. Глава государственного холдинга «Объединенная авиастроительная корпорация» обнародовал планы привлечения частного капитала, в частности, зарубежного. Как отмечалось в п. 2.3, закон об иностранных инвестициях в предприятия стратегического значения вводит ограничения на

¹⁷ Для данных обследования о международной торговле и конкуренции мы использовали определение ГП, если доля правительства составляет не менее 10%.

иностранные владения мажоритарным пакетом акций некоторых российских государственных предприятий. Частные зарубежные владельцы не могут получать превышающую 50% долю голосующих акций без специального разрешения. Для иностранных правительств, международных организаций или организаций, находящихся под их контролем, установлен порог в 25% голосующих акций. Список стратегических отраслей в законе включает производство вооружений и военных технологий (что относится преимущественно к государственной корпорации Ростехнологии), авиастроение («Объединенная авиастроительная корпорация», ОАК), использование ядерной энергии (Росатом).

Российские банки и корпорации активны на международных рынках капитала – они выпускают еврооблигации, и депозитарные расписки на их акции торгуются на международных фондовых биржах. Первичное размещение акций Роснефти было проведено на Лондонской фондовой бирже, а не в России. Согласно обследованию ВШЭ–ГУ, 30% ГП разместили свои ценные бумаги (акции, облигации, еврооблигации) на зарубежных фондовых биржах, по сравнению с 9% частных фирм.

2.5. Торгуемые ГП

Российский фондовый рынок в последние годы быстро рос и в отношении числа разместивших свои ценные бумаги, и в отношении совокупной рыночной капитализации, хотя недавнее падение рынков отбросило индексы РТС и ММВБ на уровень 2004 г. Не только акции российских компаний торгуются на двух основных российских торговых площадках – РТС и ММВБ, но депозитарные расписки торгуются в Нью-Йорке, Лондоне и Франкфурте. В конце 2007 г. акции 302 эмитентов торговались на РТС – по сравнению с 261 в 2005 г. Однако большинство из них торгуются нечасто. Число регулярно торгуемых акций составляет приблизительно 150¹⁸. Рыночная капитализация всех акций, торгуемых на РТС к концу 2007 г., составила 1329 млрд долл., по сравнению с 329 млрд долл. в 2005 г.

Согласно оценкам инвестиционного банка «Тройка Диалог» (Troika Dialog, 2008), федеральные и региональные власти контролировали приблизительно 40% рыночной капитализации российского фондового рынка в конце 2007 г., по сравнению с 24% в 2004 г. Для такого роста есть несколько причин.

- В некоторых случаях миноритарные пакеты акций правительства увеличились до контролирующего уровня, например в случае Газпрома.
- Предприятия, которые находились в частной собственности, были приобретены государственными предприятиями. Например, Роснефть стала основным покупателем активов бывшей крупнейшей российской нефтяной компании ЮКОС, чьи активы продавались с аукциона после взыскания Федеральной нало-

¹⁸ Число регулярно торгуемых акций из списка 200 крупнейших компаний по рыночной капитализации составленного рейтинговым агентством «Эксперт-Рейтинг».

говой службой огромной задолженности по выплате налогов. Другие примеры приведены во второй части данной статьи.

- Такие крупные компании, как Роснефть и Внешторгбанк (ВТБ), были выпущены на рынок посредством первичного размещения. Размещение Роснефти в 2006 г. сделало ее второй российской компанией по рыночной капитализации¹⁹.

В то же время доля частных владельцев (основных акционеров и стратегических инвесторов) упала с 50 (в 2004 г.) до 33% (в 2007 г.). Доля публичных акционеров (акции в свободном обращении) оставалась стабильной. Высокая доля ГП в общей рыночной капитализации объясняется их размером, который упрощает для них несение издержек, связанных с размещением на фондовых биржах.

Проанализируем более подробные данные о государственной собственности в крупнейших компаниях (табл. 9). Мы сравниваем рыночную капитализацию крупнейших ГП между 2004 и 2008 г. Данные в табл. 9 основаны на рейтинге 200 крупнейших российских компаний по рыночной капитализации, проведенном рейтинговым агентством «Эксперт-Рейтинг». В табл. 9 также указаны размеры пакетов акций, принадлежащих федеральным и региональным органам управления, напрямую или косвенно через другие ГП²⁰.

В соответствии с расчетами внизу табл. 9, доля общей рыночной капитализации, относящейся к десяти крупнейшим ГП, выросла с 31,4 до 47,5%. Эти показатели даже превышают процитированные выше данные компании «Тройка Диалог». Существует ряд причин, по которым эти данные все же преуменьшают роль государства в крупнейших российских компаниях: во-первых, приведены были только 10 крупнейших ГП. Во-вторых, не были учтены торгуемые компании с миноритарными государственными пакетами. Например, в 2008 г. Газпром владел 19,3% пакета Новатек, а региональное правительство Татарстана владело 32% и «золотой» акцией Татнефти. В-третьих, будем помнить о том, что в табл. 9 включены только крупнейшие зарегистрированные на бирже компании, находящиеся под государственным контролем. Согласно рейтингу «Эксперт-Рейтинг», 400 крупнейших российских компаний по объему выпуска, мы видим в 2008 г. «Российские железные дороги» (3 место, 100% голосующих акций у государства) и Транснефть (17 место, 100% голосующих акций у государства) среди 20 крупнейших российских компаний.

Согласно данным компании «Тройка Диалог» (Troika Dialog, 2008), секторы с наивысшей долей государства в торгуемых компаниях – банковский (64%), обрабатывающая промышленность (53%), нефтегазовая отрасль (47%), телекоммуникации (47%), энергетические компании (37%) и транспорт (30%). Следует отметить, что только на

¹⁹ Согласно списку «Эксперт-Рейтинг» (см. сноску 17), размещение Роснефти, так же как размещение Внешторгбанка и вторичное размещение Сбербанка в 2007 г., назывались народными IPO, так как акции были проданы большому числу людей.

²⁰ Почти во всех случаях итоговый владелец это федеральное правительство. Региональные правительства владеют крупными долями в Банке Москвы и Башнефти, а также федеральное и московское правительства владеют мажоритарным пакетом в Мосэнерго.

Таблица 9

Рыночная капитализация десяти крупнейших компаний, контролируемых государством, согласно рейтингу «Эксперт-Рейтинг», 2004 и 2008 г.

На 1 сентября 2004 г.				На 1 сентября 2008 г.			
Место	Название компании	Рыночная капитализация, млн долл.	Доля государства, %	Место	Название компании	Рыночная капитализация, млн долл.	Доля государства, %
1	Газпром	46660	38,0	1	Газпром	236187	50,1
7	РАО ЕЭС	10884	53,8	2	Роснефть	92968	84,6
9	Сбербанк	7431	60,6	4	Сбербанк	51058	60,6
15	Мосэнерго	3220	95,3	9	Газпром Нефть	22787	73,7
21	Ростелеком	1469	50,7	12	Внешторгбанк (ВТБ)	18823	77,5
22	Уралсвязьинформ	1153	57,8	15	РусГидро	16738	60,4
23	Аэрофлот	1142	51,2	22	Ростелеком	8349	50,7
25	Роснефть-Пурнефтегаз	1015	82,0	23	ФГС ЕЭС	6377	77,7
33	Волга Телеком	679	51,0	26	Банк Москвы	5531	44,0
34	Башнефть	664	63,7	32	Мосэнерго	4043	60,5
	Рыночная капитализация 10 крупнейших государственных предприятий	74317			Рыночная капитализация 10 крупнейших государственных предприятий	462861	
	Общая рыночная капитализация	237014			Общая рыночная капитализация	975098	
	Доля 10 государственных предприятий, %	31,4			Доля 10 государственных предприятий, %	47,5	

Примечание. Государственный контроль – это когда государство владеет мажоритарным пакетом акций или когда в совете директоров большинство представителей назначено государством. Количество государственных акций отражает наличие прав на осуществление контроля. Например, Газпром контролируется государством и в настоящее время владеет 73,7% акций Газпром Нефть. Таким образом, государство контролирует 73,7% акций «Газпром Нефть».

топливный сектор (преимущественно нефть и газ) приходится более 50% рыночной капитализации. Доля государства в нефтегазовой отрасли и обрабатывающей промышленности увеличивалась в течение последних трех лет (нефтегазовая отрасль – с 32 до 47% и обрабатывающая промышленность – с 12 до 53%), в то время как доля участия государства в энергетических компаниях резко сократилась (с 52 до 37%) в связи с реорганизацией РАО ЕЭС. Таким образом, данные, представленные в этом подразделе, указывают на рост контроля правительства над крупнейшими российскими предприятиями.

Литература

- ИЭПП (2008): Российская экономика в 2008 году: Тенденции и перспективы. Глава 5.1 «Состояние отношений собственности, государственный сектор и приватизация» / Г. Мальгинов, А. Радыгин (авторы); глава 5.2 «Создание государственных корпораций как значимый элемент институциональной политики в 2007 г.» / М. Кузык, Ю. Симачев (авторы). М.: Институт экономики переходного периода.
- Нещадин А., Кузнецов О., Кашин В.** (2007): Российская экономика: Тенденции огосударствления // *Общество и экономика*. № 8. С. 3–27.
- Правительство Российской Федерации (2008): Прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества на 2009 г. и основные направления приватизации федерального имущества на 2010–2011 гг. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.fpf.ru/sale.aspx?CatalogId=102827>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).
- Правительство Российской Федерации (2007): Прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества на 2008 г. и основные направления приватизации федерального имущества на 2008–2010 гг. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.fpf.ru/sale.aspx?CatalogId=102827>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).
- Правительство Российской Федерации (2006): Прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества на 2007 г. и основные направления приватизации федерального имущества на 2007–2009 гг. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rg.ru/2006/09/05/privatizacia-dok.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).
- Правительство Российской Федерации (2005): Прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества на 2006 г. и основные направления приватизации федерального имущества на 2006–2008 гг. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/09/06/programma-dok.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).
- Росимущество (2008): Отчет о приватизации федерального имущества в 2007 году [Электронный ресурс] Федеральное Агентство по управлению федеральным имуществом. Режим доступа: <http://www.fpf.ru/sale.aspx?CatalogId=124214>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).
- Росстат (2003): Российский статистический ежегодник, 2003. [Электронный ресурс] Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1135087342078, свободный. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).
- Росстат (2009): Российский статистический ежегодник, 2003. [Электронный ресурс] Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа:

http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1135087342078, свободный. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).

Эксперт Рейтинговое агентство (2004): Список крупнейших компаний по рыночной стоимости (капитализации), 2004 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gaexpert.ru/ratings/expert400>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).

Эксперт Рейтинговое агентство (2008): Список крупнейших компаний по рыночной стоимости (капитализации), 2008 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gaexpert.ru/ratings/expert400/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).

Denisova I., Eller M., Frye T., Zhuravskaya E. (2007): Who Wants to Revise Privatization and Why? Evidence from 28 Post-Communist Countries, CEFIR Working Paper № 105. Режим доступа: <http://cefir.ru/index.php?l=rus&id=35&yf=2007>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: май 2010 г.).

Ehrstadt S., Vahtra P. (2008): Russian Energy Investments in Europe, Electronic Publications of the Pan-European Institute 4/2008 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.tse.fi/pei/>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010 г.).

OECD (2005): Guidelines on Corporate Governance in State-owned Enterprises, OECD Publishing [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.oecd.org/document/33/0,3343,en_2649_34847_34046561_1_1_1_37439,00, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010 г.).

Skolkovo (2007): Russian Multinational Bullish on Foreign Markets, Press release on the ranking of Russian multinational enterprises by Skolkovo Moscow School of management and The Columbia Program on International Investment. December 11 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.skolkovo.ru/images/stories/book/SKOLKOVO_PRESS-RELEASE_071210_TOP_25_RANKINGS_Eng.pdf, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010 г.).

Troika Dialog (2004): Risk Profiles of Russia's Largest Companies. Troika Dialog Research, Moscow.

Troika Dialog (2008): Who Owns Russia? Corporate Governance Annual 2008. Troika Dialog Research. Moscow.

UNCTAD (2008): World Investment Report 2008 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.unctad.org/Templates/Page.asp?intItemID=1465/>, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010 г.).

Vernikov A. (2007): Russia's Banking Sector Transition: Where To? BOFIT Discussion Paper № 5/2007 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.bofit.fi/bofit_en/tutkimus/tutkimusjulkaisut/dp/2007/dp0507.htm, свободный. Яз. англ. (дата обращения: май 2010 г.).

Поступила в редакцию 10 ноября 2009 г.

C. Sprenger
State University - Higher School of Economics,
Moscow

State Ownership in the Russian Economy.

Part 1.

Its Magnitude And Sectoral Distribution

This article analyzes the extent and sectoral distribution of state ownership in the Russian economy. The different legal forms of state-owned enterprises (SOEs) in Russia are described. Official data on the evolution of the size of the state sector is provided, where the size is measured by the number of SOEs, their share in employment, fixed assets, investment and industrial production. Shortcomings of the official ownership classification are highlighted. Next, the sectoral distribution of SOEs and the degree of their internationalization is described. Finally, data on the SOEs that are listed on the stock market is presented. It gives a picture of a much stronger involvement of the government in medium and large sized companies than what can be inferred from the official data. In a second part (to be published in the next issue of this journal) the governance problems and performance effects of state ownership are discussed.

Keywords: state-owned enterprises, state ownership, nationalization, corporate governance, state corporation, Russia.

JEL Classifications: D21, G32, G34, G38, P31.

Горячая тема

Круглый стол:
Экономический кризис
и социальная политика

Е.Ш. Гонтмахер
К.И. Микульский
Р.И. Капелюшников
И.В. Соболева
С.В. Калашников
Т.В. Чубарова
Л.С. Ржаницына
Л.С. Дегтярь
М.И. Воейков
А.Ю. Шевяков
Ю.Г. Павленко
Л.И. Якобсон
А.Я. Рубинштейн

Эта тема стала предметом обсуждения на круглом столе, который был организован журналом Новой экономической ассоциации 12 ноября 2009 г. (модераторы: первый заместитель директора ИЭ РАН, профессор А.Я. Рубинштейн и первый проректор ГУ ВШЭ, профессор Л.И. Якобсон).

Е.Ш. Гонтмахер

ИМЭМО РАН, Москва

Социальная проекция экономического кризиса

Резкое ухудшение макроэкономической ситуации во второй половине 2008 г. оказалось неожиданным вызовом проводимой в России социальной политики. Дело в том, что эта политика в «тучную» нефтегазовую пору характеризовалась двумя основными институциональными принципами:

- использованием накопленных финансовых резервов для гашения даже минимальных признаков социального недовольства (многочисленные индексации пенсий, приоритетные национальные проекты, разветвленная система федеральных трансфертов в региональные бюджеты);
- нежеланием проводить давно назревшие реформы во всех основных сферах социальной жизни, вытекающим из предыдущего пункта.

Первая реакция властей на надвигающийся кризис, как известно, заключалась в том, что «Россия – островок стабильности». Иными словами, ничего менять не нужно, в том числе в социальной политике. Однако по мере нарастания проблем пришло понимание того, что ситуация начинает обостряться.

И первый сигнал пришел с рынка труда: многие предприниматели, попавшие в очень непростое финансовое положение, начали массово сокращать свой персонал. Специфическая российская реакция – применение мощного административного ресурса для воспрепятствования этой тенденции. Руководители регионов при поддержке федерального правительства стали оказывать давление на предпринимателей («кнут») вместе с выделением нескольких

Кроме участников состоявшейся дискуссии, редакция Журнала предоставила возможность высказаться на данную тему и ряду других специалистов в области социального развития и социальной политики, которые по объективным причинам не смогли принять непосредственное участие в работе круглого стола.

десятков миллиардов рублей на поддержку искусственной занятости людей по месту их работы («пряник»). Фактически *произошел переход к общественным работам не безработными, а людьми, которые таковыми официально не являлись.*

Качество такой занятости крайне низкое – это самые неквалифицированные работы (например, уборка и благоустройство заводских территорий), и, главное, она все равно является временной, так как и у государства финансовый ресурс ограничен (особенно в 2010–2011 гг.), и работодателю, чтобы выжить и остаться конкурентоспособным, так или иначе приходится увольнять лишний персонал. А если это не удастся, то используется испытанный метод – переход на сокращенный рабочий день или сокращенную рабочую неделю, прямое снижение размера оплаты труда. Работники на это, как правило, согласны из-за того, что у них нет выбора: новые рабочие места не создаются из-за закупорки инвестиционного процесса. По официальным данным, примерно треть зарегистрированных безработных ищет работу более 1 года. К этому добавим низкий уровень территориальной мобильности людей из-за огромных различий в условиях и качестве жизни даже внутри одного региона.

Вторым сигналом стал возникший бюджетный дефицит и в целом появившееся ограничение в размере бюджетных расходов. В сложившейся ситуации были возможны два варианта выхода: прямой секвестр социальных расходов; сохранение уровня социальных расходов за счет перераспределения между бюджетными статьями при неизменном бюджетном дефиците.

И здесь реакция властей оказалась весьма специфичной. Бюджетные расходы на прямые денежные выплаты (прежде всего пенсии) были существенно повышены – в частности, с 1 января 2010 г. пенсии были увеличены в среднем примерно на 25–30%. Были проиндексированы и все пособия, выплачиваемые в связи с беременностью и родами, материнский капитал, а с 1 апреля 2010 г. в результате индексации были еще раз увеличены пенсии. Все это происходит на фоне официальных прогнозов о том, что в лучшем случае только в 2012 г. объем ВВП вернется на докризисный уровень.

Смысл этих действий понятен: успокоить электорат в преддверии политического цикла 2011–2012 гг. Остается вопрос, будут ли ресурсы для сохранения достигнутого уровня социальных выплатных обязательств (примерно 10% ВВП). Рост российской экономики по-прежнему зависит от мировой конъюнктуры на сырьевой экспорт. С учетом же опыта падения цен в конце 2008 г. и, что более важно, возможной перестройки мировой экономики в пользу ограничения потребления сырья оснований для позитивного ответа не так уж много. Возникнет вероятность социальной нестабильности и открытых протестов в связи с невыплатой пенсий и пособий.

Власти готовятся к такому развитию событий, не рассчитывая уже на возникновение устойчивого экономического роста на базе диверсификации экономики. Что же они планируют? Во-первых, внешние заимствования; во-вторых, повышение социальной нагрузки на бизнес; в-третьих, ползучее снижение расходов на немонетарные социальные цели (прежде всего образование, здравоохранение, культура) и перераспределение высвобожденных средств на выплату пенсий и пособий.

Что касается внешних заимствований, то это отдельная тема, выходящая за рамки этой короткой статьи. Повышение социальной нагрузки на бизнес уже законодательно закреплено. Как известно, с 1 января 2011 г. общий размер обязательных страховых взносов возрастает с 26 до 34%. Робкая попытка Министерства финансов (которое понимает, что повышение тарифа далеко не всегда приводит к увеличению абсолютных размеров поступлений) снизить этот уровень до 32% окончилась неудачей. Но реакция бизнеса на грядущие изменения заранее известна: либо уход заработной платы в тень, либо снижение той части вознаграждения, которая будет выдаваться на руки работнику для компенсации повышения

страховых выплат. Итог понятен: увеличение страховых сборов если и произойдет, то далеко не в той степени, на которую надеются власти. При этом развитию предпринимательства (в чем Россия остро нуждается) будет нанесен несомненный ущерб.

И, наконец, о ползучем снижении бюджетных расходов на образование, здравоохранение и культуру. Оно фактически уже происходит в федеральном бюджете на 2010 г. как через соответствующие ведомственные статьи, так и через снижение объемов субвенций регионам. Но на долгосрочную перспективу будет применен более совершенный механизм. Речь идет о фактической институциональной реформе, очередной толчок которой дал недавно принятый закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Указанный закон предусматривает введение с 1 января 2012 г. государственного задания по оказанию бесплатных социальных услуг и расширяет возможности автономных учреждений по коммерческой деятельности по своему основному профилю. Законом предполагается перейти от смет к оплате деятельности бюджетных учреждений через субсидии в зависимости от объема предоставленных услуг. А сколько и каких – определяет собственник в своем государственном задании. Собственно, это и есть квинтэссенция закона.

Если этот закон будет все-таки введен с 1 января 2012 г., то в условиях бюджетного дефицита и нехватки средств на социальные нужды невозможно будет обеспечить «достаточный и достойный» (как сказано в законе) набор услуг. И, по сути, ситуация не изменится. Будет только то, что уже имеется, но только «вид сбоку». А поскольку бюджетным учреждениям разрешат заниматься коммерческой деятельностью, то число платных услуг, предоставляемых не в дополнение, а вместо бесплатного набора, действительно может увеличиться, что приведет к еще меньшей доступности медицины и образования для широких кругов нашего в целом небогатого населения.

Все вышесказанное подводит к выводу: реакция на кризис российских властей пока не адекватна масштабу проблем, стоящих перед страной. Это создает очень высокую вероятность дальнейшего ухудшения социального положения основной массы населения, снижения качества человеческого капитала нашей страны.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

К.И. Микульский

Международный научно-исследовательский институт социального развития

Российская общественная система как главное препятствие для проведения эффективной социальной политики

Вопрос, какая антикризисная программа нам нужна, необходимо рассматривать в аспекте более масштабного вопроса – как должна измениться вся социально-экономическая и общественно-политическая система России? Измениться так, чтобы страна смогла разрешить судьбоносные проблемы модернизации экономики и государственных институтов, перейти к новой структуре народного хозяйства, эффективно и устойчиво экономическому росту и начать создавать социально благополучное общество. Как бы ощутимо ни было влияние мирового финансово-экономического кризиса на Россию, ее развитие затруднено, главным образом, хроническим отсутствием прогресса в решении внутренних проблем, нарастанием внутренних противоречий. Это ясно уже практически всем. Очевидно и то, что пока не наблюдается реального продвижения по пути их разрешения. К тому же для России мировой кризис в гораздо меньшей степени, чем для многих развитых стран, служит фактором, побуждающим направить усилия на рационализацию экономики и перевод ее на более высокую степень развития, а также на адаптацию человеческого потенциала к новым объективным требованиям.

Главная особенность России заключается в том, что, осуществляя постсоциалистическую трансформацию своей общественной системы, она не смогла (точнее, ее правящие круги не захотели) освоить принципы и механизмы современного развитого общества – с конкурентной экономикой и демократическим политическим устройством. Российская политическая элита при пассивной позиции (равнозначной попустительству) консервативного и дезориентированного подавляющего большинства общества построила специфическую модель капитализма, в значительной мере свободную от экономической и политической конкуренции, давления критериев экономической эффективности, влияния социальных требований населения, какого-либо реального воздействия практически отсутствующего (или пребывающего в зародышевом состоянии) гражданского об-

щества. Несмотря на отдельные позитивные коррективы, время от времени вносимые властью в российскую общественную жизнь, безусловно, доминируют усилия власти, направленные на консервацию сложившейся асоциальной общественной системы, а подчас – и усилению ее негативных черт. И отчетливой перспективы отхода России от этой модели капитализма пока не просматривается.

Реализации социальных функций государства препятствуют многие факторы. В первую очередь, следует назвать высокую степень независимости государственной бюрократии от общества, неподконтрольность государственных органов обществу, равно как и политическую незрелость и пассивность населения, его широко распространенную готовность смириться с действиями власти, противоречащими потребностям общества. Вместе с тем практика свидетельствует и о том, что власть в определенных случаях способна маневрировать, пойти навстречу некоторым социальным требованиям, когда она ощущает нарастание социального протеста и считает целесообразным тем или иным способом погасить его. Правда, при этом обычно мало внимания уделяется устранению причин такого протеста, поскольку во многих случаях преодоление вызвавших его негативных социальных процессов может затронуть основы сложившейся общественной системы.

Наиболее существенное препятствие сильной социальной политике – специфическая система формирования и перераспределения доходов населения. Ее типичные черты: большая доля противозаконных, прежде всего коррупционных, способов получения доходов в формировании личного имущества элиты, особенно среди высокостатусных слоев общества (что послужило одним из главных условий распространения коррупции и среди массовых групп населения); необычная для большинства стран, экстремально высокая, имущественная дифференциация населения, значительно превышающая официальные данные; огромные масштабы извлечения теневых доходов. Нельзя не упомянуть о переводе капиталов на счета

в иностранные банки и другие формы вывода их за границу, в том числе в качестве мер защиты от неправомερных действий государственной бюрократии, использование офшорных зон в явно незаконных целях.

Чаще всего проблему реформирования системы распределения сводят к необходимости ввести прогрессивное налогообложение. Однако власть до сих пор настаивает на неприемлемости такого налогообложения, выдвигая множество аргументов, – от ссылок на угрозу утайки доходов до опасности возвращения к левацким лозунгам «все отобрать и разделить». Последнее утверждение относится в современных условиях к явной демагогии. Что же касается опасений сокращения сбора налогов после введения плоской шкалы, то это зависит прежде всего от дееспособности налоговых органов. Кстатии, заслуживают дополнительного анализа утверждения, что именно плоская шкала обеспечивала рост поступлений налогов в государственный бюджет. Следует учитывать, что немалую роль сыграло в тот период возобновление экономического роста в стране.

Нельзя обойти вниманием и другой вопрос: какую роль в процессе распределения доходов должны играть критерии социальной справедливости? Здесь я не говорю о необходимости устанавливать зависимость доходов от результатов трудовой деятельности. Я имею в виду соотношение доходов различных социальных групп с учетом требований социальной солидарности. Очевидно, что доходы элиты не могут полностью отрываться от экономического и социального положения общества в целом, – их следует корректировать с учетом поддержки социально слабых слоев населения. Вполне очевидно, что нынешнее российское общество по некоторым важным вопросам распределения доходов менее полно отвечает общественным потребностям, чем советский псевдосоциализм последних десятилетий XX в., хотя и тогда система распределения имела много пороков, начиная от вредной «уравниловки» в сфере массового распределения и кончая практически полным государственным обеспечением номенклатуры (правда, по нынешним меркам это «обеспечение» было очень скромным, но и его тщательно скрывали от населения).

Рассматривая перспективы модернизации экономики и других сфер жизни рос-

сийского общества (когда эти перспективы появятся), следует обратить особое внимание на то, что процесс модернизации потребует немалых усилий со стороны государства и граждан. Он будет связан с большими затратами, начиная от финансовых затрат государства и бизнеса и кончая психологическими издержками людей, перед которыми встанут новые требования в отношении квалификации, организованности, трудовой морали, необходимости заботы о своей трудоспособности и т.д. Важно избежать повторения ситуации 1990-х годов, когда реформирование экономики практически осуществлялось без учета социальных проблем.

Рассчитывать сразу на получение от модернизации больших выигрышей, причем относительно равномерно распределяемых в обществе, недопустимо. Поэтому проблемы «социальной платы» за модернизацию должны быть тщательно продуманы. Иначе – России грозит еще больший раскол общества. Неравномерное распределение тех преимуществ модернизации, которые она, конечно, будет давать обществу, потребует определенного регулирования. На любом направлении модернизации понадобятся большие первоначальные вложения. Это относится не только к производственной, но и к социальной сфере, причем временной лаг отдачи от этих затрат будет достаточно большим.

Возможности получить поддержку политике модернизации со стороны общества пока ограничены. Сегодня интересы большей части элиты направлены на максимальную эксплуатацию глубоких пороков существующей общественной системы. Поскольку у элиты отсутствуют потребность и способность преодолеть асоциальный и аморальный характер своих экстремально своекорыстных интересов и способов их удовлетворения, она не может осуществить реальную модернизацию российского общества, которая предполагает изменение общественной системы. Побудить элиту к этому сегодня не могут и массовые слои общества. Более того, они сами не готовы поддерживать модернизацию, включиться в нее и слабо представляют, как они впишутся в модернизируемые реалии. Пожалуй, наибольший стимул к модернизации имеет (или может иметь) средний бизнес, но его общественная роль очень невелика.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Р.И. Капелюшников

Центр трудовых исследований ГУ ВШЭ

Рынок труда: почему не сбылись катастрофические прогнозы

Я попытаюсь ответить на вопрос, что ожидалось и что на самом деле произошло на рынке труда в ходе экономического кризиса.

Сначала – о панических настроениях на старте кризиса. Напомню, что по отношению к величине ожидаемого экономического спада исходные прогнозы были не сверхпессимистичны, а, напротив, сверхоптимистичны. Представители государства прогнозировали, что спад будет в пределах двух-трех процентных пунктов, тогда как консенсус-прогноз независимых экспертов склонялся к величине 5%, хотя были, конечно, «горячие головы», которые называли цифры чуть выше. Одновременно многие эксперты уверенно предсказывали, что уровень безработицы в 2009 г. составит не менее 12–15%, причем чаще всего звучала цифра 15%. Что же означал такой «парный» прогноз? По существу он предполагал, что при спаде ВВП на 5 процентных пунктов ожидался сверхпропорциональный рост безработицы примерно на 9 процентных пунктов (от уровня чуть более 6% в 2008 г. до уровня 15% в 2009 г.).

А что произошло в реальности? ВВП сократился почти на 7,9%, тогда как занятость упала на всего лишь 2,2%, и, соответственно, уровень безработицы вырос на 2 п.п. Возникает вопрос, как могло такое случиться, почему эксперты так сильно обманулись в своих ожиданиях, причем, что важно, прямо в противоположных направлениях – в сторону явного занижения в случае падения ВВП, но в сторону явного завышения в случае роста безработицы. Каким образом российской экономике, несмотря на сильнейший негативный шок, удалось избежать резкой эскалации безработицы? Сейчас многие эксперты (включая тех, что обещали нам скачок безработицы до 15%) ссылаются на опыт некоторых западных стран, прежде всего европейских, в которых прирост безработицы, несмотря на глубокий кризис, также оказался не слишком значительным, – скажем, в среднем по ЕС он составил 3 п.п. (Аналогичная оценка по США вдвое больше – почти 6 п.п.!) Однако при этом почему-то обычно не упоминают, что глубина экономического спада была в этих странах, как минимум, в два, а иногда и в три раза меньше, чем в России. И если посмотреть на страны, где она была сопоставима с тем, что наблюдалось в российской экономике, например на

страны Балтии, то окажется, что там безработица почти мгновенно подскочила до отметки 15–20%. Таким образом, можно утверждать, что поведение российского рынка труда в условиях нынешнего кризиса сильно разошлось не только с ожиданиями большинства экспертов, но и с тем, как фактически повели себя рынки труда во многих других странах.

Но прежде чем приступать к обсуждению причин такого «нестандартного» поведения, я хотел бы сделать одно предварительное пояснение технического характера. Дело в том, что в России все индикаторы рынка труда подвержены сильнейшим сезонным колебаниям. Естественно, это усложняет анализ, поскольку достаточно трудно отделить влияние сезонных факторов от влияния собственно кризиса.

Итак, почему прогнозы тех, кто предсказывал катастрофическое развитие событий на российском рынке труда, провалились? Каким образом ему удалось избежать взрывного роста безработицы? Из опыта 1990-х годов мы знаем, что уже в тот период поведение российского рынка труда было достаточно необычным, так как к многочисленным негативным шокам, которые обрушивались тогда на российскую экономику, он приспосабливался не столько за счет количественной подстройки (т.е. сокращения занятости и увеличения безработицы), сколько за счет временной и ценовой подстройки (сокращения продолжительности рабочего времени и снижения реальной заработной платы).

Что же мы увидели теперь? Как и раньше, основную тяжесть кризисного приспособления приняла на себя продолжительность рабочего времени (отсюда – настоящий бум в использовании различных форм неполной занятости). По моим оценкам, в последнем квартале 2008 г. масштабы вынужденной неполной занятости выросли по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года в 10 раз, а масштабы «условно-добровольной» неполной занятости в форме отпусков по заявлению самих работников, как минимум, вдвое. Причем это был еще не пик! Так, в обрабатывающих производствах в некоторые месяцы 2009 г. каждый четвертый–пятый работник трудился в режиме неполного времени! В отдельных регионах охват работников различными формами неполной занятости мог достигать до 30–35%.

Все это говорит о том, что и на этот раз кризисное приспособление на российском рынке труда пошло по одному из тех путей, которые были опробованы и активно использовались в 1990-е годы. (Россия здесь не одинока: в условиях нынешнего кризиса многие западноевропейские страны, например Германия, также начали широко использовать переводы работников на неполное рабочее время.)

Второй важнейший приспособительный механизм, активно использовавшийся в 1990-е годы, – снижение реальной цены труда. В тот период оно чаще всего достигалось за счет инфляционного обесценения заработков. Однако поскольку нынешний кризис – и это одно из его главных отличий от кризисов 1990-х годов – протекает в слабо инфляционной среде, этот путь оказался в значительной мере перекрыт. По официальным оценкам, падение реальной заработной платы в период нынешнего кризиса составило менее 5%. Правда, это средняя цифра, относящаяся ко всей экономике. Как мы знаем, в 2009 г. произошло 30%-ное повышение оплаты труда работников бюджетной сферы, что в значительной мере искажает реальную картину. Если же ограничиться рассмотрением только частного сектора, то в нем можно обнаружить отрасли, где в первые кризисные месяцы даже не реальная, а номинальная (!) заработная плата падала на 10–15%. (В строительстве, по итогам 2009 г., номинальная заработная плата сократилась на 2%.) Таким образом, в российских условиях *инфляционное обесценение нельзя считать единственно возможным способом снижения реальной цены труда*. Несмотря на серьезные издержки и трудности, которыми сопровождается лобовое сокращение номинальной заработной платы, с началом кризиса многие российские предприятия все-таки двинулись по этому пути.

Вместе с тем еще один механизм ценовой подстройки, который в 1990-е годы пользовался огромной популярностью, а именно – задержки заработной платы, в условиях нынешнего кризиса оказался почти полностью заблокирован. Причина – жесточайший контроль, установленный государством за своевременностью выплат. С началом кризиса число работников с задержками заработной платы выросло ненамного, а сейчас уже вернулось на докризисный уровень.

К этому стоит добавить, что на старте кризиса существовали также панические настроения, касавшиеся возможной эскалации массовых увольнений. Однако имеющийся опыт показывает: как массовые увольнения были почти не востребованы в 1990-е годы, так же они крайне редко используются и сейчас. В 2009 г. их интенсивность продолжала оставаться мизерной, почти не увеличившись по сравнению с докризисным периодом (0,3–0,4% среднесписочной численности работников).

Критическая проблема, которая стоит сейчас перед российским рынком труда, может быть описана так: во что станет трансформироваться огромный «навес» вынужденной неполной занятости, который сформировался с началом кризиса и продолжает поддерживаться до сих пор? Есть два возможных варианта развития событий. Первый – неполная занятость начнет трансформироваться в открытую безработицу. Второй – она будет какое-то время поддерживаться в нынешнем состоянии, а затем с началом активного выхода экономики из кризиса станет постепенно рассасываться, как, собственно, и происходило в 1990-е годы. На мой взгляд, вероятность второго варианта намного выше, так что события, скорее всего, будут развиваться примерно по тому же сценарию, что и в 1990-е годы, минуя угрозу формирования сверхвысокой безработицы. Более того, фактически этот сценарий уже начал реализовываться. Уровень неполной занятости упал более чем вдвое – почти с 20% в начале кризиса до 8,5% сейчас – и это падение происходило *одновременно* с сокращением уровня безработицы! Иными словами, эти два процесса шли параллельно. И если вспомнить, что именно с угрозой сверхвысокой безработицы многие аналитики связывали апокалиптические прогнозы о неизбежности социальных потрясений в России, то это предполагает, что и в этой части их предсказания оказались явно несостоятельными. Все указывает на то, что российский рынок труда, как и раньше, *продолжает служить своеобразным амортизатором, позволяющим, метафорически выражаясь, переводить накапливающуюся негативную социальную энергию в диффузное состояние*. Тем самым он помогает гасить риски возникновения массовых социальных конфликтов.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

И.В. Соболева

Институт экономики РАН, Москва

Реакция на кризис и стратегические риски в сфере труда

У меня есть несколько замечаний о социальных последствиях кризиса в сфере труда, прежде всего для молодежи. Она действительно сильно пострадала в ходе кризиса, и этому есть печальное объяснение. До кризиса позиция молодежи была тактически выгодна, но стратегически уязвима. Современное молодое поколение получило необоснованно широкий доступ к высшему образованию, в основном – образованию низкого качества. Отсюда – разрыв между высокими формальными характеристиками и тем, что молодые люди реально знают и умеют, отсюда – завышенный уровень притязаний к рабочим местам, к условиям труда, к заработной плате.

Но в экономике, которая в это время жирела от нефтяных доходов, возрастал спрос именно на таких работников, создавались «представительские» рабочие места, рос «офисный планктон». Как только экономика прекратила жиреть, от таких работников начали в массовом порядке избавляться. При этом работодателей ничего не сдерживает – это не дефицитные специалисты, не квалифицированные рабочие, не менеджеры высокого класса. Нет смысла их сохранять, найти им замену не составит труда. Отсюда – всплеск молодежной безработицы. Легкий хлеб закончился. Это очень неприятно для конкретного человека, но, с моей точки зрения, представляет собой положительный, оздоравливающий эффект кризиса.

Сейчас много говорят о безработице, о том, что нужно расширять программы помощи безработным и что может быть социальный взрыв. Мне представляется, что социальные опасности преувеличены. Да, есть территории и моногорода, где остро стоит проблема безработицы. Но так было и до кризиса. Классический пример – Ингушетия. Сейчас число подобных точек увеличилось, но все равно – это локальные проблемы. Не так уж страшен уровень безработицы даже в 7–8% с точки зрения непосредственных социальных последствий.

В начале дискуссии перед нами был поставлен вопрос, за счет чего можно сэкономить. Можно, например, не «размазывать» антикризисные программы поддержки безработных по всей стране. Сегодня одинаковое финансирование на эти цели получают даже те регионы, где безработица ниже естественной нормы.

Страшнее другая опасность, она связана с новым сокращением занятости в реальном секторе, – опасность окончательной утраты кадрового потенциала промышленных предприятий. Причем это проблема специфически российская (можно сказать точнее – эта проблема есть только в ряде стран постсоветского пространства). Эта проблема берет начало в 1990-х годах, когда произошел массовый отток квалифицированной рабочей силы из промышленности. За 10 лет спада с предприятий ушло среднее поколение рабочих кадров.

С 2000-х годов, когда начался подъем, предприятия стали постепенно набирать молодежь. Это было сложно, так как была разрушена система профессионального технического образования, а высшее образование стало сверхдоступным (расширились возможности «легкого» заработка вне реального сектора). Но худо-бедно процесс все же пошел. И на относительно благополучных предприятиях ситуация с рабочими кадрами мало-помалу начала выправляться. Однако осталась «демографическая яма». Типичная ситуация: есть кадровый костяк предпенсионного возраста и есть молодежь, которой ветераны по мере сил передают опыт, а среднего поколения нет. Когда начался кризис, на многих предприятиях прекратился прием молодежи. Опасность заключается в том, что если такая ситуация продлится, ни точка может оборваться: старшее поколение уйдет с предприятий, не успев подготовить смену, и человеческий потенциал российской промышленности будет разрушен окончательно.

Теперь в отношении антикризисной программы. В той части, где речь идет о сфере занятости, она, по существу, списана с западных программ. Но в развитых западных странах проблемы «демографической ямы» на предприятиях нет. Это – постсоветская, в том числе российская, специфика, это наследие наших не очень удачных реформ, о которых следует помнить при формировании программы. Наши антикризисные меры должны делать упор на сохранение и укрепление кадрового потенциала реального сектора. Это важнейший национальный приоритет!

В антикризисной программе занятости на этот приоритет работает только один небольшой фрагмент – стажировка выпускни-

ков. На нее приходится менее 3% выделенных средств. И осваиваются эти средства плохо, потому что программа трудоёмкая, – с трудовыми ресурсами в службах занятости тоже дефицит. Пособия повысили, клиентов стало больше, а персонал тот же. Эти службы даже не могут безработных к себе на временную работу нанять – не положено. Вот и задыхаются, и выбирают, естественно, что проще: общественные работы, уборка территорий – по сути это та же материальная поддержка, что и пособия.

Еще один спорный компонент антикризисных мер – программа поддержки предпринимательства. В сравнении с другими предложенная программа затратная: почти 20% всех денег, 60 тыс. руб., выдаются каждому безработному, пожелавшему открыть свое дело, при условии, что он снимается с регистрации. Люди на это идут, особенно на селе. Но это – не программа развития, это – программа выживания. Причем понятно, что выживут далеко не все, кто ею воспользуется. Кроме того, малые предприятия, по крайней мере российские, – это место, где чаще всего нарушаются права работников, где не нормирован рабочий день, где нет гарантий занятости, где не контролируются условия труда и т.д. За последние годы положение в этом плане серьезно ухудшилось: увеличился разрыв в условиях занятости между малыми и крупными предприятиями. Поэтому рассчитывать на малое предпринимательство как на возможное реальное решение проблемы не стоит. И уж во всяком случае эта программа должна сопровождаться инфраструктурным обеспечением, об этом в один голос кричат все директора служб занятости. А сегодня такого обеспечения нет, и средства на него не предусмотрены.

С.В. Калашников

МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва

Урок социальной сфере

Нетрудно заметить, что в экспертном сообществе нет единого мнения о социальной политике России. Это и хорошо, ученые не должны иметь однозначного мнения по каждому поводу. Но должны быть некие фундаментальные положения, которые специалистами, занимающимися социальной политикой, уже не дискутируются. К сожалению, у меня складывается впечатление, что в отличие даже не от естественных, а от общественных наук в области социальной политики устоявшихся по-

И, наконец, последняя программа – переезд в другой город. Это просто мертворожденное дитя, списанное с западных образцов без учета культурных особенностей России, без учета настроений людей. Типичная трансплантация института, порождающая его дисфункцию. Да, действительно, на Западе население мобильнее: ездят из города в город, меняют рабочие места – и это считается нормальным. В России не так. И не только потому, что дорогое жилье, что не отработаны механизмы переезда. Менталитет другой: люди хотят жить там, где они родились и выросли. И они имеют на это право. Кроме того, если мы хотим удержать нашу территорию, программа должна быть нацелена на то, чтобы ее обустроить, чтобы жить нормально можно было везде, в том числе и в малых городах.

Сотрудники служб занятости считают, что нужна другая программа – транспортных дотаций для проезда на работу. Чтобы человек, который живет в малом городе, мог утром уехать туда, где есть работа, а вечером вернуться, и чтобы государство компенсировало ему затраты. До кризиса транспортные расходы часто компенсировали работодатели, сейчас у многих таких возможностей нет. Вот тут бы вмешаться государству. Это – мелочь, но мелочь очевидная. Тем не менее в 2010 г. такой программы нет, хотя она остро востребована.

Поэтому последнее, на что я хочу обратить внимание, – осторожнее копировать западные образцы («они не мы») и ориентироваться на *свои* уязвимые зоны и на потребности *своего* населения. А для этого нужна обратная связь.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

зиций нет. Не могу я согласиться, например, с тем, что государство не является главным субъектом социальной политики. И хочу задать вопрос, а кто является таким субъектом. Гражданское общество? То есть относительно небольшие социальные группы, претендующие на защиту своих узкогрупповых интересов? Да, они, безусловно, игроки. Но никак не ведущие. Равнодействующая социальная политика, безусловно, остается за государством. Это первое.

Второе. Приходится часто слышать, что кому-то надо помогать. Возникает вопрос, почему надо кому-то помогать. Давайте спросим людей, как они оценивают свою жизнь. И РОМИР, и «Левада-центр» постоянно публикуют данные, где люди говорят, что живут хорошо, как все на среднем уровне. Можно слышать о том, что в кризисе пострадала молодежь. Подойдите к любому на улице, выпивающему банку пива в день, и спросите: «Вы в унынии или бодро себя чувствуете?» Никто не скажет, что он погряз в пессимизме. В чем причина подобных ответов людей, которые плохо живут, даже с позиции наших «бедных стандартов»? Почему в нашем обществе такой пониженный фон социальных реакций, заставляющих власть думать о своей социальной политике?

Попробуем сформулировать цель социальной политики. Нельзя полагать, что государство как ведущий субъект социальной политики думает о завтрашнем дне. Политика – это искусство возможного на сегодняшний день. Есть вызов, и государство как умеет, так на него и отвечает. Не потому что государство плохое и обеспокоено только сегодняшним днем и думает, что завтра будет хоть потоп. Ничего подобного. Просто у государства достаточно много проблем сегодня, чтобы не тратить ограниченные средства на завтрашний день. *Государство решает сегодняшние проблемы – такова реальная ситуация, определяющая социальную политику.*

Попробую теперь ответить на несколько вопросов, поставленных перед участниками круглого стола. Начну с влияния кризиса на социальную сферу в целом и на состояние ее отдельных отраслей: оправдались ли панические прогнозы. Сегодня часто можно услышать, что такие прогнозы не оправдались. У меня же совершенно другая точка зрения. Я думаю, то, что уже произошло (я не занимаюсь прогнозами и не знаю, что будет в ближайшей и отдаленной перспективе), нанесло колоссальный урон социальной политике государства. Приведу только один пример с социальным страхованием. Что делать с нынешними пенсионерами? От принципов социального страхования у нас фактически отказались: существующее страхование – ни пенсионное, ни медицинское, ни тем более социальное – страхованием в полной мере назвать нельзя. Сейчас, когда из одного вида страхования безвозмездно изымаются ресурсы, чтобы покрыть дефицит в другом виде страхования, вообще нельзя говорить ни о какой системе страхования. Думается, нынешнее руководство страны стоит перед тяжелейшей проблемой, и положение дел пока только ухудшается.

Другой пример, принятое решение, также нанесшее колоссальный удар, – это передача социальных обязательств и полномочий субъектам федерации, у которых для этого нет ресурсов. Недавно субъектов-доноров у нас было 13, сейчас их уже 9, сколько будет завтра, неизвестно, боюсь, 2–3. Российские регионы, которым Федеральный центр под эти обязательства оставляет только табачно-винные акцизы, проводить социальную политику в принципе не могут. И те обязательства, которые сейчас туда передаются, выполнить невозможно. Понятно, что социальная политика должна делаться там, где человек живет, а не в Москве. Но под эти обязательства нужны соответствующие финансовые ресурсы. То, что со ссылкой на кризис нарушен и без того хрупкий баланс, сложившийся к 2009 г. по бюджетным трансфертам и по социальному обеспечению, еще очень долго будет «икаться», даже если завтра у нас все будет очень хорошо.

И еще одна принципиальная ситуация. У нас почему-то по-прежнему успешно живут многие мифы, которые вроде бы давно опровергнуты. Один из них – миф о взаимоотношении занятости и производительности труда, о заработной плате и т.д., и т.п. И кризис эти несуразности высветил очень ярко. Мы видим сегодня, что нет национально регулируемого рынка труда, нет системы распределения производительных сил, не в плане Госплана и советских пятилеток, а просто в плане обеспечения людскими, финансовыми и техническими ресурсами в конкретной точке, потому что когда строится новый завод, то не стоит вопрос, где взять рабочих: завезем самолетом из Белоруссии, Украины, это же не проблема на сегодняшний день, или найдем турок строить Москву. Это тоже не проблема. Я должен сказать, что последствия для такой социальной политики, на мой взгляд, очень серьезные. Вопрос пойдет ли это нам на пользу.

Еще один вопрос – модернизация. Вы знаете, мне кажется, не пойдет на пользу. Не пойдет по одной простой причине. Социальная политика – это не чистая экономика. Такой прямой связи «производительность труда – экономические условия – социальная политика» не существует. Социальная политика еще и культурологический фактор. Наша культура не может взять кальку с западного 300-летнего капитализма в чистом виде. И определенные демпферы, определенные протекторы существуют не в нашей экономике, они существуют в нашей культуре. В нашем понимании социальной политики эти вещи выброшены из анализа, выброшены при принятии решений. Они существуют как бы сами по себе. Я думаю, что

они сыграют свою роль. И это плохо. Плохо по простой причине: это означает, что мы на свой самобытный путь в социальной политике будем наткаться при каждой новой итерации, пока не пройдут годы, когда это все как-то нивелируется. А сколько лет может пройти, я не знаю.

И последнее. Мне кажется, что сейчас создалась уникальная политическая ситуация для того, чтобы научное сообщество сказало свое слово. В какой форме? Я не знаю. Надо просто определить. Никто не спорит, что у власти существует вектор развития социальной сферы и социальной защиты населения. Я не буду говорить о причинах этого вектора: пиар или еще что-то, но такой вектор, безусловно, существует. Заявление президента и постоянное нагнетание органов субъектов Федерации, чтобы они выполняли социальную защиту, свидетельствуют об этом векторе. Другое дело, вопрос, который поднимался самого начала. А как? Вот тут складывается такое положение, что мы опять никак не хотим воспользоваться

наработанным уже опытом и принять (может быть, не так однозначно, так как говорилось, что это неэффективно), по крайней мере, какие-то наработанные принципиальные позиции. Ну, если нет в рынке ничего, кроме социального страхования, давайте его развивать.

Если весь мир убедился, что государственная накопительная пенсионная система неэффективна и смысл негосударственной системы именно в том, чтобы эти инвестиционные потоки распозлились как ручейки, то зачем же мы формируем совершенно колоссальный бум непонятных денег в государственной накопительной системе, которая заведомо будет неэффективной? Давайте направим ее в солидарную систему пенсионного страхования. Если мы понимаем, что при нашем менталитете гарантированная медицинская помощь должна иметь именно такой объем, то нам не надо надстраивать над гарантированной медицинской помощью как совершенно внутренний контур якобы социального страхования.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Т.В. Чубарова

Центр экономической теории
социального сектора
Института экономики РАН, Москва

Кризис

и инвестиции в здоровье

Современный кризис вызвал бурную реакцию мировой общественности, вплоть до постановки вопроса о необходимости принятия новой парадигмы развития современного общества. В социальной сфере всегда существовало много проблем, решение которых, как правило, носило инерционный характер. В условиях устойчивого роста экономики давление в этом направлении было достаточно слабым. Можно думать, что кризис изменит эту ситуацию и потребует инновационных подходов к социальной сфере.

Первые признаки кризиса – это рост безработицы, что в финансовом плане означает потерю доходов как гражданами, так и институтами социальной защиты из-за снижения взносов и налоговых доходов бюджета. При этом приходится существенно увеличивать расходы на социальную защиту, что связано с дополнительным спросом на пособия по безработице, жилье и социальную помощь.

В результате многие программы социального обеспечения могут столкнуться с труд-

ностями и в краткосрочном, и в среднесрочном плане. Вместе с тем системы социальной защиты играют важную роль в абсорбировании социальных и экономических шоков, замещая потерянный доход, снижая бедность и защищая социально уязвимые слои населения, которые кризис затронул больше всего. Рассматривая данную проблему в более широком контексте глобализации и старения населения, очевидно, что социальное обеспечение становится все более необходимым и должно рассматриваться как основной элемент государственной политики, цель которой – поддержать экономическое восстановление и рост занятости, снижая одновременно негативные последствия кризиса.

Для этого нужны скоординированные меры по всему спектру – в экономике, финансах, социальном развитии. Поэтому роль государства должна усилиться. Здесь важно найти правильный баланс между государственной и частной социальной ответственностью, с тем чтобы лучше управлять рисками.

Следует различать социальную политику и социальное государство. Если социальная политика – это набор определенных мер, то социальное государство – это система определенных институтов, которые имеют свою логику, инерцию и историю. И развернуть их сходу достаточно сложно. Сейчас разговор идет в основном о текущих мерах преодоления кризиса, однако нужно думать и о том, как социальное государство будет развиваться потом.

Отдельно нужно сказать о здравоохранении. Заметим, что слово «кризис» применительно к здравоохранению звучит уже давно, причем парадоксально, что относится это к различным системам – кризис и у нас, в России, где тратится на здравоохранение мало, и в США, где тратят больше всех. Сегодня сложилась ситуация, когда в здравоохранении не удастся добиться хорошего соотношения «затраты–результат». Причем простое повышение расходов не гарантирует результата – об этом отчетливо свидетельствует опыт США. Стоит отметить, что затеваемая там широкомасштабная реформа здравоохранения стала результатом не наступления кризиса, а накопившихся в течение долгого времени проблем.

Экономический кризис может оказать влияние на здоровье по нескольким каналам. Во-первых, он может вызвать увеличение заболеваемости из-за увеличения подверженности людей рискам как физическим, так и психологическим. Во-вторых, кризис изменяет относительные цены товаров и услуг, что оказывает влияние на структуру потребительских расходов домохозяйств. В-третьих, цены на некоторые товары медицинского назначения, например импортные, скорее всего вырастут, и к тому же возникает вопрос о наличии этих лекарств. Таким образом, кризис оказывает на здравоохранение сложное и комплексное влияние.

К сожалению, статистика обычно запаздывает, поэтому в данное время невозможно точно оценить ситуацию. Сегодня очевиден рост безработицы и усиления у людей чувства неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне. Безусловно, изменения в занятости и доходах в результате кризиса скорее всего окажут влияние на состояние здоровья и спрос на медицинские услуги. Влияние экономического кризиса на спрос и использование медицинских услуг опосредованно как его влиянием на здоровье, так и ресурсами, которыми располагает человек для оплаты этих услуг.

Исследования показывают, что экономический стресс, особенно безработица, оказывают отрицательный эффект на здоровье. Спрос на медицинские услуги может снизиться с уменьшением финансовых ресурсов для их

оплаты. Существует отрицательная связь между экономическими обстоятельствами, состоянием здоровья и потреблением медицинских услуг. На практике это может привести к ситуации, когда человек обращается за медицинской помощью на поздних стадиях заболевания, что вызывает более тяжелые последствия как для здоровья человека, так и для эффективности системы здравоохранения в целом. Однако спрос на медицинские услуги может и возрасти из-за кризиса, по крайней мере в краткосрочной перспективе, что связано со стрессом, злоупотреблением алкоголем, курением.

На сегодняшний день сложно сказать, что кризис прямо повлиял на здравоохранение. Однако, как представляется, систему здравоохранения впереди ждут проблемы. При этом кризис, вероятнее всего, потребует сокращений государственных расходов уже в ближайшие годы. Государство должно будет или урезать расходы, или повышать налоги, или сделать и то и другое. Это неизбежно отразится и на расходах на здравоохранение. Однако снижение бюджета на здравоохранение может привести к снижению стандартов оказания медицинской помощи. Именно в этом контексте речь идет о необходимости поиска новых путей для повышения эффективности работы системы здравоохранения, для того чтобы обеспечить возможное сокращение затрат не за счет ухудшения качества услуг для населения, а за счет более эффективной работы служб здравоохранения.

Таким образом, экономический кризис по существу обнажил проблемы и подтвердил, что нужно искать ресурсосберегающие и финансово устойчивые технологии в организации и финансировании здравоохранения. Современный кризис может стать хорошей проверкой риторики об инвестициях в здоровье как условия успешного экономического развития, которая звучит на самом высшем уровне, однако реального воплощения пока не получила. А ведь ее практическое воплощение означает, что нужно не сокращать расходы, а вкладывать в здоровье. Представляется, что если такого коренного поворота не произойдет на практике в мобилизационных условиях кризиса, то тогда вряд ли стоит ожидать его в «мирное время».

Кризис стал лакмусовой бумажкой такого феномена общественной жизни, как социальная ответственность бизнеса. Здесь можно выделить несколько тенденций. Во-первых, бизнес стал все чаще говорить о том, что все-таки главное – это получение прибыли, а потом можно выделять средства и на решение социальных проблем. В результате социально ответствен-

ный подход к бизнесу сохраняется скорее на крупных предприятиях и фирмах. Во-вторых, получается, что главным способом сокращения издержек становится увольнение сотрудников и сокращение затрат на рабочую силу. При этом административно и законодательно социаль-

ные льготы легче свернуть (особенно те, что предоставляются на добровольной основе), чем уменьшить заработную плату. Более того, предстатели бизнеса все чаще поднимают вопрос о необходимости либерализации трудового законодательства и снижения налогов на бизнес.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Л.С. Ржаницына

Институт экономики РАН, Москва

Кризисные явления, социальная политика и социальная наука

Начну с того, что кризис все-таки есть! Хотя многие говорят, что его нет. Вы заметили, кто является самым заинтересованным лицом в суждениях о кризисе? Предприниматель, причем вполне ответственный. У некоторых, особенно у тех, кто остро воспринимает социальные цели общества, – даже паническое настроение. Почему? Мне это понятно. Ведь они сосуществуют со слоем, который сильно пострадал во время кризиса, – это их работники, прежде всего работники с детьми. В бизнесе есть люди, которые понимают, что главное – население, причем экономически активное. И хотя наука нашим бизнесменам говорит: да вы не волнуйтесь, у вас будут киргизы, китайцы и прочие гастарбайтеры, – они почему-то все-таки волнуются и на своих предприятиях хотят иметь дело с русским персоналом.

Еще один ответ на этот вопрос следует из бюджета 2010 г. Все слышали заверения правительства в том, что будут соблюдены все социальные обязательства. Но в консолидированном бюджете РФ, бюджете федеральном и бюджетах регионов сокращаются все затраты на услуги (образование, здравоохранение, культура, социальное обслуживание). А разве не они являются социальными обязательствами власти? По нашим расчетам, к примеру, из всех расходов бюджета в пользу детей в Москве 86% составляют бесплатные услуги и только 14% – денежные выплаты. Представьте, как повлияет на уровень жизни детей и их родителей сокращение именно бесплатных государственных услуг. А именно это, похоже, грозит в связи с объявленной реформой бюджетных учреждений.

Но этого мало. В составе денежных выплат правительство с 2010 г. не субсидирует самого распространенного детского пособия – ежемесячное для малообеспеченных. Послед-

ствия, в частности, покажем на примере Дагестана и Якутии: центр выплачивал семьям по 90 руб. на ребенка. Теперь деньги должны найти сами субъекты федерации, что весьма сложно при современном дефиците региональных бюджетов. Причем детская бедность нарастает, в ее зону попадают и семьи безработных, число которых выросло на глазах, и работников, кто перестал получать заработную плату или получает ее меньше, чем до кризиса. Как свидетельствуют данные Росстата, в 2009 г. реальная заработная плата сократилась на 2,3%.

Мне могут возразить: объектом социальной политики сейчас являются не дети, а пенсионеры. Почему же бросили детей и взялись за пенсионеров? Опять видно: наша социальная политика напоминает «русские горки»: «Ух, чего-то такое придумали и подарили, а потом, ух, и отобрали!» В 2006–2007 гг. вспомнили про демографию и сказали: вот сейчас поднимем пособия, введем материнский капитал. А пока о детях и демографической угрозе забыли, что крайне неперспективно. Поэтому мы просим продолжить детскую политику, хотя бы с учетом кризисной ситуации и для снижения остроты известных проблем: и по демографии немножко, и по заработной плате немножко, и в отношении бедности немножко, чтоб не затормозить наметившиеся тенденции повышения рождаемости, роста экономической активности, поддержать неимущих и пр.

Например, разумно было бы продлить оплату женщинам послеродового отпуска до трех лет. Не хотите это делать постоянно, давайте введем временно. Возьмем и напишем в законе: «На период кризисной ситуации мы женщинам с детьми предлагаем либо рабочее место, либо будем что-то платить». Таким образом, снизим давление свободной женской рабочей силы на безработицу, поддержим уро-

вень жизни молодых семей и их репродуктивные установки (даже в Москве 40% занятых не могут содержать ребенка на уровне первичного достатка), уменьшим очередь в детские сады, имя которой миллион. Все эти меры позволяют поддержать экономически активное население – семьи, способные обеспечить себя сами.

Рассуждая о социальной политике, важно правильно определить приоритеты, которые работают в данном направлении. У нас же, к сожалению, один приоритет – бедность, что, вообще говоря, не вопрос социальной политики, а, скорее, социальной благотворительности. Последняя, конечно, обязанность цивилизованного государства, чтобы хромые, нищие, больные, люди в тяжелой жизненной ситуации получали какое-то вспомоществование, чтобы на улице у нас не валялись бомжи. Но собственно *социальная политика требует выбора приоритета в пользу экономического развития, в пользу населения – производителя продукта, услуг, доходов, налогов и, следовательно, в пользу создателя благополучия общества в целом.* Поэтому даже на фоне кризиса надо продолжать улучшать положение работающего человека, т.е. главного экономического субъекта во всех аспектах – занятость, справедливая заработная плата, преодоление экономической бедности, меры стимулирования рождаемости с учетом обеих функций семьи – профессиональной и родительской и т.п.

Итак, что бы хотелось сделать?

Во-первых, предложить социальные меры, которые дают множественный эффект, что не просто.

Во-вторых, наконец, договориться о принципиальных, глобальных вещах, хотя бы в науке, чтобы какие-то принципы, модели, схемы представлялись позитивными вначале научному сообществу, а затем и власти. Основопологающая позиция – долой волюнтаризм, вкусовщину, личные пристрастия, гимназические выдумки на уровне бытовых знаний о социальных процессах (каждый получает заработную плату, дети ходят в сад, школу, бабушка получает пенсию, платим квартирную плату и т.п., – какая уж тут наука!). И когда начнется реальное применение научных знаний, тогда в России не будут, как наблюдается сейчас, вначале отменять страхование, потом вновь вводить, но уже с жертвами, негативными последствиями и прочими страстями.

В-третьих, необходимо переходить в область конкретных дел. Если мы останемся на уровне разговоров, теоретизирования и т.д., ничего позитивного создать не получится, включая уважение к науке. Об этом ныне масса свидетельств. Так, у нас постоянно говорится

о социальной защите. Но по сути ее нет, не с точки зрения отсутствия неких расходов, а с точки зрения того, как эти расходы производятся. Поясню: в США человек, который занимается социальным обслуживанием, садится утром в автомобиль и посещает своих подопечных, выясняет, что у них произошло за день, – очень живая, конкретная работа. Мы же колоссальный аппарат посадили в учреждения, которые занимаются только тем, что распределяют пособия приходящим к ним людям. Все. Социальных чиновников совершенно не интересует, что происходит с их подопечными. В их обязанность входит простая финансовая операция в финансовой организации. Этот упор на финансовую составляющую всего нашего социального управления, конечно, не вполне хорош. Денег немного. Все помнят проблему нефинансируемых социальных мандатов, которую пришлось в 2004 г. сбросить на уровень регионов, – пусть они решают, как могут и как хотят. И в 2010 г. опять наступаем на те же грабли, лишая регионы налоговых источников на социальные цели, как будто забыли, что социальное есть часть экономического.

В-четвертых, много лет занимаясь социальной политикой, я понимаю, что за 250 лет, на протяжении которых капитализм приобрел человеческое лицо, он нарабатал много техник и технологий, которыми надо бы воспользоваться. Не придумывать вновь, а попытаться грамотно заимствовать, посмотреть, что там есть и насколько адаптируется к нашим условиям. Ведь его история это по сути колоссальный социальный пилотный проект с известными результатами. Надо только посмотреть, что у них получилось, а что не получилось, может быть, чем-то можно и воспользоваться. В том числе перейти, например, к социальному сопровождению семей как способу установления реальной связи между государством, капиталом и людьми.

В-пятых, имеют ли социальные затраты эффект. Большой вопрос. Например, когда говорим о затратах на скрининг беременных, потом экономим на детях-инвалидах, на лечении, здесь 1 рубль затрат дает 400% эффекта. Или проблема алкоголизма. Я считала, если собрать все расходы: тюрьму, в которую 80% попадают за преступление в состоянии алкогольного опьянения; больных детишек, зачатых родителями в пьяном виде; травмы на дорогах, отравления, – и все это посчитать, получается, что каждый рубль, вложенный в противодействие, скромно дает 18 рублей снижения потерь ВВП. Цифра огромна, и в США каждый год Конгрессу предоставляется доклад о положении нации в плане потребления и послед-

ствий злоупотреблений алкоголем. Не считают они алкоголизм малым делом.

Отсюда должно говорить об эффекте социальной политики. Конечно, эффект этот – не моментальная коммерческая прибыль, он возникнет за длительный период, и скорее всего

в форме снижения потерь ВВП и экономии бюджета. Но, как известно, развитие не измеряется сегодняшним днем, оно разворачивается в перспективе. Если научиться определять экономический эффект социальных программ, то легче будет убедить тех, кто принимает по ним решения.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Л.С. Дегтярь

ИЭ РАН, Москва

Социальное измерение кризиса: мировой опыт

Среди непосредственных социальных последствий экономического кризиса первое место в мире занимает рост безработицы. Экономическое оживление не сопровождается соответствующим увеличением занятости, восстановление ее уровня идет крайне медленно. В странах ОЭСР уровень безработицы приблизился к 9% экономически активного населения – максимальный показатель для всей послевоенной эпохи, при этом доходы более трети семей, где есть безработные, опускаются ниже черты бедности. И это происходит несмотря на масштабные государственные программы по поддержанию занятости: из 30 государств ОЭСР 23 страны в условиях кризиса приняли программы профессиональной переподготовки, 20 стран – программы стимулирования краткосрочной занятости.

Кризис обусловил также снижение уровня доходов и потребления в развитых странах, расширение масштабов нищеты во многих развивающихся государствах, что объективно потребовало усиления социальных механизмов государственного перераспределения доходов в пользу наиболее уязвимых слоев населения. Был нанесен серьезный удар и по пенсионным накоплениям в развитых странах. По расчетам консалтинговой компании «McKinsey», частные пенсионные фонды потеряли в среднем 18% своей капитализации.

Бедные страны столкнулись с трудностями в закупках продовольствия и с сокращением программ международной помощи. И, наконец, рост государственных расходов в связи с резким увеличением средств, направляемых на борьбу с кризисом и содержанием растущего числа безработных, обусловил значительное увеличение размеров государственного долга и наращивание дефицита бюджета, что потребует сокращения государственных, в том числе и социальных, расходов уже в ближайшей перспективе. Как отмечалось на Всемирном экономическом

форуме «Давос-2010», проблемы, связанные с растущей безработицей и государственными финансами, могут привести к перерастанию финансово-экономического кризиса в кризис социальный. Греческая ситуация, положение дел в Испании и Португалии превращают такой прогноз в очень вероятную реальность.

Хотя кризис не внес существенных качественных изменений в содержание существующих социальных проблем и сложившиеся модели социальной защиты, он ускорил мировоззренческие изменения, актуализировал циркуляцию идей вокруг направлений становления новой парадигмы общественного бытия, в том числе перспектив «государства всеобщего благосостояния». Главными факторами, определяющими теоретические концепции и практические действия в решении социальных проблем, по-прежнему остаются: экология, демография и глобализация. Обострение конкурентной борьбы за ресурсы наряду с демографическими проблемами (старение населения, диспропорции в темпах его роста по регионам мира, миграция) снижает возможности государства в сохранении высокого уровня социальных расходов, хотя потребность в них не уменьшается.

Заметными тенденциями стали становление, укрепление и усиление влияния азиатской авторитарной социально-экономической модели с новыми для мира качествами и характеристиками. Глобализация приобрела новое измерение, она охватила идеологическую и информационную сферы, усилилось взаимопроникновение идей и знаний. Глобальными стали и многие социальные проблемы. Объективные процессы и до кризиса требовали изменения качественных характеристик сложившихся социальных моделей.

В последние тридцать лет, несмотря на специфику отдельных стран, общими для всех направлениями модернизации социальной

сферы были диверсификация финансирования, производства и предоставления социальных благ, т.е. сочетание личной и государственной ответственности, государственных и частных начал в удовлетворении социальных потребностей. Это относится не только к англо-саксонской и европейской социальным моделям, на этих же принципах основана и так называемая азиатская «третья интеграция». В целом можно говорить о конвергенции различных социальных моделей и лежащих в их основе идей и ценностей, о сближении не только идеологических основ, но и конкретных форм и методов социальной политики.

В реальности ни одна из сложившихся моделей социальной политики уже не существует в мире в чистом виде. «Третий путь» в Великобритании, «сострадательный (compassionate) консерватизм» в США, «капитализм с человеческим лицом» в Чили, «продуктивное благосостояние» в Южной Корее – все это различные названия формирующихся новых социальных моделей, сочетающих осознание необходимости усиления социальной составляющей развития, с одной стороны, и повышения эффективности систем социальной защиты, с другой.

При всей многосложности, многовариантности, неопределенности и неустойчивости развития в современном мире в концептуальном плане наблюдается общий тренд в сторону социальной модели, сочетающей

американскую идею личной автономии и индивидуальной свободы с европейскими идеями общественного консенсуса, а также азиатскими традициями коллективной ответственности и контекстуального мышления. Наиболее ярким примером такого подхода является европейская концепция «социального качества». Обосновывается и такой подход – решение социальных проблем возможно и при снижающейся социальной роли государства при условии самоорганизации общества (социальное предпринимательство) и корпоративной социальной деятельности. Высказывается мнение, что сегодня в ответ на глобальные социальные вызовы корпоративный бизнес способен сделать больше, прежде всего со стороны природных ресурсов и экологии, чем государство.

Еще одна обсуждаемая гипотеза – мир движется к диверсифицированной национальной социальной политике: патерналистское государство для тех, кто не может адаптироваться к новым технологическим требованиям и темпу общественной жизни, и рыночная модель социальной сферы для активных слоев населения. Не исключено и усиление страновой специфики в построении систем социальной защиты – мир может увидеть примеры социальной политики, которые более тесно привязаны к местным условиям и системам ценностей отдельных стран и сообществ. В последние годы получили новый импульс и социалистические идеи.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

М.И. Воейков

Институт экономики РАН, Москва

Есть ли системность в социальной политике

В состоявшемся на круглом столе обсуждении было много интересного. К сказанному я бы добавил свое итоговое ощущение – так жить, как мы сегодня живем, нельзя! У меня даже язык не поворачивается сказать, что у нашего правительства есть хоть какая-то осознанная социальная политика. В действиях правительства нет никакой системности, есть отдельные мероприятия, пожелания, высказывания, иногда какие-то хаотические действия, но осознанной, хорошо продуманной и просчитанной социальной политики как не было, так и нет. Некоторые ученые говорят, что сейчас появилось осознание необходимости такой политики. (Это хорошо, но осознание – только первый шаг. Будут ли следующие шаги?)

Другие утверждают, что для «хорошей» социальной политики нужны ясные приоритеты и средства. А тут еще разразился финансовый кризис. Ах, как это не вовремя! Конечно, все нужно просчитать с учетом последствий кризиса: цели, задачи, ресурсы и т.д.

Но есть и более сложная проблема, возникшая еще до кризиса, в годы больших нефтяных денег, – теоретическое обоснование наших потребностей. Что мы хотим создать из общества? Большой «собес» и раздавать имеющиеся деньги на то и се? Или сформировать общество высокопроизводительного труда, где каждый человек (или семья) будет способен обеспечить себе нормальную цивилизованную жизнь? Это трудный вопрос,

плохо проработанный именно теоретически. В начале радикальных экономических преобразований многим казалось, что рыночная экономика всем дает равные шансы на эффективную работу, высокий доход и нормальную человеческую жизнь. При этом отвергался советский опыт именно потому, что он общество превращал в «собес». Теоретически я против «собеса» и за высокоэффективную и высокодоходную работу для каждого. Нужны не подачки в виде льгот или материнского капитала и прочего, а условия высокопроизводительной работы для каждого.

Но, наблюдая, как складывается сегодня жизнь, ловлю себя на мысли, что мы возвращаемся в советский «собес». Правда, денег на него стало меньше. За 20 лет реформ мы так и не создали высокоэффективной экономики, не предоставили всем не только высокодоходной работы, а просто работы!

Возникает вопрос: должна ли либеральная рыночная экономика автоматически решать все социальные проблемы и коллизии, так как нет необходимости в разработке социальной политики, или нужна масштабная социальная политика даже в условиях развитого рыночного хозяйства. Мне кажется, что этот вопрос существует только у наших либералов, но, похоже, что и они уже тоже готовы изменить свои установки. Западные же страны давно на него ответили различными моделями продуманной социальной политики.

России тоже пора уяснить, что «чистая» рыночная идеология не работает. Необходимо понять, как совместить «либеральную рыночную модель» и «социальную государство». А только после этого стоит вырабатывать какие-то конкретные рекомендации, на которых так настаивали некоторые участники круглого стола. Я думаю, что начинать надо с создания рабочих мест на всем пространстве России – мест, которые могут обеспечить реальные условия для решения проблем безработицы и низких доходов населения. Если по Москве численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составляет 12–13%, то уже во Владимирской области их почти 30%, а в Ивановской области – более 35%, в Калмыкии – почти 50% населения имеют денежные доходы ниже прожиточного минимума, а в Ингушетии – почти 60%. Корень многих проблем Северного Кавказа именно в вопиющей бедности населения. Чтобы удовлетворить потребности людей, чтобы обеспечить им достойную заработную плату, надо прежде всего дать им работу. Иначе говоря, практическое решение

социальных проблем во многом, если не в основном, связано с промышленной политикой.

Я хотел бы обратить особое внимание на положение с молодежью. Я располагаю некоторыми фактическими данными, и они меня просто поражают. Каждое поколение молодежи становится по всем параметрам хуже и хуже: здоровье, образование, интеллект, и даже питание. У нас в стране примерно 10% населения (14 миллионов человек!) потребляют менее 1000 калорий в день, 40% – 2000 и менее калорий в день при минимальной ежедневной норме 2100.

Отдельная проблема – наркомания. Оказывается, это молодежная болезнь: среди несовершеннолетних наркоманов в 1,5 раза больше, чем среди взрослого населения. От общего числа наркоманов 67% приходится людей в возрасте до 30 лет. И нынешний экономический кризис ударил главным образом по молодежи. Если в начале 2008 г. среди безработных с высшим образованием молодежь (в интервале 25–29 лет) составляла примерно 17%, то в начале 2009 г. – уже 25%. Среди безработных на молодежь в интервале 20–29 лет с высшим образованием в прошлом году приходилось 36%, а в этом году – 44%. Почти половина безработных людей с высшим образованием – молодежь.

Еще одна горячая молодежная тема – это кризис образования. Статистика демонстрирует рост числа высших учебных заведений и численность студентов. Но попробуем посмотреть на эти данные с другой стороны и понять, за счет чего идет этот рост. Нетрудно заметить, что в основном этот рост обусловлен увеличением числа частных вузов и заочной формой образования. При общем росте числа вузов с 2000 г. (15%) число частных вузов выросло на 50%; численность студентов в государственных вузах – на 45%, а в частных – на 166%; число студентов по заочной форме образования – на 92%, тогда как число студентов на очной форме составило 36%. Формально – все нормально и все хорошо. Но все прекрасно понимают, что заочное образование намного хуже очного. Хирурга заочно подготовить невозможно. Возьмем частные вузы. Конечно, такую форму образования в целом отвергать нет смысла. Но опыт показывает, что они по качеству подготовки специалистов намного уступают государственным вузам. Мне кажется, что одно из направлений государственной социальной политики должно быть связано с мерами по блокированию этих негативных тенденций. И без масштабных инвестиций в образование здесь не обойтись.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

А.Ю. Шевяков

Институт социально-экономических
проблем народонаселения РАН,
Москва

Экономическое неравенство как результат кризиса

Острые социально-экономические диспропорции, низкая продолжительность жизни, смертность, почти двукратно превышающая рождаемость и более чем двукратно превышающая смертность в развитых странах, снижающийся средний уровень человеческого и социального капитала представляют серьезную угрозу социально-политической, экономической и демографической ситуации в стране, особенно в условиях развивающегося кризиса.

В основе сложившейся ситуации лежит несколько фундаментальных причин, которые не осознаются или не принимаются во внимание российским правительством при осуществлении социальной политики. Это прежде всего миф о том, что по мере экономического роста будут автоматически создаваться возможности для успешного решения социальных проблем и повышения уровня жизни большинства населения.

В результате – достижения в социальной сфере начинают оцениваться и подменяются экономическими показателями, а ориентирами для оценки успешности социальной политики и выработки мероприятий по решению социальных проблем служат в основном *среднестатистические показатели*, которые не только не дают реального представления о продолжающемся углубляться социально-экономическом неравенстве и бедности, о существе и глубине проблем деформации распределительных отношений, но более того, – дезориентируют.

Например, измерение бедности в России связано с прожиточным минимумом (ПМ). Выбор его значения достаточно субъективен, и поэтому снижение показателя бедности может говорить не о ее реальном уменьшении, а о неоправданном занижении правительством величины ПМ, отставании ее корректировки из-за роста цен и т.п. Идеология построения ПМ имеет свои корни в советской действительности, когда многие необходимые потребности население удовлетворяло через общественные фонды потребления и семья даже с низкими доходами имела бесплатный доступ к услугам здравоохранения, образования и отдыха. Сегодня ситуация изменилась, и за боль-

шинство услуг приходится платить. Однако многие аспекты жизни человека, например затраты на приобретение жилья, в прожиточном минимуме по-прежнему не представлены, и он является скорее уровнем выживания.

Если же говорить о показателях относительной бедности, которые используются в странах ЕС (как правило, 60% от медианного (среднего) уровня доходов), то численность относительно бедного населения России неуклонно продолжает расти. С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется просто абсурдным и показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная прежде всего с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, когда нарушается даже естественная логика снижения бедности по мере экономического роста.

Случайно или нет, но показатель бедности и нормативы его снижения в планах правительства напрямую нигде не обозначены. Подтягивание к прожиточному минимуму таких показателей, как МРОТ, пенсия, пособие, заработная плата бюджетникам и т.п., призваны демонстрировать «серьезные» усилия правительства по решению проблемы бедности, однако в действительности влияние этих мероприятий на ее снижение незначительно.

Сегодня в России, несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов, продолжает нарастать социальная поляризация и концентрация ввиду форсированного роста самых высоких доходов и заработной платы. От реформ выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения (9 и 10-я децильные группы). Группы населения со средними (близкими к медиане) доходами даже не восстановили тот уровень благосостояния, который они имели в 1990 г., а группы населения с самыми низкими доходами остались за чертой абсолютной бедности.

Особенно тревожно положение с детской бедностью. По *абсолютному* ее показателю (доход на ребенка ниже ПМ), детская бедность сегодня составляет 24%, а *относительная* (ниже 60% среднедушевого дохода) – 46% против бедности по всему населению РФ (13% и 34%,

соответственно), при средневропейской детской бедности в 6–8%. С каждым последующим деторождением семья погружается во все более глубокую бедность: относительная бедность полной семьи с одним ребенком – 42%; полной семьи с двумя детьми – 48%; полной семьи с тремя детьми – 55%. Во всех семейных разрезах масштабы детской бедности в России в 4–5 раз превышают средние по OECD показатели, а для Западной Европы – в 10 раз!

Проведенный анализ показывает, что существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в пользу богатых, большая доля совокупного роста доходов уходит на рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения, что позволяет им перетягивать на себя большую часть преимуществ от экономического роста.

В результате избыточное социально-экономическое неравенство и бедность в России достигли угрожающих величин. Коэффициент Джини давно превысил критический уровень 0,4 и приближается к отметке 0,5. В 1990 г. относительная граница бедности (ОГБ, 60% среднедушевого дохода) пролегла между среднедушевыми доходами 3 и 4-й децильных групп. В 2000-е годы ОГБ приблизилась к среднедушевому доходу в 6-й децильной группе, причем неравенство тем больше, чем выше экономический рост и богаче регион. Так, в Москве, где уровень доходов в 3 раза превышает средний по стране, неравенство почти в два с половиной раза выше среднероссийского: 42 против 17 в коэффициентах дифференциации в 2007 г.

Для эффективного социально-экономического и демографического роста доходы у большинства населения должны быть выше функциональных границ, ниже которых у людей возникают трудности по реализации своих репродуктивных желаний, поддержания здоровья и получения образования, а качество трудовых ресурсов общества и система стимулирования должны быть настроены на максимальное использование возможностей производительных сил общества. *Именно этому должны соответствовать уровень и распределение ресурсов для воспроизводства человеческого капитала и соответствующие распределительные механизмы.*

Системная роль социально-экономического неравенства в определении совокупных функциональных возможностей населения выражается в том, что при одних и тех же интегральных значениях фундаментальных

факторов (ресурсов) общий уровень осуществимости и доступности каждой из значимых для развития человеческого потенциала функций может варьироваться в широких пределах.

Несмотря на то что неравенство доходов по существу является определяющим для динамики социально-экономических факторов, оно почти всегда оставалось на периферии не только социальной политики, но и экономической теории. Ориентируясь в реальной политике на абсолютные показатели уровня жизни и связывая его повышение только с экономическим ростом и наличием ресурсов, российское правительство практически не принимает во внимание неравенство, которое даже не включено в перечень показателей, подлежащих мониторингу и управлению.

Вместе с тем анализ динамики его структурных компонент позволяет показать, насколько мощное обратное воздействие на экономическую и демографическую динамику оказывает социально-экономическая дифференциация населения, определяемая характером распределительных отношений. Количественная оценка эффектов взаимодействия социальных и экономических факторов позволяет утверждать, что факторы избыточного неравенства и высокой относительной бедности являются определяющими в объяснении динамики социально-экономических и демографических показателей. Выявленные статистические зависимости позволяют говорить об исключительной значимости фактора неравенства в российских условиях: при оптимальном перераспределении доходов, снижающим величину коэффициента дифференциации до 7–10, рост ВВП в период 2000–2007 гг. мог бы быть выше фактического на 30–50%, а при годовом росте реальных доходов на 10%, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле.

Существующие сегодня распределительные отношения и механизмы социальной поддержки населения не отвечают требованиям современного социального государства, ведут к дальнейшему расслоению общества, не обеспечивают для большинства населения не только комфортного, но даже во многом необходимого для полноценного воспроизводства человеческого капитала уровня жизни. *Снижение масштабов неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения, а основная проблема социальной политики – это институциональные реформы.*

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Ю.Г. Павленко

Институт экономики РАН, Москва

Социальная политика в условиях модернизации

Состояние социальной сферы в определенном смысле является производным от той экономической политики, которая проводится уже два десятилетия в рамках так называемой радикальной экономической реформы. Последняя, как известно, включает шокотерапию, приватизацию и дерегулирование экономики. В результате мы пришли к тому состоянию экономики, которое сейчас имеем. Особенно наглядно это проявилось в положении российской экономики в условиях мирового финансового кризиса.

За последние 20 лет в стране построен так называемый периферийный капитализм. Воспользуемся понятием из теории миросистемы, которая рассматривает экономики разных стран как некую их совокупность, состоящую из богатого ядра и бедной периферии. До распада СССР и мировой соцсистемы мир делился условно на три части: развитые страны, социалистические страны, или второй мир, и развивающиеся страны, которые назывались странами третьего мира. В новых условиях в рамках новой мировой архитектоники мы оказались в когорте стран периферийного капитализма. И это несмотря на то, что формально Россия входит в «восьмерку» и «двадцатку» наиболее влиятельных стран мира.

Социальная политика в странах периферийного капитализма, или, по старой терминологии, в странах третьего мира, отличается от политики в этой сфере не только в высокоразвитых странах, но и от бывших социалистических стран, включая СССР. Исходя из этого сложившееся положение дел в социальной сфере России предсказуемо и вполне закономерно. Но есть и другая сторона. Она определяется противоречием между периферийным капитализмом, который у нас построен за 20 лет, и чертами развитого капитализма, которыми обладал так называемый второй мир. Их объединяли, в частности, особенности социальной структуры, для которой было характерно доминирование среднего класса, хотя и не основанного на традиционной частной собственности. В рамках такой социальной структуры наши граждане пользовались широким доступом к образованию, медицине, культуре, жили в условиях безопасности. Теперь многим из них данные социальные блага недоступны.

СССР относился к странам с достаточно высоким уровнем развития человеческого потенциала и, соответственно, уровнем потребностей граждан. Формирование потребностей человека – достаточно длительный процесс, и как устойчивой совокупности ему свойствен высок уровень инерционности. В результате человек, как правило, с большим трудом, соглашается с урезанием возможностей удовлетворения своих потребностей – скорее предпочитает компенсировать, например, снижение реальных доходов поисками дополнительного заработка. Еще Дж.М. Кейнс обратил внимание на то, что цены на товары могут снижаться и расти. А вот заработная плата как источник воспроизводства рабочей силы имеет тенденцию к движению в одном направлении, к росту, т.е. мы имеем дело с однонаправленным механизмом.

Это подтверждает и постсоветская практика. Несмотря на революционные изменения в экономике, приведшие первоначально к снижению в целом реальных доходов населения, граждане постарались удержать завоеванные социальные позиции. Так, несмотря на все финансовые трудности, Россия остается страной с высоким показателем числа студентов и с высоким уровнем образования населения. Ответственная социальная политика государства должна с этим считаться. Сохранение и развитие человеческого потенциала – это не только проблема удовлетворения сформировавшихся потребностей граждан, не только требование социальной справедливости, но и важнейший воспроизводственный фактор.

Что же делается и что нужно делать для создания экономических предпосылок сильной социальной политики, не зависимой от внешних факторов? К сожалению, за последние 10 лет, и этот факт констатировал президент страны, мы ничего не сделали для развития и модернизации экономики. Много сделано в создании рыночной инфраструктуры, стабилизации рубля. Но не были созданы условия для устойчивого развития. Экономический рост, связанный с благоприятной внешней конъюнктурой, в стране был, но развития не было. Создана сырьевая экономика открытого типа, сильно зависимая от внешнего рынка. Практически 50% ВВП в ней производится через внешнеторговые операции. При этом так и не появился внутренний рынок для отечественного производителя.

Что касается перспектив развития, то ключевое слово «модернизация» было произнесено и несколько раз повторно. Правда, звучит оно пока либо как общая фраза, либо в контексте фрагментарных мероприятий, например перехода на энергосберегающие лампочки. Представляется, что даже комплексная модернизация экономики нуждается в качестве важнейшего условия еще и в мобилизации имеющихся ресурсов на общенациональные цели.

Мобилизация ресурсов должна осуществляться в рамках модернизации общества и его институтов. Здесь выделим два момента. Во-первых, необходимо поднять уровень со-

циальной интеграции, который предполагает больше равенства и, соответственно, больше кооперации, сотрудничества и партнерства между гражданами и социальными группами. На языке экономики это означает резкое снижение дифференциации доходов населения, приближение по данному параметру к развитым странам. Во-вторых, активизировать деятельность институтов гражданского общества как реального и равноправного субъекта во взаимодействии с государством и бизнесом. Концепции и механизмы государственно-частного партнерства следует расширить и распространить на сферу взаимоотношений между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Л.И. Якобсон

ГУ ВШЭ, Москва

Слабость социальной политики: недоработка начальства или симптом состояния общества?

Прежде всего я хотел бы сделать заявку на рекорд пессимизма, начав с предельно пессимистического заявления. Социальной политикой в нашем государстве управляют отнюдь не дураки, не невежды и не жестокосердные монстры. Это я утверждаю уверенно, поскольку большинство из этих людей знаю лично.

Почему это заявление пессимистично? Потому что очень многие выступления по вопросам социальной политики базируются на оптимистическом допущении. Дескать, надо просто объяснить начальству, что к чему, а лучше это начальство заменить, и все устроится наилучшим образом. Однако наши руководители не хуже выступавших видят реальные проблемы, оценивают их схожим образом и очень хотят решить. Есть только одна маленькая деталь, – а именно вопрос «как?». Не от кого другого, а от специалистов, ученых, экспертов ждут ответа на этот вопрос. А мы чаще всего усматриваем свою миссию в том, чтобы показать остроту проблем (это действительно достойный предмет исследования) и призвать выделять средства для их решения.

Теперь о моем понимании социальной политики. Я полагаю, что социальная политика – это политическое измерение конкуренции социальных групп за ресурсы общества. И поскольку это политическое измерение, оно прослеживается, разумеется, в рамках государственных институтов. Государство – не субъ-

ект, а площадка взаимодействия субъектов, обустроенная совокупностью соответствующих институтов. А акторами являются социальные группы, точнее, их представители. И что здесь очень существенно? Социальная политика, больше чем любая другая, есть политика распределения, значит, не может быть «дамой, приятной во всех отношениях».

Почему это так важно? Потому что еще одно существенное допущение, которое часто фигурирует в рассуждениях о социальной политике, состоит примерно в следующем. Надо бы написать правильную концепцию, с которой все согласятся, кроме злодеев-олигархов, и все будет здорово. *Но социальная политика как явление существует ровно потому, что интересы разных социальных групп между собой не совпадают.* Социальная политика есть, в конечном счете, распределение общественного пирога. Можно ли представить себе состояние общества, в котором распределение небесконфликтно? Можно, именно это называется «коммунизм». Но в таком состоянии нет места социальной политике, нет надобности в ней, есть просто производство всевозможных благ «по потребностям».

Сомневаюсь, что коммунизм достигим, что когда-либо наступит всеобщая социальная гармония. А если ее нет, не обойтись без социальной политики, по определению конфликтной и спорной. Вопрос в том, кем выдвигают

ся конкурирующие проекты, насколько они адекватны тем или иным интересам, кто и как осуществляет выбор. Это в действительности вопрос о политической системе и уровне развития гражданского общества.

У каждой группы, как правило, есть свое представление о справедливости. Имеются, конечно, и какие-то базовые представления, по которым достигается консенсус. Кстати говоря, жизнеспособность общества во многом зависит от того, насколько широко поле консенсуса. Но оно никогда не охватывает деталей распределения общественного пирога. Представления о справедливости конкурируют.

Скажу опять нечто, может быть, провокационное, может быть, обидное. Когда специалисты по социальной политике пишут о чем-то как о должном, в качестве этого должного принимается зачастую симпатичное именно для данной группы, а именно – научной интеллигенции. Но это специфические представления о справедливости, которые отнюдь не обязательно разделяются другими группами.

Нет каких-либо оснований стыдиться своих групповых интересов и представлений. Более того, надо их отстаивать в конкуренции с представлениями и интересами других групп. Но нет и оснований придавать групповым пристрастиям сакральный статус. Вообще говоря, организация социальной политики есть оборудование площадки нормальной, здоровой, конструктивной конкуренции.

Теперь о состоянии гражданского общества. Будучи профессиональным экономистом, я довольно много занимаюсь этой вроде бы непрофильной для себя тематикой, именно потому, что считаю ее критически важной. Если говорить коротко, – *гражданское общество в России пока слабое, поэтому не может быть и сильной социальной политики*. Это не значит, что невозможно улучшения в существующем коридоре. Но надо понимать, что коридор ограничен. И ограничения определяются отнюдь не личными качествами того или иного министра. Большое значение имеет сравнительная зрелость общественных групп с точки зрения организованности и способности осмысленно отстаивать свои интересы. Например, крупный бизнес организован гораздо лучше, чем малый, а бизнес в целом – лучше, чем занятые и т.д. Многое зависит также от культурных факторов.

Означает ли это, что государство в принципе не способно стать радетеlem интересов большинства? Для ответа на данный вопрос нужно понять, что есть государство. Если речь идет о монархии, то воля государства – это воля индивида. Можно придериваться мнения, что помазанник выражает некий высший интерес,

которому должны быть подчинены частные интересы. Но это вопрос веры. Применительно к республике такого вопроса нет. Есть групповые интересы и их носители, которые, побеждая конкурентов в политической борьбе, придают своим интересам статус общественных. Однако при демократическом устройстве этот статус, во-первых, временный и, во-вторых, не исключающий защиты интересов меньшинств.

Означает ли это, что у нас нет общенациональных интересов? Конечно, нет. Всеми признается, например, необходимость заботиться об инвалидах или платить пенсии пожилым. Но когда мы добираемся до деталей, скажем, до ставок отчислений в Пенсионный фонд, тут уже все гораздо сложнее и во многом зависит от культуры данного общества, от его политических институтов и много еще от чего.

Перейду к практической стороне дела. Что действительно произошло во время кризиса? Сошлюсь на исследование Высшей школы экономики, проведенное совместно с Межотраслевым аналитическим центром. Его предметом была антикризисная политика в реальном секторе. Вы сейчас поймете, почему я его упоминаю, хотя мы сегодня обсуждаем социальную политику. Исследование показало, что антикризисная программа была ориентирована на интересы крупного бизнеса, опять же не в силу того, что начальники плохие, а потому что крупный бизнес был едва ли не единственной группой, которая внятно артикулировала свои интересы. Эта группа не просто указывала на проблемы, а более или менее консолидировано продвигала конкретные пути их решения. Понятно, что позиция не была бескорыстной, но в конкуренции за раздел общественного пирога вполне бескорыстные позиции вообще редко встречаются.

Что касается собственно социальной антикризисной политики, то власти действовали в ответ на угрозы, реальные или мнимые, но – воспринимаемые угрозы. Точность восприятия проблематична. Но вектор понятен: это скорее предотвращение потрясений, чем работа на перспективу. Правда, была еще одна важная составляющая – работа, проведенная в отношении пенсий. Надо понимать, что речь идет не просто о подарке пенсионерам, а о выборе, например, между повышением пенсий и повышением пособий многодетным семьям. Повышение пенсий, естественно, ограничивает возможность повышения пособий и заработных плат бюджетникам. Сделанный выбор имел политический характер, что вообще характерно для распределительной политики. Это та самая конкуренция, о которой я говорил раньше.

Что дальше? Вопрос о модернизации политики. Та модель экономической и социальной

политики, которая, при всех несовершенствах срабатывала в докризисные тучные годы, себя в целом исчерпала. До кризиса делили деньги, сваливавшиеся с неба, никем не заработанные. Я имею в виду доходы от экспорта быстро дорожавших природных ресурсов. Это обостряло полемику о справедливости, потому что продавали, скажем, нефть, которая, вообще говоря, общее достояние, а получаемые доллары делили отнюдь не поровну. Дальше такого, видимо, не будет. Не потому, что станем делить строго поровну, а потому, что придется зарабатывать. А модели социальной политики, которая была бы адекватной ситуации, когда мы зарабатыва-

ем себе на жизнь как страна (последние 10 лет мы каждый год как бы выигрывали в лотерею и спорили о том, как поделить выигрыш), пока нет. Скажу только, что прямолинейного выравнивания доходов не получится, потому, в частности, что бизнес в России все еще плохо обустроен и очень рискован. Значит, нужна высокая норма прибыли, чтобы он не убежал за границу.

Я не готов предложить простой ответ на вопрос, что делать. Одно, по крайней мере, ясно: стоит посмотреть, насколько рационально мы используем деньги в нашем образовании, здравоохранении, культуре, при том что всем им средств действительно не хватает.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

А.Я. Рубинштейн

Институт экономики РАН

Вместо заключения

Я не буду подводить итоги состоявшейся дискуссии. Ознакомившись с представленными текстами, каждый читатель, наверное, может сделать это самостоятельно. Выскажу лишь несколько общих соображений в отношении социальных последствий экономического кризиса и социальной политики.

1. Хорошо быть богатым и здоровым. Хорошо иметь большой ВВП и нестареющее население, почти полную занятость с безработицей менее 2% и скандинавскую дифференциацию душевых доходов с коэффициентом Джини менее 5. В такой идеалистической экономике фактически нет нужды в социальной политике, ибо круговертится в ней в основном частные товары, объемы и цены которых формируются в соответствии с «вульгарным» законом Сэя. Однако жизнь наша отличается от «богатой и здоровой» экономики: в дополнение к частным товарам в ней присутствуют «опекаемые блага», производство которых нуждается в бюджетных ресурсах. И в этой жизни экономический кризис, вызвав сокращение реальных доходов населения, привел к ситуации, которую можно определить следующей общей формулой – *усиление противоречия между потребностью в увеличении объема опекаемых благ и необходимостью сокращения всегда ограниченных бюджетных средств.*

2. Как же разрешается данное противоречие? А вот это уже компетенция социальной политики, которую можно интерпретировать как выделение приоритетных направлений общественной опеки, соответствующих конкретному времени и обстоятельствам. Иначе говоря, *экономический кризис, требующий рано или поздно сокращения бюджетных расходов, порождает*

изменения в структуре опекаемых благ. Наблюдая поведение различных стран в кризисный и посткризисный период, можно заметить существенные отличия в их общественных предпочтениях. Румыния, например, объявила о снижении зарплат и пенсий служащим, Италия собирается экономить бюджетные средства за счет сокращения затрат на образование и здравоохранение, Англия ищет возможности в уменьшении расходов правительства и т.п. Россия же решила выполнять свои социальные обязательства (главным образом в отношении обещанного уровня пенсий), принеся в жертву ряд других видов опекаемых благ, и прежде всего в сфере культуры.

3. Конечно, нельзя исходить из того, что для каждой конкретной ситуации существует единственно возможная или объективно лучшая социальная политика. Она всегда лежит в поле нормативных решений самуэльсоновского «эксперта по этике», где главную роль играют ценности, характерные для данного общества и данного времени. Вместе с тем любое общество неоднородно, в нем присутствуют различные социальные группы, интересы которых, мягко говоря, не совпадают. И часто бывает, что властвующие элиты монополизируют право постулировать общественные интересы, формируя соответствующую социальную политику. Поэтому, обсуждая данную тему, следует ответить на несколько принципиальных вопросов. Во-первых, насколько устанавливаемые правительством приоритеты отражают фактические предпочтения общества. Во-вторых, существуют ли границы возможных изменений в структуре опекаемых благ, имея в виду

траектории предшествующего развития (*path dependence*). И, наконец, в-третьих, что можно сделать, для того чтобы социальная политика максимально соответствовала или хотя бы приближалась к общественным предпочтениям.

4. Анализ динамики объема и структуры опекаемых благ, их сопоставление с советским временем и зарубежными странами вызывают у специалистов серьезные претензии к проводимой социальной политике, в основе которой лежат установки философии, опирающиеся на известную философию «меценатствующего государства». При этом надо ясно понимать, что благотворительность чиновника отдаляет правительственный выбор от общественных предпочтений. Государство не должно тратить общественные ресурсы, имитируя благотворительность частного лица, расходующего личные средства. Будучи важнейшим институтом общества, оно выступает в качестве «ответственного» за коллективные интересы, реализация которых требует бюджетных ресурсов. Речь идет именно об общественном институте, а не о персонифицированном субъекте, принимающем «государственные решения». Удовлетворение потребностей общества, достижение поставленных целей – это та отдача, которая превращает государственные расходы в инвестиции, несмотря даже на то, что не все общественные интересы можно выразить в терминах экономического роста. *Переход от «государства-мецената» к «государству-инвестору» должен стать, на мой взгляд, доминантной модернизации социальной политики.*

5. Отвечая на второй вопрос, не следует забывать, что, в отличие от других стран с аналогичным и даже большим душевым ВВП, нам достались в наследство развитая инфраструктура науки и культуры, высокий уровень образования – не меньшее, чем углеводородные ресурсы, богатство России. Обладая такой предысторией, нельзя допускать бездумное сокращение государственных расходов на производство опекаемых благ в этих отраслях. Учитывая гуманитарные традиции и необходимость ограничения самопровозглашенных полномочий бюрократии, имеет смысл обратиться к стратегии «социального императива», в основании которой лежат конкретные бюджетные обязательства государства. Иначе говоря, вместо остаточного принципа и щедрот чиновников должны быть восстановлены существовавшие в российском законодательстве нормативы минимальной доли расходов бюджета, направляемых в науку, культуру и образование. Замечу, что, по мере развития демократических институтов и сокращения разрыва между приорите-

тами правительства и общественными предпочтениями, значение таких нормативов будет снижаться. *В условиях же несформировавшегося гражданского общества указанные нормативы несут в себе защитные функции и отражают зависимость развития страны от ее предыдущей истории.*

6. Очень сложно, если вообще возможно, выстроить эффективную социальную политику, определить и реализовать ее текущие приоритеты, когда отсутствуют развитые институты гражданского общества, соответствующие каналы выражения мнений и требований различных общественных групп, законные возможности отстаивания их прав. В таких условиях ничего не остается, кроме призрачных надежд на разумные решения властвующих элит, веры в их способность вопреки своим интересам отстаивать интересы всего российского общества. Но, даже страдая избыточным оптимизмом, нельзя не думать о социальной политике, опирающейся на широкомасштабную демократизацию российского социума, на построение институтов гражданского общества, обеспечивающих контроль государственного аппарата и приближение правительственных решений к реальным общественным предпочтениям. И не следует пользоваться отговорками, будто бы российский социум еще не созрел до институтов гражданского общества. Совсем не обязательно, а иногда и просто вредно решать все проблемы сразу. Можно и нужно искать возможности внедрения «промежуточных институтов», обеспечивающих приближение выбора власти к общественным предпочтениям.

7. Назову в качестве примера лишь некоторые из таких институтов: снятие процентных барьеров для политических партий и создание условий для формирования эффективной оппозиции в парламенте, способной отстаивать альтернативные взгляды; создание профсоюзов западного типа, обеспечивающих защиту интересов работников; создание институтов реализации «политики вытянутой руки» наподобие уже существующих в науке РФФИ и РГНФ; обеспечение участия населения в выборе приоритетов производства опекаемых благ посредством предоставления возможности перечислять до 3% подоходного налога в конкретные отрасли социальной сферы; использование возможностей Интернета и социальных сетей для выявления реальных предпочтений населения и т.п. Я не настаиваю именно на этих конкретных мерах, но уверен, что в чем-то подобном остро нуждается российское общество. Только в этом случае можно рассчитывать на эффективную модернизацию социальной политики.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Научная жизнь

Р.Т. Сульимова

Национальная премия
по прикладной экономике

И.И. Прохорова

XI Международная научная
конференция по проблемам развития
экономики и общества

К.П. Юрченко

VII Международная научно-практическая
конференция по проблемам
экономического развития
«Устойчивое развитие российских
регионов: инновации, институты
и технологические заимствования»

В.Ю. Музычук

Международный форум
по Партнерству Северного измерения
в сфере культуры

Р. Т. Сультимова

ГУ ВШЭ, Москва

Национальная премия по прикладной экономике

8 апреля в рамках XI Международной научной конференции ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества состоялась торжественная церемония вручения первой в России Национальной премии по прикладной экономике.

Национальная премия по прикладной экономике была учреждена в 2009 г. ведущими экономическими вузами и аналитическими центрами страны – Государственным университетом Высшей школой экономики (ГУ ВШЭ, Москва), Российской экономической школой (РЭШ, Москва), Уральским государственным университетом им. А.М. Горького (УрГУ, Екатеринбург), Ассоциацией независимых центров экономического анализа (АНЦЭА, Москва), Институтом мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН, Москва), Деловым журналом «Эксперт» (Москва). Партнером премии является холдинг «Комплексные энергетические системы» (<http://www.ies-holding.com>). Подробную информацию о премии, учредителях и партнерах вы можете найти на сайте <http://www.econprize.ru>.

Премия будет присуждаться один раз в два года, начиная с 2010 г., за выдающиеся результаты в прикладных исследованиях российской экономики, которые опубликованы и имеют важное общественно-полезное значение для развития научных исследований и образования в области экономики и для повышения эффективности российской экономики.

В этом году жюри рассмотрело 23 работы, представленные на конкурс. Размер премии в 2010 г. составил 1,5 млн руб.

Лауреатом первой Национальной премии по прикладной экономике стала работа Юрия Городниченко, Хорхе Мартинеса-Васкеса и Клары Сабирьяновой Питер «Мифы и реальность перехода к плоской шкале налогообложения: микроанализ уклонения от уплаты налогов и изменения благосостояния в России» (Yuriy Gorodnichenko, Jorge Martinez-Vazquez, Klara Sabirianova Peter «Myth and Reality of Flat Tax Reform: Micro Estimates of Tax Evasion Response and Welfare Effects in Russia», опубликована в «Journal of Political Economy» за 2009 г. № 3). Аннотация статьи доступна на сайте <http://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/599760>. Жюри Премии отметило новаторский эмпирический и теоретический подход, представлен-

ный в работе, который применен к решению важной для российской экономической политики задачи – оценке влияния плоской шкалы подоходного налога на изменение благосостояния и уровень раскрытия доходов в России. По мнению жюри, сильной стороной данной работы является использование в ней современных эконометрических методов.

Юрий Городниченко является профессором экономического факультета Калифорнийского университета в Беркли (персональная страница: <http://www.econ.berkeley.edu/~ygorodni/index.htm>); **Хорхе Мартинес-Васкес** – директор программы международных исследований Школы политических исследований имени Эндрю Янга, Университет штата Джорджия (персональная страница: <http://aysps.gsu.edu/MartinezJ.html>); **Клара Сабирьянова Питер** – профессор экономического факультета Школы политических исследований имени Эндрю Янга, Университет штата Джорджия (персональная страница http://www.gsu.edu/~ecoksp/Klara_Peter.html).

После церемонии вручения премии Клара Сабирьянова выступила с почетным докладом по теме своего исследования – о плоской шкале налогообложения доходов физических лиц. Плоская шкала налогообложения, в соответствии с выводами разработанной в исследовании модели, лучше подходит для стран с высокой долей теневого сектора. Было показано, что введение такой шкалы подоходного налога уменьшает уход от налогообложения, но при этом мало влияет на производительность. С 2001 г. плоская шкала подоходного налога, подобная российской, появилась в 20 странах мира. В следующем году в Екатеринбурге лауреаты премии выступят с циклом открытых лекций.

Из номинированных на премию работ жюри особо отметило следующие:

Цикл работ **Евсея Гурвича «Проблемы бюджетной и денежно-кредитной политики России»:**

Гурвич Е., Вакуленко Е., Кривенко П. (2009): Циклические свойства бюджетной политики в нефтедобывающих странах // *Вопросы экономики*. № 2;

Гурвич Е., Соколов В., Улюкаев А. (2009): Анализ связи между курсовой политикой ЦБ и процентными ставками: непокрытый

и покрытый паритет // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1–2;

Гурвич Е., Соколов В., Улюкаев А. (2008): Оценка вклада эффекта Балассы–Самуэльсона в динамику реального обменного курса рубля // *Вопросы экономики*. № 7;

Гурвич Е. (2007): Перспективы российской пенсионной системы // *Вопросы экономики*. № 9.

Статью **Рубена Ениколопова и Екатерины Журавской «Децентрализация и политические институты»:**

Enikolopov R., Zhuravskaya E. (2007): Decentralization and Political Institutions // *Journal of Public Econ.* Vol. 91. № 11–12. P. 2261–2290.

Статью **Ирины Денисовой, Маркуса Эллера, Тимоти Фрая и Екатерины Журавской «Кто хочет пересмотреть приватизацию? Взаимодополняемость навыков рыночного поведения и институтов»:**

Denisova I., Eller M., Frye T., Zhuravskaya E. (2009): Who Wants to Revise Privatization? The Complementarity of Market Skills and Institutions // *American Political Science Rev.* Vol. 103. № 2. P. 284–304.).

Статью **Ирины Денисовой «Взрослая смертность в России: микроанализ»:**

Denisova I. (2009): Adult Mortality in Russia: a Microanalysis // *Economics of Transition*. Vol. 18. № 1. P. 1–31.

Поступила в редакцию 12 мая 2010 г.

И.И. Прохорова

ГУ ВШЭ, Москва

XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества

6–8 апреля 2010 г. Государственным университетом Высшей школой экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда проведена XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества.

В конференции приняли участие 1483 человек. Более 500 человек дополнительно присутствовали на отдельных секционных заседаниях и круглых столах. На конференции присутствовали представители федеральных органов исполнительной власти (Администрации Президента, Правительства РФ, министерств, федеральных агентств, федеральных служб), Совета Федерации и Государственной Думы, Федерального собрания РФ, Центрального банка России, Российского союза промышленников и предпринимателей, Федерации независимых профсоюзов России, сотрудники институтов РАН, университетов, научных институтов и центров.

На пленарном заседании 6 апреля «Модернизация экономики: рынки, фирмы и структурные сдвиги» выступили: заместитель председателя Правительства РФ министр финансов РФ А.Л. Кудрин; президент, председатель правления Сбербанка России Г.О. Греф, вице-президент Всемирного банка О. Кануто (O. Canuto), управляющий директор «Mc Kinsey & Company» Д. Бартон (D. Barton), научный руководитель ГУ ВШЭ Е.Г. Ясин.

Министр финансов **А.Л. Кудрин** отметил: «Высшая школа экономики сделала

очень большие шаги в развитии научной мысли, прежде всего экономической. Правительство очень часто прибегает к услугам Высшей школы экономики. По сути, во многих рабочих группах совместно с министерствами работают специалисты Высшей школы экономики».

А.Л. Кудрин считает, что ключевой задачей является «формирование очень стабильной макроэкономики с низкой инфляцией и низкими ставками кредитования, которая по масштабу влияния перекрывает любые другие действия правительства – по поддержке отдельных отраслей, по введению мер повышения эффективности, которые работают несколько позднее».

По его мнению, «... только макроэкономическими мерами не добиться существенного экономического роста. Проведение реформ, которые бы способствовали снижению издержек предприятий, улучшению конкуренции, является необходимым моментом новой экономической политики; кроме того, это развитие всех институтов модернизации и инноваций. Именно в рамках этих институтов и этих механизмов мы можем привлечь те технологии, причем в массовом количестве, которые бы снизили издержки и повысили бы производительность труда».

Предыдущее десятилетие с 2000 по 2010 г. докладчик назвал «эпохой восстановления, эпохой Путина, эпохой роста социального уровня жизни». За этот период ВВП

России вырос на 68%, а промышленное производство – на 47%. Однако, по мнению А.Л. Кудрина, 2000-е годы не стали «годами, когда мы создали принципиально новый базис для новой экономики».

В области бюджетной политики министр отметил, что «после четырехкратного роста расходов федерального бюджета мы будем иметь десятилетие без роста расходов. В какой-то момент нам даже придется снизить расходы в реальном выражении – к 2015 г., по моей оценке, до 20%, но это консервативный сценарий, а к 2020 г. мы вернемся к уровню реальных расходов примерно 2010 г.»

Глава Минфина подчеркнул необходимость преобразования не только экономических институтов, но и политических. «Кризис был предупреждением, чтобы перестраивались экономические институты. Необходима реформа политических институтов и развитие политической конкуренции».

Причинами возникновения кризиса, по мнению председателя Сбербанка **Г.О. Грефа**, являются: «перепотребление в развитых странах, недопотребление и перепроизводство в развивающихся странах». Он полагает, что «мы все больше будем жить в эпоху нестабильности и растущей конкуренции».

Рассказывая о развитии Сбербанка, Г.О. Греф сформулировал основные задачи: ориентированность на клиента, индустриализация системных процессов в банке, создание производственной системы, развитие международной компоненты, внедрение системы непрерывного развития и обучения сотрудников, – а затем на основе клиентской базы охарактеризовал состояние различных отраслей российской промышленности: металлургической, нефтяной и газовой, автомобильной и цементной.

О. Кануто, вице-президент Всемирного банка, сравнивая экономику России и Бразилии, показал конкурентные преимущества Бразилии перед Россией в области создания благоприятной деловой среды и условий для инноваций. Он также отметил, что «экономический кризис предоставил возможность для переосмысления и ускорения реформ государственного финансового сектора и реформ по диверсификации экономики».

Управляющий директор «Mc Kinsey & Company» **Д. Бартон** считает, что российскому государству нужно решать проблему повышения производительности труда, так как сейчас Россия «стоит перед серьезными изменениями и вызовами».

Е. Ясин (научный руководитель ГУВШЭ) как научный руководитель проекта в своем

выступлении привел результаты исследования «Предприятия и рынки в 2005–2009 гг.: результаты двух раундов обследования российской обрабатывающей промышленности». Авторами (сотрудниками ГУ ВШЭ) были обследованы около 1000 средних предприятий различных отраслей промышленности: пищевой, текстильной, деревообрабатывающей, металлургической, химической, электронной и электротехнической, машиностроительной, транспортного машиностроения.

Пленарное заседание 7 апреля было посвящено проблеме «Сбережение народа: демографический, социально-экономический и политический контекст». На заседании выступили: заместитель председателя Правительства РФ **А.Д. Жуков**, министр образования и науки РФ **А.А. Фурсенко**, помощник Президента РФ **А.В. Дворкович**, ректор ГУ ВШЭ **Я.И. Кузьминов**, директор Института демографии ГУ ВШЭ **А.Г. Вишневский**, главный экономист Всемирного банка по регионам Европы и Центральной Азии **И. Гилл (I. Gill)**, главный экономист и специальный советник президента Европейского банка реконструкции и развития **Э. Берглоф (E. Berglof)**, директор Института трудовых исследований (Бонн) **К.Ф. Зиммерманн (K.F. Zimmermann)**, профессор в области государственного управления и окружающей среды Университета Индианы **М. Пирог (M. Pirog)**.

А.Д. Жуков (заместитель председателя Правительства) сделал доклад о проблемах здравоохранения и образования. Он отметил, что приоритетным направлением является национальный проект «Здоровье». Благодаря реализации этого проекта за период с 2005 по 2009 г. рождаемость увеличилась более чем на 6%, смертность сократилась почти на 12%, а младенческая смертность – почти на 20%. Он рассказал об изменениях в системе образования. Правительством подготовлены проекты о создании 7 федеральных университетов и 10–15 национальных исследовательских университетов.

А.А. Фурсенко (министр образования и науки РФ) считает, что на реальной экономике отразится демографический спад. Он полагает, что, «по самым оптимистичным прогнозам, за ближайшие три года число студентов сократится почти на 2 миллиона человек» и считает, что спад будет сильнее, а демографический спад в системе образования продлится до 2020 г.

А.А. Фурсенко отметил, что реализация Национального проекта «Образование» «... позволила вузам, которые участвовали в инновационных программах развития образования, по целому ряду направлений про-

двинуться вперед на 10–15 лет за счет целевой поддержки и стать конкурентоспособными не только в стране, но и в мире».

В своем выступлении ректор ГУ ВШЭ **Я.И. Кузьминов** отметил, что россияне все менее заинтересованы инвестировать средства в образование: «Стандарт поведения российских семей заключается в том, что, отдав ребенка в школу, семья с облегчением снимает с себя все заботы, включая инвестирование в дополнительное образование детей. Это очень опасно. Фактически наши семьи финансируют только точки перехода – переход в школу и переход в вуз». Согласно данным, приведенным в докладе Я.И. Кузьмина, во время кризиса доля семей, имеющих сбережения на образование, сократилась с 21 до 15%. А доля семей, которые хранят деньги на лечение, во время кризиса увеличилась с 20 до 30%.

Помощник Президента РФ **А.В. Дворкович** считает, что нужно изменить социальную политику государства, – настало время экономить. По его мнению, сокращение расходов в социальной сфере не приведет к падению уровня жизни народа, так как государство намерено модернизировать экономику, что увеличит темпы экономического роста и позволит поднять уровень жизни россиян.

А.В. Дворкович полагает, что «политика модернизации и инноваций – это возможность участия большого числа людей в интересных проектах, которые раньше не существовали на карте страны. Прежде всего для молодого поколения это сигнал, что они здесь востребованы, что можно оставаться здесь, можно рассчитывать на то, что жизнь здесь будет интересной, и не стремиться куда-то уезжать. Это точно часть политики сбережения нашего народа».

По мнению **И. Гилла** (главный экономист Всемирного банка по регионам Европы и Центральной Азии): «Россия недостаточно мобильна для модернизации, недостаточно концентрирует свои усилия на диверсификации, недостаточно специализирована за пределами нефтегазовой отрасли, для того чтобы быть конкурентоспособной. Более конкурентоспособная Россия будет означать более независимую в международном отношении Россию и взаимозависимую, т.е. устанавливающую взаимозависимость с другими странами, оказывающую влияние, приобретающую определенный статус».

Э. Берглоф (специальный советник президента Европейского банка реконструкции и развития) выделил пять факторов успеха, которые влияют на способности страны в продвижении модернизации: «конкурент-

ция, качество управления, качество институтов, человеческий капитал и финансовое развитие». Конкурентной среде, по мнению Э. Берглофа, мешают протекционизм и сложности, связанные с лицензированием. Необходимо более жестко продвигать конкурентные правила не только для частного бизнеса, но и для государственных компаний.

Э. Берглоф прогнозирует, что ситуация в российской экономике будет сложной, – он не видит в ближайшей перспективе притока долгосрочного капитала. Было отмечено, что «недостаточная квалификация российской рабочей силы пугает иностранных инвесторов даже больше коррупции».

В своем выступлении **М. Пирог** (профессор в области государственного управления и окружающей среды Университета Индианы) уделила внимание демографическим проблемам. Она отметила, что, по прогнозам, к 2050 г. общее население мира вырастет примерно на 2,5 млрд человек. Однако, по ее мнению, в России к 2050 г. население уменьшится на 30 млн человек: «Депопуляция, которая началась в 1992 г. с развалом Советского Союза, имеет другой характер, она более постепенная и достаточно необратимая. По сути она представляет самый длительный период депопуляции в истории России. И это тревожный момент, потому что это происходит в период относительной политической и экономической стабильности и спокойствия».

Директор Института трудовых исследований **К.Ф. Циммерманн** рассмотрел демографическую проблему с позиций Европейского союза и проанализировал проблемы миграции населения в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Он отметил, что европейские рынки не отличаются мобильностью, однако на них всегда найдется место для квалифицированного работника. Эксперт считает, что «заккрытие» стран и введение нулевых квот для мигрантов являются «тупиковым» путем.

За счет внешних ресурсов можно улучшить демографическую ситуацию в России, считает директор Института демографии ГУ ВШЭ **А.Г. Вишневский**: «Иммиграция – это единственный реальный ресурс, позволяющий хотя бы частично противостоять сокращению численности населения России. Только миграция может стать источником сбережения и приращения народа, без которого он будет умирать».

Широкое обсуждение тематики пленарных заседаний продолжалось в рамках симпозиумов «Фирмы и рынки» и «Проблемы и вызовы демографического развития» с участием российских и зарубежных экспертов.

Также был проведен симпозиум «Передовая международная практика в области научно-технической и инновационной политики».

Под эгидой Европейской ассоциации сравнительных экономических исследований (EACES) была организована секция «*Comparative Empirical Studies: What Can We Learn for Transition and Developing Countries*» (Сравнительные эмпирические исследования: что мы можем извлечь для переходных и развивающихся стран?).

Проблемы развития экономики и общества обсуждались в рамках 24 тематических секций и 3 симпозиумов, включающих 135 сессий и 18 круглых столов. На конференции было заслушано более 400 научных докладов, в том числе 109 докладов представлены зарубежными участниками. Как и в прошлые годы, за счет организации дополнительных мероприятий конференция превратилась фактически в «Научную неделю ГУ ВШЭ». Для студентов, аспирантов и преподавателей было организовано 18 публичных лекций, научных семинаров и мастер-классов, в том числе в Санкт-Петербургском и Нижегородском филиалах ГУ ВШЭ.

С почетными докладами на конференции выступили: президент Немецкого института экономических исследований (Берлин) и директор Института трудовых исследований (Бонн) **К. Циммерманн**, профессор экономики Школы политических исследований Э. Янга в Государственном университете Джорджии (США) **К. Сабирьянова Петер**, профессор и директор Института политологии Марбургского университета (Германия) **Д. Берг-Шлоссер**, профессор политологии Калифорнийского университета **Д. Трейсман**, редактор журнала «Newsweek International», обозреватель журналов «Newsweek» и «Washington Post» **Ф.Р. Закария** (в формате видеоконференции), директор Центра экономики и финансов, профессор Китайского университета в Гонконге **Дж. Фан**.

Интересные дискуссии состоялись в рамках круглых столов. Специальный круглый стол был посвящен *творческому наследию Егора Гайдара*. Главной своей заслугой Е. Гайдар считал, что в 1991–1992 гг. удалось спасти Россию от голода и гражданской войны. «С задачами, которые приходилось решать Егору Гайдару в ходе реформ, не сталкивался раньше никто», – считает **Е. Ясин**. По мнению **А. Нечаева**, президента банка «Российская финансовая корпорация», Е. Гайдар был «не только политическим деятелем, но и большим ученым, равных которому последние десять лет не было».

Ряд круглых столов были посвящены традиционно обсуждаемым на конференциях

ГУ ВШЭ проблемам развития образования, здравоохранения, повышения доступности жилья. Интересная дискуссия состоялась в рамках круглого стола «*Иновации в системе управления и финансирования здравоохранения в постсоциалистических странах*» с участием экспертов ВОЗ. Проблемы развития сельских школ в странах Восточной Европы и Центральной Азии обсуждали представители Российской академии образования и Министерства образования и науки, а также эксперты из региональных министерств образования (Алтайского края, Республики Саха (Якутия), Калининградского и др. районов).

В работе конференции принимали участие представители деловых кругов. Большой интерес у участников круглого стола «*Бизнес после кризиса*» (ведущий – А.Н. Шохин) вызвал доклад «Кризис как стимул модернизации российского автопрома», с которым выступил генеральный директор компании «Sollers» В.А. Швецов.

В рамках секции «*Макроэкономика*» российские и зарубежные эксперты обсуждали проблемы макроэкономической политики в условиях кризиса и посткризисный период. Круглый стол был посвящен экономике плоского подоходного налога. Эксперты считают, что замена плоской шкалы на прогрессивную – вопрос времени. «Во всех странах, совершивших в последние десятилетия экономический рывок, разрыв между богатыми и бедными был умеренным», – отмечает заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН **В.М. Полтерович**.

На секциях рассматривались поведение российских и зарубежных банков в период кризиса, стратегия и организация бизнеса, посткризисное развитие финансовых и фондовых рынков, проблемы модернизации корпоративного управления, развитие предпринимательства.

Ряд заседаний был посвящен проблемам реформирования политической системы России, вопросам государственного и муниципального управления, развитию гражданского общества, социокультурным процессам в России и мире, экономическому и социально-культурному развитию регионов.

В рамках секции «*Право*» был организован круглый стол «*Закон, правоприменение и интересы хозяйствующих субъектов – применимо ли прецедентное право в России?*», на котором с докладом «Судебная практика и развитие экономического законодательства» выступил председатель Высшего арбитражного суда А.А. Иванов.

С докладами, представленными на конференции, можно ознакомиться на сайте: http://conf.hse.ru/2010/prog_sections.

Поступила в редакцию 16 мая 2010 г.

К.П. Юрченко

Экономический факультет УрГУ

VII Международная научно-практическая конференция по проблемам экономического развития

«Устойчивое развитие российских регионов:

инновации, институты и технологические заимствования»

С 23 по 24 апреля 2010 г. в Екатеринбурге прошла VII Международная научно-практическая конференция по проблемам экономического развития «Устойчивое развитие российских регионов: инновации, институты и технологические заимствования». Традиционно на эту конференцию собирается значительное число именитых экономистов-исследователей и практиков, и поэтому конференция получила статус одного из ведущих региональных ежегодных экономических форумов России. Организаторами конференции, ежегодно проходящей во второй половине апреля, в этом году выступили экономический факультет Уральского государственного университета (УрГУ), Государственный университет Высшая школа экономики (ГУ ВШЭ), Высшая школа менеджмента (ВШМ) Санкт-Петербургского государственного университета, Российская экономическая школа, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, деловой журнал «Эксперт-Урал». Конференция проводилась при поддержке Министерства экономического развития РФ и Министерства экономики Свердловской области.

В этом году ключевой темой конференции стал вопрос о способности российской экономики интенсивно развиваться как на основе стратегии инновационного прорыва, так и на основе стратегии заимствования лучших практик у зарубежных стран, некогда прошедших модернизационный путь реформирования.

С приветственным словом к участникам конференции, пленарное заседание которой прошло в резиденции губернатора Свердловской области, выступили первый заместитель председателя правительства Свердловской области, министр экономики Свердловской области М.И. Максимов, ректор УрГУ Д.В. Бугров, декан экономического факультета УрГУ С.М. Кадочников, академик РАН В.М. Полтерович, первый заместитель директора ИМЭМО РАН Н.И. Иванова, генеральный директор делового журнала «Эксперт-Урал» Р.Л. Иванцкая.

На пленарном заседании «*Институциональная и технологическая модернизация: пути по-*

вышения качества экономического роста», состоявшем из двух частей, выступили академик РАН В.М. Полтерович, президент Института энергетики и финансов Л.М. Григорьев, директор Центра макроэкономических исследований Сбербанка России К.В. Юдаева, первый заместитель директора ИМЭМО РАН Н.И. Иванова, профессор ГУ ВШЭ А.А. Яковлев, министр экономики Свердловской области М.И. Максимов, заместитель Межведомственного аналитического центра Ю.В. Симачев, директор региональной программы Независимого института социального развития Н.В. Зубаревич, декан экономического факультета УрГУ С.М. Кадочников.

По мнению **В.М. Полтеровича**, сделавшего доклад по вопросам измерения и совершенствования абсорбционной способности экономики российских регионов и экономики страны в целом, способность к эффективному заимствованию недостаточно сильно развита в России и ее необходимо совершенствовать. В противном случае в попытках опереться на прорывные инновации, заведомо влекущие за собой огромные риски, страна может не успеть воспользоваться инновационной паузой, созданной глобальным кризисом.

Л.М. Григорьев считает, что потенциальные возможности российской экономики не стоит недооценивать, но необходимо усилить политику в области развития абсорбционной способности. **К.В. Юдаева** в своем докладе отметила, что самые важные уроки кризиса для России заключались в указании на то, что невыверенная в долгосрочной перспективе макроэкономическая политика может усиливать негативный эффект от глобальной нестабильности и, следовательно, становится явным препятствием на пути интенсивной модернизации экономики. О необходимости пересмотра макроэкономических инициатив, причем на уровне ведущих стран мира, а не только России, сделала доклад **Н.И. Иванова**, а о примерах успешной реализации эффективных модернизационных стратегий – **А. Еременко** (сотрудник компании КПМГ). **М.И. Максимов** рассказал о перспективах процесса модернизации экономики Свердловской области, охарак-

теризовав существующие перспективные проекты и созданные для их успешной реализации институты. **А.А. Яковлев** представил результаты масштабного исследования российской обрабатывающей промышленности и назвал ряд упущенных модернизационных возможностей. О детальном анализе антикризисных правительственных программ говорил **Ю.В. Симачев**, отметивший, что помощь от государства редко бывает безвозмездной. Обобщенному взгляду на вызовы, которые кризис бросил модернизации российской экономики, был посвящен доклад **Н.В. Зубаревич**. На основании обобщенного зарубежного и российского опыта и по материалам исследований, проведенных на экономическом факультете УрГУ, **С.М. Кадочников** сделал доклад «Готов ли Урал к инновациям?».

Пленарное заседание продолжилось специализированной сессией «Устойчивое развитие регионов: мировой опыт и модели для России», в рамках которой состоялось обсуждение докладов исследователей ЦЭФИР **Н.А. Турдыевой** и **Н.А. Волчковой**, а также исследователя из Манхайма **А. Лесхелла**, посвященных проблемам создания модели сбалансированного роста экономики, сочетающей в себе не только экономические, но и экологические и социальные параметры.

В первый же день конференции были проведены три круглых стола, собравшие немалое число представителей науки, бизнеса и органов власти. Так, в работе круглого стола «Стратегии развития моногородов: диверсификация структуры экономики и формирование предпринимательской среды» приняли широкое участие представители муниципальных образований Свердловской области. Круглый стол «Успешный средний бизнес в нестабильном экономическом окружении» собрал представителей динамично развивающихся компаний Уральского региона. А круглый стол «Корпоративное управление как инструмент антикризисной политики: новые возможности» посетили не только представители отечественной научной общественности, исследующие данный вопрос, но и представители среднего и крупного бизнеса, для которых обсуждаемые проблемы были исключительно актуальны, а полученные в итоге выводы пригодятся в практической деятельности.

Конференция продолжилась 24 апреля не менее интересными и насыщенными тематическими сессиями. Большое число участников собрала сессия «Экономическая политика и экономический рост в ресурсозависимых странах», на которой прозвучали доклады декана факультета экономики Европейского

университета в Санкт-Петербурге **К.Ю. Борисова**, первого заместителя декана ВШМ СПбГУ **И.Н. Баранова**, заместителя декана экономического факультета Амурского государственного университета **О.Г. Васильевой**, заместителя декана экономического факультета УрГУ **К.П. Юрченко**, заместителя декана экономического факультета Ульяновского государственного университета **С.А. Ермолаева**, научного сотрудника Центра региональных экономических исследований экономического факультета УрГУ **П.В. Воробьева** и заведующего сектором Института экономики и организации промышленного производства СО РАН **Е.А. Коломак**. В докладах озвучивались как промахи российских экономических властей в реализации стратегии роста в стране, так и модели, разработанные для преодоления подобных проблем.

Много участников собрала сессия «Новые модели управления компаниями», на которой выступили сотрудники ВШМ СПбГУ **Ю.Б. Ильина**, **И.В. Березинец**, **Т.А. Гаврилова**, **А.В. Куликов**, заместитель заведующего кафедрой экономики и финансов фирмы ГУ ВШЭ **Н.К. Пирогов**, заведующий кафедрой финансового менеджмента и права УрГУ **Е.В. Синецын**, докторант ГУ ВШЭ **Л.Г. Щукина**. Общую идею выступлений участники сессий свели к тому, что компании рыночного сектора экономики обладают большей адаптивностью, чем громоздкие государственные структуры, что особенно явно проявляется в период посткризисного восстановления.

В соответствии со сложившейся традицией, отдельная сессия «Математические модели устойчивого развития и экономического роста» была посвящена вопросам использования математических методов в экономике. На ней выступили ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского ЭМИ РАН **В.Д. Матвеев**, профессор РЭШ **А.В. Савватеев**, доцент ВШМ СПбГУ **А.Е. Иванов**, старший научный сотрудник ИММ СО РАН **И.А. Быкадоров**, заведующий кафедрой эконометрики и статистики УрГУ **В.Д. Мазуров**, старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН **Д.Г. Ильинский**.

На сессии «Локальные и национальные рынки труда: посткризисная адаптация и новые реалии» с докладами выступили проректор ГУ ВШЭ **С.Ю. Роцин**, директор Центра трудовых исследований ГУ ВШЭ **В.Е. Гимпельсон**, доценты ГУ ВШЭ **И.О. Мальцева**, **Е.Н. Кобзарь** и **О.Н. Мироненко**, доцент УрГУ **Е.Г. Калабина**, преподаватель УрГУ **И.А. Борисов** и научный сотрудник ЦТИ ГУ ВШЭ **А.Ю. Ощепков**. Они осветили ряд вопросов миграционной политики и формирования

устойчивых отношений, сложившихся на внутрироссийских рынках труда.

На сессии «*Финансовый менеджмент и инструменты устойчивого развития компаний*», посвященной новым моделям оценки бизнеса и управления его финансами, представили свои доклады профессор УрГУ **И.Р. Коновалова**, доцент УрГУ **Т.В. Бакунова**, директор компании «Датател-Екатеринбург» **А.В. Толмачев** и научный сотрудник лаборатории инвестиционного анализа ГУ ВШЭ **А.А. Быкова**.

Много участников привлекла сессия «*Тенденции формирования отраслевых рынков и особенности потребительского поведения в условиях экономической нестабильности*», на которой выступили заведующий лабораторией поведенческой и экспериментальной экономики ГУ ВШЭ **А.В. Белянин**, заместитель декана экономического факультета УрГУ **Н.П. Боголюбова**, научный сотрудник Института анализа предприятий и рынков ГУ ВШЭ **Б.В. Кузнецов**, декан факультета экономики Нижегородского филиала ГУ ВШЭ **С.В. Голованова** и доцент ВШМ СПбГУ **С.А. Яблонский**. В прозвучавших докладах были затронуты различные аспекты функционирования современных российских рынков.

В работе сессии «*Современные финансовые рынки: инновационные механизмы устойчивого развития*» приняли участие и выступили с докладами профессор СПбГУЭиФ им. Б.М. Сабанти, доцент УрГУ **Ю.Э. Слепухина**, аналитик ИК «Тройка Диалог» **А.В. Табах**, директор

СК «Росгосстрах-Урал» **В.А. Каточиков**. Они подняли вопрос о состоятельности современной финансовой науки, которая сделала возможными столь разрушительные потери во время кризиса.

Доклады сессии «*Интеграция регионов России в мировую экономику*» были посвящены обсуждению процесса присоединения России к международным экономическим соглашениям. Хочется отметить доклады доцента УрГУ **О.С. Мариева**, профессора УрГЭУ **Л.М. Капустина**, преподавателя УрГЭУ **А.А. Мальцева**.

Сессия «*Абсорбционная способность регионов и институциональная трансформация*» собрала интересующихся вопросами обеспечения качественного роста российских регионов за счет технологических заимствований. В докладах доцента ГУ ВШЭ **М.Е. Дорошенко** и заведующего кафедрой экономической теории УрГУ **И.В. Баскаковой** были предприняты попытки дать ответ на вопрос, насколько требовательно отечественные компании подходят к вопросу инновационного развития.

Актуальность поднятых на сессиях проблем, высокий статус приглашенных участников и насыщенность научной программы обеспечили положительные отзывы о конференции. Каждый из участников и слушателей, придя на конференцию со своими ожиданиями, мог выбрать интересующие его сессии и в живой дискуссии с докладчиками получить ответы на актуальные вопросы.

Поступила в редакцию 16 мая 2010 г.

В.Ю. Музычук

Институт экономики РАН, Москва

Международный форум по партнерству Северного измерения в сфере культуры

20–21 мая 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялся учредительный **Международный форум по партнерству Северного измерения в сфере культуры**, организованный Советом министров северных стран и правительством Санкт-Петербурга. Форум по партнерству Северного измерения в сфере культуры был посвящен обсуждению возможностей становления креативной экономики в регионе Северного измерения. В работе форума приняли участие свыше 150 исследователей, партнеров в сфере культуры, представителей органов государственной власти, креативных индустрий и различных культурных организаций

из 11 стран (России, Дании, Финляндии, Швеции, Норвегии, Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, Исландии и Германии).

Северное измерение представляет собой международное партнерство (название отражает географическую принадлежность стран-участниц), в состав которого входят страны Северной Европы, Северо-Запад Российской Федерации, страны, граничащие с Балтийским и Баренцевым морями, а также арктический и субарктический регионы. Политика Северного измерения была разработана в 1999 г. при участии стран Европейского союза, Российской Федерации, Норвегии

и Исландии. Основной целью партнерства Северного измерения является взаимовыгодное сотрудничество стран-участниц в экономике и социальной сфере для достижения устойчивого развития на Севере Европы. Партнерство Северного измерения в сфере культуры станет четвертым в дополнение к существующим партнерствам по экологии, здравоохранению, а также транспорту и логистике.

Партнерство Северного измерения в сфере культуры, новая инициатива Северной Европы, начнет свою работу в 2011 г., с целью укрепления культурных связей, усиления культурного обмена, а также финансовой поддержки долгосрочных проектов в области креативных индустрий.

Первый день работы форума открылся пленарным заседанием, посвященным политике Северного измерения и партнерства Северного измерения в сфере культуры, работой которого руководил директор Информационного бюро Совета министров Северных стран в Санкт-Петербурге Мика Бёдекер. С приветственным словом к участникам форума обратились председатель Северного комитета старших должностных лиц по Северному сотрудничеству в сфере культуры Карин Маркуссен (Министерство культуры Дании), заместитель министра культуры Российской Федерации Андрей Евгеньевич Бусыгин и председатель Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга Антон Николаевич Губанков. С основным докладом, посвященным политике Северного измерения и партнерству Северного измерения в сфере культуры, выступил председатель Подготовительного комитета по партнерству Северного измерения в сфере культуры Бендик Ругос (Министерство культуры Норвегии). Пленарное заседание завершилось подписанием «Меморандума по созданию партнерства Северного измерения в сфере культуры между Европейским союзом, Норвегией, Исландией и Россией». «Важно отметить, что данное соглашение впервые создает основу и новые условия для роста креативной экономики на Севере Европы. Теперь дело за определением конкретных проектов и инициатив, которые могут исходить от разных сторон. Соглашение – это политическое решение для продвижения новых форм сотрудничества», – отметил Майкл Вэбб, заместитель главы Представительства ЕС в России.

В ходе форума были организованы три круглых стола, с разных ракурсов рассматривающих возможности развития креативных индустрий.

Круглый стол «Креативная экономика, культурные индустрии и финансирование» собрал наибольшее число участников. Его вели

генеральный директор «Creative Industries Management Ltd» Хейки Массалин (Финляндия) и партнер «Baker&McKenzie» И.Н. Макаров. Круглый стол начал свою работу с обширного доклада Хейки Массалина, посвященного теоретическим и практическим аспектам функционирования креативной экономики. Елена Георгиевна Белова, начальник отдела Леонтьевского центра, рассказала о возможностях финансирования креативных индустрий и представила успешные проекты поддержки креативных индустрий в России, выполненные при участии Леонтьевского центра. Заместитель председателя Комитета по культуре правительства Санкт-Петербурга Александр Владимирович Платунов ознакомил участников Форума с культурными инициативами Санкт-Петербурга, финансируемыми за счет субсидий Комитета по культуре Санкт-Петербурга. С докладом «Культурная политика и системы финансирования культуры в России», подготовленным совместно с первым заместителем директора ИЭ РАН Александром Яковлевичем Рубинштейном, выступила старший научный сотрудник Института экономики РАН Вера Юрьевна Музычук, которая остановилась на ключевых проблемах развития культуры, препятствующих становлению в России креативной экономики. О непростой ситуации в музыкальной индустрии России рассказал участникам форума Игорь Борисович Пожитков, региональный директор представительства Международной федерации производителей фонограмм. Представитель Департамента культуры городского совета Риги Роландс Пуховс ознакомил аудиторию с механизмами поддержки креативных индустрий в Латвии. Опыт финансирования креативных процессов в Финляндии поделился Микаэль Вальфорсс, генеральный директор «Epidem ZOT». Финансированию проектов в области креативных индустрий в Эстонии был посвящен доклад Георга Пославски. Директор Северного культурного фонда Карэн Буэ рассказала о новых направлениях финансирования фонда, связанных с развитием креативных индустрий.

Круглый стол «Культурное наследие, фестивали и познавательный туризм» (модераторы: Андреа Байер, менеджер по организации мероприятий «ARS Baltica», (Германия) и заместитель директора Института культурных программ Ирина Николаевна Кизилова) был посвящен обсуждению успешных проектов в сфере культурных индустрий, реализованных в рамках международного культурного сотрудничества в регионе Северного измерения.

На круглом столе «Культура и инновации» (модераторы: Йорма Роутти, председатель «Creative Industries Management Ltd.» (Финлян-

дия) и Леонид Эдуардович Лимонов, директор-координатор научно-исследовательских программ Леонтьевского центра) обсуждалась роль инноваций в развитии культуры, а также необходимость и механизмы финансовой поддержки новаторства в культуре.

Второй день форума был посвящен подведению итогов работы трех круглых столов. Пленарное заседание вели Бендик Ругос, председатель Подготовительного комитета по партнерству Северного измерения в сфере культуры, и научный руководитель Института культурных программ Андрей Сергеевич Зонин. Российские и зарубежные участники

форума были солидарны в том, что сфера культуры обладает огромным потенциалом и является стратегическим ресурсом экономического развития, однако только согласованность целей и задач государства, бизнес-сообщества и сферы культуры по стимулированию творческих индустрий будет способствовать укреплению позиций креативной экономики.

Следующим шагом учрежденного партнерства Северного измерения в сфере культуры должно стать утверждение плана мероприятий на 2011 г. с последующим ежегодным проведением Культурного форума в одной из стран-участниц Северного измерения.

Поступила в редакцию 20 мая 2010 г.

Журнал Новой экономической ассоциации

Дизайн

В. Валериус

Компьютерная верстка

О. Скворцова

Редактор

И. Шитова

Издатель: АНО «Журнал Новой экономической ассоциации»

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, офис 1115.

Тел.: +7 (495) 637-69-59; Тел./ факс: +7 (495) 718-98-55

E-mail: gnea@inecon.ru; tizina@mail.ru

Подписано в печать: 25.06.2010

Формат: 70x108 1/16

Бумага офсетная: Печать офсетная

Уч. изд. л. 11,4

Тираж 700 экз.

Отпечатано в типографии ЗАО «Академический печатный дом»

Адрес: 127550, г. Москва, ул. Прянишникова, д. 2а

Зак. № 91

Перепечатка материалов из «Журнала Новой экономической ассоциации» только по согласованию с редакцией